ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946 by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH - APRIL

Published in 6 issues per year on behalf of the Faculty of Philology by Moscow University Press

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

РЕЛАКПИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. М.Л. Ремнёва

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. И.М. Кобозева

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. В.М. Толмачев

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. С.В. Князев

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. Г.В. Зыкова

Оргсекретарь — к. п. н., доц. И.Э. Стрелец

Вып. ред. англ. верс. — к. ф. н., доц. Д.С. Мухортов

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. О.В. Александрова; к. ф. н., доц. А.Е. Беликов; д. ф. н., проф. Т.Д. Венедиктова; д. ф. н., проф. Д.П. Ивинский; д. ф. н., проф. А.И. Изотов; д. ф. н., проф. С.И. Кормилов; д. ф. н., проф. Н.Т. Пахсарьян; д. ф. н., проф. Е.В. Петрухина; д. ф. н., проф. А.И. Солопов; д. ф. н., проф. С.Г. Татевосов; д. ф. н., ст. науч. сотр. О.Е. Фролова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д. ф. н., проф. А. Аматуцци (Италия, Туринский ун-т); д. ф. н., проф. М. Бёмиг (Италия, Неаполитанский ун-т); д. ф. н., проф. Я. Вавжиньчик (Польша, Варшавский ун-т); д. ф. н., проф. А.Л. Верлинский (Россия, СПбГУ); д. ф. н., проф. Ю. Вольф (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков); д. ф. н., проф. А.А. Гугнин (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); д. ф. н., проф. В.З. Демьянков (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. Дж. Дёйч-Корнблатт (США, Колумбийский ун-т); д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН А.В. Дыбо (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. В.И. Заботкина (Россия, РГГУ); д. ф. н., проф. Т.А. Золотова (Россия, Марийский гос. ун-т); д. ф. н., проф. О.Ю. Инькова-Манзотти (Швейцария, Женевский ун-т); д. ф. н., проф. Т. Йованович (Сербия, Белградский ун-т); д. ф. н., проф. М.К. Лейте (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. Г.В. Медведева (Россия, Иркутский гос. ун-т); д. ф. н., проф. Б. Мирчевская-Бошева (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); д. ф. н., проф. Э. Моттирони (Швейцария, Женевский ун-т); д. ф. н., проф. А. Мустайоки (Финляндия, Хельсинкский ун-т); д. ф. н., А.Л. Налепин (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. Д.О. Немец-Игнашева (США, Карлтон колледж); д. ф. н., проф., акад. Х.Г. Нессельрат (Германия, Геттингенский ун-т); д. ф. н., проф., акад. Ж. Нива (Франция, Европейская академия); д. ф. н., проф. А. Орландо Кавальере (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. Н.Ф. Палмер (Великобритания, Оксфордский ун-т); д. ф. н., проф. В.В. Полонский (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. Э. Раскини (Франция, Эколь Нормаль); д. ф. н., проф. Дж. Робертс (Великобритания, Лондонский ун-т); д. ф. н., доц. М. Ухлик (Словения, ун-т Любляны); д. ф. н., проф. С. Цэрэнчимэдийн (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80, +7 499 391-28-31. E-mail: edit@philol.msu.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 25.04.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

© Издательство Московского университета, 2018

^{© «}Вестник Московского университета», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

$\sim$			
LЛ	เลา	ГЪ	И

языкознания	9 35
Москвин Г.В. Четыре портрета (эволюция словесного портрета роман-	
<i>Москвин 1.В.</i> Четыре портрета (эволюция словесного портрета роман-	33
ного героя М.Ю. Лермонтова — лермонтовского человека)	61
Боброва О.Б. К вопросу о роли когнитивной, языковой и индивидуально-авторской метафоры в описании языковой картины мира (на примере языковых метафор АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας. Σινά» Никоса Казандзакиса)	73
Уракова А.П. Изображение смерти и вечной жизни в американском сентиментальном романе XIX века («Широкий, широкий мир» С. Уорнер и «Приотворенные врата» Э. Стюарт Фелпс)	81
К 80-летию В.С. Высоцкого	
Гавриков В.А. Какие песни чаще всего пел Высоцкий? А также о восприятии творчества поэта в современной России	93
Жукова Е.И. Зарифмованная Москва Владимира Высоцкого Кормилов С.И. «Про дикого вепря» как квинтэссенция песенного творчества Высоцкого	107 112
	112
Нижегородский центр изучения динамических процессов в русском языке	
Петрухина Е.В. От редколлегии	125 127
Материалы и сообщения	
Дойкина К.Ю. Глагольные энклитики в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв	
Разгулина Л.А. «Буквализация» аудиального воображения в авангардистском тексте: Ч. Олсон, Р. Раушенберг, А. Роб-Грийе	222
Критика и библиография	
Чавчанидзе Д.Л. Рецензия на кн.: Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018	233

Мазур Н.Н. Рецензия на кн.: Шеля А. «Русская песня» в литературе 1800—1840-х гг. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2018	239
Научная жизнь	
Онипенко Н.К. Хроника XLIX Виноградовских чтений	245
Семина А.А. Горький сегодня (круглый стол к 150-летию со дня рож-	252
дения)	253

CONTENTS

Articles	
Obolenskaya, Yu.L., Sheveliova, A.Yu. Current Trends of Modern Spanish Linguistics	9
Savelyev, V.S. The Functions of Direct Address in "The Tale of Bygone Years" (Article 2)	35
Moskvin, G.V. The Making of Lermontov Man: Four Character Portrayals in M. Lermontov's Novels	61
<i>Bobrova</i> , <i>O.B.</i> The 'ABSTRACTION is OBJECT' metaphor in Nikos Kazantzakis' Ταξιδεύοντας, Σινά: The impact of Metaphor in the Description of a worldview	73
Urakova, A.P. Death and Afterlife in the 19th-century American Religious Novel (S. Warner's The Wide, Wide World and E.S. Phelps' The Gates Ajar)	81
Vladimir Vysotsky's 80 th Anniversary	
Gavrikov, V.A. The Songs Vladimir Vysotsky Sang Most Often, or Vladimir Vysotsky's Poetry in Russia Today	93 107 112
The Nizgny Novgorod Center for Studies of Dynamic Processes in the Russian Language	
Petrukhina, E.V. From the Editorial Board	125 127
Communications and Materials	
Doikina, K. Yu. Verbal Enclitics in Property Records and Treaties of Russian Grand and Local Princes in the 14 th – 16 th centuries	156
Chen Xiaohui, O.V. Kukushkina. The Parallel Corpora of Russian and Chinese Texts	170
and Manuscript Collections of State Historical Museum and the Russian State Library	198 211
Razgulina, L.A. "Literalization" of the Auditory Imagination in the Avant-garde Text: Charles Olson, Robert Rauschenberg, Alain Robbe-Grillet	222
Critique and Bibliography	
Chavchanidze, Ju.L. Book review: Venediktova, T. Literature as Experience, or the "Bourgeois Reader" as a Cultural Hero. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018	233

Mazur, N.N. Book review: Shelya, A. "The Russian Song" in the 1800–1840s Literature. Tartu: Tartu University Press, 2018	239
Scholarly Life	
Onipenko, N.K. The Chronicles of the XLIX Vinogradov Readings	245
Semina, A.A. M. Maxim Gorky Today (a round table on M. Gorky's 150 th anniversary)	253

СТАТЬИ

Ю.Л. Оболенская, А.Ю. Шевелева

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Мадридский автономный университет Испания, Мадрид, Кантобланко, 28049

Статья посвящена обзору актуальных тенденций современного испанского языкознания, и одновременно затрагивает проблематику испанской филологической традиции XX и начала XXI в. в целом, а также специфику взаимоотношений между академической и университетской наукой в этой стране. Деятельность университетских ученых и основные направления исследований рассматриваются в меняющемся культурно-историческом и социально-политическом контексте современной Испании.

Ключевые слова: актуальные тенденции испанской лингвистики; филологическая традиция; национальная и социокультурная специфика; деятельность академий языка и университетов.

Испанское языкознание почти неизвестно в России, и поэтому для того, чтобы можно было оценить оригинальность или традиционность разрабатываемых сегодня теорий и концепций, наш обзор и анализ актуальных тенденций будет опираться на ретроспективу достижений национальной школы и основных направлений исследований за предшествующие десятилетия. Ведь некоторые из тех новых идей, которые появились в 1980-е годы и были опубликованы в нескольких интересных работах, сейчас трансформировались в научные направления, однако оценивать их как тенденции XXI в. было бы не совсем верно. В то же время популярная в данный момент проблематика лингвистических и экстралингвистических

Оболенская Юлия Леонардовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: obolens7@yandex.ru).

Шевелева Александра Юрьевна — доктор филологических наук, преподаватель Автономного университета Мадрида (e-mail: acheveleva@tuamconsulting.com).

А.Ю. Шевелева в 2017 г. проходила докторантскую стажировку на кафедре иберороманского языкознания под руководством Ю.Л. Оболенской. Настоящая статья стала опытом обобщения результатов анализа ситуации в современной испанской лингвистике *снаружи* и *изнутри*.

исследований может развиться в новую научную школу, а может ограничиться исключительно конъюнктурой сегодняшнего дня и не оставить значимого следа в истории науки.

Кроме того, значимость любой тенденции в гуманитарных науках может быть оценена лишь относительно того социокультурного контекста, в котором она возникла. Сходные с методологической точки зрения лингвистические исследования применительно к разным языкам и диалектам могут иметь разную значимость для науки в зависимости от распространенности, значимости и изученности этого диалекта. В литературоведческих исследованиях при сходной тематике может активно использоваться определенный метод анализа в рамках одной языковой культуры, никогда не применяясь в другой¹.

Следование и значительное отставание от европейских филологических школ вообще характерно для развития испанского языкознания, которое развивалось в первой трети XX в. под влиянием преимущественно немецкой, а затем французской школы, а со второй половины века — североамериканской. Во второй половине XX в. одновременно и с опозданием лет на 50 (!) испанские исследователи «открывали» для себя то русский формализм, то пражских структуралистов, то американских культурологов. Справедливости ради отметим, что до середины 1970-х годов зарубежная лингвистическая литература в Испании почти не переводилась, а упоминать в своих исследованиях многих ученых и даже целые школы не было возможности из-за цензурных ограничений. Очень важно учитывать и тот факт, что до конца 1970-х годов в Испании практически не было фундаментальных исследований, посвященных другим языкам этого многонационального и поликультурного государства; и только после смерти Франсиско Франко и принятия новой испанской конституции в национальных автономиях начался активный процесс становления национальных школ, которые занялись кодификацией, нормализацией и теоретическим осмыслением каталанского, баскского и галисийского языков, а также различных диалектов этих языков.

В связи с этим в данной статье речь пойдет о тенденциях, которые, во-первых, уже успели оформиться как направления и по сути развивают концепции основателей при их активном участии, а вовторых, уделяется особое внимание тем теориям, которые отличает ярко выраженная испанская специфика.

¹ Да и сам доступ к достижениям различных национальных школ может быть ограничен разного рода барьерами, в том числе и языковым, когда специалист, владеющий одним или двумя языками, может знакомиться с новинками в пересказе исследователей на известных ему языках.

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание: на развитие испанского языкознания оказывает значительное влияние тот факт, что в Испании структура и формальная «принадлежность» этой отрасли науки в целом отличаются от российской традиции, как, впрочем, и традиций многих других стран, кроме, пожалуй, Германии.

Суть этих различий заключается в том, что в Испании вслед за Германией укоренилось постулированное еще В. Виндельбандом и Г. Риккертом деление научных дисциплин на «науки культуры» и «науки духа». Поэтому исследования языка литературы или шире — анализ структуры художественных произведений в целом — рассматриваются не столько в рамках лингвистики или филологии, сколько культуроведения — *Kulturwissenschaft*². В испанских университетах традиционно существовали факультеты философии и словесности, где и изучали языки, а вот факультеты искусств изучали художественную литературу как род искусства и часть культуры. В каталогах библиотек напрасно искать раздел литературоведения или стилистики — работы будут отнесены либо к литературной критике, либо к теории литературы, а чаще — к семиотике.

И эта, на первый взгляд, чисто эпистемологическая дифференциация наук, распространенная, кстати, не только на Пиренейском полуострове, именно в Испании стала определяющей для развития филологии на протяжении почти всего XX в., причем не только в области литературоведения, но и лингвистики. Это становится очевидным при анализе современных программ и курсов испанских университетов, за последние десятилетия претерпевших ряд фундаментальных реформ. Во-первых, курсы по литературе и даже общей лингвистике в учебных программах университетов и в структуре исследовательских подразделений относятся не к филологии, а к искусствоведению. Так спланированы многие докторские программы, учрежденные согласно Королевскому Декрету RD/2011: например, в Барселонском университете (UAB) подобная программа называется Estudis Lingüístics, Literaris i Culturals («Лингвистические, литературные и культурные исследования», в Автономном университете Мадрида (UAM) — Estudios Artísticos, Literarios y de la Cultura («Художественные, литературные и культурные исследования»).

Во многих университетах, таких, например, как уже упомянутые Автономные университеты Мадрида и Барселоны (UAM и UAB), Мадридский университет Карлоса III, Гранадский университет, соответствующим образом построена и административная структура. Как правило, в университетах имеется большой факультет

 $^{^2}$ Подробно это эпистемологическое разделение описано в работе Риккерта: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998 (серия: Мыслители XX века).

философии и словесности (Filosofía y Letras), на котором существуют кафедры (отделения) изобразительных искусств, музыки, иногда кинематографа, философии. Кроме того, на нем же находятся отделения испанской, немецкой, арабской филологии и т.д.³, и к ним присоединяется иногда переводческое отделение, либо оно выделяется в Школу переводчиков. Существующие на таких факультетах отделения общей лингвистики и литературы — обычно самые большие по количеству преподавателей из вышеперечисленных, но в структуре факультета такие отделения оказываются ближе не к филологии, а к искусствовелению. Это отражается как в учебных программах и предлагаемых курсах этого отделения — они, как правило, синтетические (включают, например, также курсы по музыковедению и различным аспектам визуальной культуры), а в том, что касается лингвистики, на них изучаются в основном коммуникативные аспекты, которые превалируют и в направлениях научных исследований. Публикуемые монографии, статьи, диссертации в большинстве своем также имеют синтетический характер, объединяя анализ произведений различных видов искусств⁴.

Следует отметить, что зачастую испанские лингвисты даже не имеют филологической подготовки: по своему базовому образованию это могут быть психологи, изучавшие теории коммуникации, искусствоведы, историки, философы, социологи. Характерно, что новый директор института Сервантеса — Хуан Мануэль Бонет, назначенный в январе 2017 г., — не филолог или лингвист, а искусствовед. Это бывший директор Национального музея «Центра искусств королевы Софии» и специалист по испанскому авангарду в изобразительном искусстве.

Интересно, что данная схема организации учебного процесса и научных исследований, уже десятки лет работающая в большей части испанских учебных заведений, сосуществует с сохраняющейся в более «консервативных» университетах традиционной структурой. Например, с классической организацией филологического факультета одного из старейших университетов Испании — мадридского

³ Причем любопытно, что на отделениях восточных языков наряду с арабским, японским или ивритом изучается и русский язык, а вот славянские отделения существуют далеко не во всех университетах.

⁴ За последнее десятилетие вышло множество работ, активно применяющих методологию языкознания и литературоведения к другим видам искусств. К ним можно отнести, например, монографию Переса Бовие (*Pérez Bowie J.A.* Leer el cine: la teoría literaria en la teoría cinematográfica. Salamanca, 2008). Есть также «синтетические» работы, ставшие уже классическими, например известная работа Эрнандес Герреро (*Hernández Guerrero J. A.* Teoría del arte y teoría de la literatura. Cádiz, 1990). Но именно в последние годы тенденция все больше усиливается. Так, в каталоге Worldcat с 2010 г. представлено 88 испанских научных изданий (монографий и сборников), одновременно относящихся к литературоведению и изучению живописи, 109 — к литературоведению и театру.

Комплутенсе, где сохранились не только название филологического факультета, но и отделения общей лингвистики и отделений по языковым группам. Особой структурой в этом университете является Высшая школа переводчиков и современных языков, которая помимо подготовки практикующих переводчиков, активно занимается и научными исследованиями в области сопоставительной лингвистики, публикует их результаты, организует престижные научные конгрессы.

Таким образом, с одной стороны, испанская филология, во многих университетах утратившая статус области фундаментальных знаний о языке и литературе, сегодня развивается в тех направлениях, которые занимаются исследованием художественной литературы как одного из родов искусства, получая при этом постоянную подпитку от смежных областей знаний, а с другой — с трудом выстраивает отношения с классической лингвистикой, в постсоссюровском понимании этого слова. Язык (как система) и речь, понимаемая как совокупность речевых явлений и речевых продуктов, как слово и высказывание — все то, что собственно и является предметом изучения филологии — в испанской общей лингвистике рассматривается сравнительно редко. Для испанской лингвистической школы язык сегодня — это все чаще лишь один из возможных способов коммуникации наравне с другими знаковыми системами.

Кроме того, литературоведческие (и искусствоведческие) подходы, методики, теории и школы активно проникают в общелинг-вистические дисциплины. Неудивительно, что в последние годы наибольшее развитие получили в Испании такие направления исследований, как риторика, стилистика, когнитивная лингвистика, прагматика, семиотика и другие подобные направления, методология и результаты исследований которых могут быть применены к любому виду искусств как к знаковой системе. Например, мы можем говорить о стилистике и риторике живописи, о ее когнитивном компоненте и т.п.

В результате сформировалось два основных течения, развивающиеся, на первый взгляд, независимо друг от друга. Одно течение теснее связано с классической филологией и пришедшими из нее учеными и сосредотачивается на традиционной проблематике лексикографии, лексикологии, социолингвистики, а в последние десятилетия — на антропологической, этнографической, исторической и корпусной лингвистике. Общее для этого направления — это преимущественно описательный характер исследований, в них фиксация языковых явлений превалирует над стремлением установить причинно-следственные связи и определить механизмы и закономерности различных видов речевой коммуникации. В это же

время второе направление, связанное с литературоведением и искусствоведением, напротив, претендует на создание различных масштабных, нередко претендующих на глобальность, теорий и методик исследования, которые тем не менее впоследствии редко находят системное применение в практике и научных исследованиях.

Относительно развития популярных сегодня направлений испанского языкознания, следует подчеркнуть, что они обусловлены несколькими факторами и, как правило, связаны с прикладными аспектами или глобальными проектами, объединяющими лингвистов разных стран на двух континентах, субсидируемых Европейским Союзом и североамериканскими институтами.

Рассмотрим эти факторы. Во-первых, это новый социокультурный контекст и политическая конъюнктура: в период глобализации в XXI в. в странах испанской речи не могло не возникнуть стремление защитить национальную идентичность и родной язык от экспансии английского на обоих континентах. Вместе с тем достигли пика центробежные устремления национальных элит автономий Испании (также, впрочем, как и отдельных стран испанской речи), направленные на достижение не только политической независимости, но и лингвистической — то есть к отказу от испанского языка как национального и переходу на языки титульных наций.

Академии испанского языка к концу XX в. вышли из состояния пассивной созерцательности и борьбы за чистоту языка, призвав ученых к описанию и анализу испанского языкового пространства, охватывающего свыше 450 млн говорящих во всем мире от Филиппин до США (где по статистике на нем говорят более 50 млн человек). Именно Академии испанского языка стали инициаторами так называемой глобализации испанского лингвистического пространства, приступив к созданию того, что в разных документах называлось "lengua estandar"⁵. Мы стали свидетелями настоящей лингвистической революции — переходу к «новой паниспанской языковой политике», отражающейся в попытках создания паниспанской языковой нормы; по словам академиков нескольких национальных Академий испанского языка — это пиренейская норма с учетом и допустимостью национальной специфики, но на деле — это так привлекающий глобалистов универсальный всеобщий испанский español general⁶.

⁵ Различные издания предлагали варианты названия: español/castellano globalizado, español/castellano neutro, а самые радикальные реформаторы предложили даже номинацию-термин — "dialecto general neutro", т.е. общий нейтральный диалект.

⁶ О возможности и даже необходимости выработки единой нормы не раз писал и говорил еще Э. Косериу в 1970-е годы, призывая к созданию единого образца для всех национальных разновидностей испанского языка, для этого, по его мнению, не хватало «языковой решимости».

В 1998 г. в Мексике состоялся XI конгресс Ассоциации академий испанского языка, в котором участвовали все 22 Академии языка, включая самые молодые, в том числе Академию испанского языка Филиппин и США (она образована в 1973). Провозглашенный тогда девиз: "La unidad en diversidad" — «Единство в многообразии» определил будущие направления деятельности национальных Академий. Их два — Испанский язык в мире и Сохранение испанского языка. Все вопросы нормализации и кодификации испанского языка теперь 22 Академии решают сообща. При этом действия Академий испанского языка в 22 странах испанской речи направлены прежде всего на унификацию вариантов испанского языка, и работа эта началась еще в конце XX в. с глобальных проектов: на этом же XI конгрессе 1998 г. по предложению Чилийской академии языка было принято решение о начале работы над дескриптивной и одновременно нормативной грамматикой, которая позволила бы всем носителям языка «разъяснить их затруднения по вопросам нормы». «Новая грамматика испанского языка», стала плодом коллективных усилий и была опубликована Королевской академией языка в 2009—2011 г. [Real Academia Española, 2009–2011]⁷.

«Новой грамматике» предшествовали два важных издания Академии: в 1999 г. вышла фундаментальная «Дескриптивная грамматика испанского языка» [Bosque, Demonte, 1999], включившая словоформы, ранее признававшиеся ненормативными в литературном языке, однако зафиксированные в диалектах и национальных вариантах испанского языка. А изданная в том же году и сразу же вызвавшая бурную полемику «Орфография испанского языка» [Real Academia Española, 1999] среди прочего предложила, например, самим говорящим руководствоваться собственными критериями необходимости фиксации графического ударения при письме.

Интересно, что «Новая грамматика» в предисловии характеризуется одновременно как «справочное издание и исследовательский текст» (obra de consulta y como texto de estudio), а ее создатели декларируют принцип полицентричности, при котором само понятие нормы становится относительным и не может устанавливаться одной страной. Рассуждения о рекомендательном характере замечаний об использовании определенных форм и конструкций сопровождаются демонстрацией их использования в общем испанском (español general), а использование ранее не признаваемых нормативными средств рассматривается как допустимое в разных языковых реги-

⁷ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española (en tres vols.). Madrid, 2009—2011. Кстати, предыдущая грамматика была написана еще в 1931 г., и только в 1973 появился "Esbozo de una nueva gramatica de la lengua española" — «Эскиз новой грамматики испанского языка».

страх, региональных нормах (normas locales) и диалектных вариантах (variantes dialectales) ^{8} .

Проблемы нормализации испанского языка вышли за рамки академических споров или участия университетских преподавателей в социолингвистических исследованиях и создании подобных учебно-научных комплексов: грамматик в жанре эссе-исследования или лексикографических изданий, отражающих в том числе результаты анализа художественных текстов или полевых исследований, социологических опросов и т.п. Популизм в лингвистической среде приводит к исчезновению самого понятия языковой нормы, опасной тенденции к упрощению грамматических правил⁹, зачастую в ответ на требования малограмотных эмигрантов.

Проблемы нормализации и кодификации стоят на повестке дня и довольно активно работающей группы университетских исследователей каталанского, галисийского, баскского языков и диалектов этих языков — астурийского, эстремадурского или валенсийского и т.д., которые на волне тенденции к самоидентификации также стремятся к приобретению статуса языка. Вообще следует сказать, что в испанской этнолингвистике начиная с 1970-х годов большое влияние на все направления оказывает процесс лингвистического сепаратизма. Многие исследователи не только внутри Испании, но и за ее пределами в этом некий процесс, возникший как противовес глобализации.

Для каталанского языка, например, это такие лингвополитические проявления, как блаверизм (отделение валенсианского диалекта), гонейизм (отделение балеарского диалекта в самостоятельный язык) и выделение диалекта Западной полосы Арагона в арагонский каталанский (самое последнее течение, возникшее недавно). У каждого из этих диалектов или языков есть свои защитники и в научной среде, ведутся работы по обоснованию как возможности выделения

⁸ Отметим, что уже в «Паниспанском словаре трудностей» (2005) прескриптивность также подменялась описанием *возможностей*. Так, ранее ненормативные или потенциально возможные варианты множественного числа предлагались как равные. Это, например, вариативные формы множественного числа существительных с ударными і в окончании: *Jabalis — jabalies, rubis — rubies, tunecis — tunecies*. Последняя форма представляет собой потенциальную, поскольку в реальном узусе по-прежнему используется привычная форма — *tunecinos*.

⁹ На страницах испанских газет и сайтах Интернета только что прошла дискуссия по поводу того, что в речи уже никто не в состоянии использовать правильно одну из форм повелительного наклонения широкоупотребительного глагола **irse** (уходить). В результате по многочисленным «заявкам» малограмотных пользователей языка ее заменили на форму инфинитива!

¹⁰ В России подобный анализ проводится, например, в работе: *Мартыянов Д.С.* Лингвистический сепаратизм и этническое сознание в контексте управления интернетом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. 1. Тамбов, 2013. № 6.

этого диалекта в отдельный язык (например, "Normas del Puig" для валенсианского языка), так и невозможности и опасности бесконечного дробления языковых общностей.

Примером исследования, граничащего с абсурдом, является работа Леопольдо Пеньяррохи Торрехона, опубликованная еще в 1990 г. 11, в которой он настаивал на том, что существующая тесная связь и практически тождество между romance — староиспанским языком — и современным валенсийским, доказывает, что валенсийский язык (в действительности являющийся диалектом каталанского языка) возник независимо от каталанского. Несмотря на острую критику со стороны научного сообщества, Торрехон продолжает публиковать работы по данной теме, и последняя вышла в 2011 г. Справедливости ради стоит отметить, что он опубликовал и гораздо более высоко оцениваемые научным сообществом работы по мосарабским диалектам зоны, принадлежавшей арагонской короне.

Характерным свидетельством обратного процесса — попытки не разделять, а объединять — является публикация в 2016 г. Институтом каталанских исследований (Institut d'Estudis Catalans, IEC) новой грамматики каталанского языка, разрабатываемой в течение 20 лет под руководством Геммы Ригау, Мануэля Перес Салданья и Марии Терезы Кабре¹² и в целом соответствующей принципам составителей «Новой грамматики испанского языка» королевской Академии. Новая грамматика каталанского, с одной стороны, защищает диалектные нормы, не объявляя их «неправильными», с другой — объединяет эти диалектные нормы все-таки под эгидой каталанского языка.

Профессор Автономного университета Мадрида Хуан Карлос Морено Кабрера также посвятил большую часть своей научной деятельности борьбе с лингвистическим сепаратизмом и национализмом, защищая равенство языков автономий и внося существенный вклад в дело нормализации и кодификации языков народов Испании 13. В целом следует заключить, что в последние два десятилетия различного рода этнолингвистические исследования, связанные с языками и диалектами Испании, ведутся достаточно интенсивно.

¹¹ *Peñarroja Torrejón L.* El mozárabe de Valencia: nuevas cuestiones de fonología mozárabe. Madrid, 1990.

¹² Rigau G., Pérez Saldanya M., Cabré M.T. et al. (eds). Gramàtica de la llengua catalana. Barcelona, 2016.

¹³ Одна из обобщающих работ этого исследователя по данной теме — это *Moreno Cabrera J. C.* El nacionalismo lingüístico: una ideología destructiva. Barcelona, 2008. Данная работа выдержала уже перевод на несколько языков (галисийский и каталанский) и несколько переизданий, последнее датируется 2015 г.

Подробнее об этом корпусе см.: *Fernández-Ordóñez I*. Dialect grammar of Spanish from the perspective of the audible corpus of spoken rural Spanish (or Corpus Oral Y Sonoro del Español Rural, COSER). Universitat de Barcelona. Dialectologia: revista electrónica. 2009: Núm.: 3. URL: http://www.raco.cat/index.php/Dialectologia/article/view/198820/266019 (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

Развитию новых аспектов традиционных направлений лингвистики в значительной мере способствуют два экстралингвистических фактора: с одной стороны, технологический — это информатизация, возможность анализа и обобщения больших объемов информации, а с другой социально-политический — благоприятный общественно-политический климат для этнолингвистических и гендерных исследований.

Трудно переоценить важность появления такого инструмента исследований практически во всех направлениях современной лингвистики, каким стали языковые корпусы; они начали формироваться в Испании с 1990 г. сначала как текстовые, а затем стали содержать коллекции аудиофайлов. Среди наиболее значимых из них следует указать три корпуса Королевской академии испанского языка: Corpus de Referencia del Español Actual (CREA); Corpus Diacrónico del Español (CORDE) и Corpus del Nuevo Diccionario Histórico del Español (CDH)¹⁴. Следует также заметить, что с 2012 г. под руководством Гильермо Рохо Санчеса ведется работа по преобразованию корпусов СREA и CORDE в единый сводный корпус CORPES XXI.

Отметим то, что существуют и различные «независимые» корпусы, подготовленные исследователями, как правило, для более узких, специальных нужд. Так, например, отдельно разработан языковой корпус испанских диалектов, Corpus Oral y Sonoro del Español Rural (COSER), уже на протяжении многих лет разрабатываемый Инес Фернандес-Ордоньес (Inés Fernández-Ordoñez¹⁵), или Corpus del Español Actual, содержащий преимущественно юридические и энциклопедические тексты¹⁶.

Следует также упомянуть корпус, созданный за пределами Испании Марком Дэвисом (профессором лингвистики Brigham Young University), — исторический и современный корпус испанского языка, насчитывающий более двух миллиардов слов¹⁷.

¹⁴ Обратиться к данным корпусам можно на сайте RAE. URL: http://www.rae.es/recursos/banco-de-datos (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

Ссылки на этот и следующие корпусы: Corpus Oral y Sonoro del Español Rural. URL: http://www.corpusrural.es/ (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

¹⁵ Подробнее об этом корпусе можно прочитать, см.: Fernandez-Ordonez I. Dialect grammar of Spanish from the perspective of the audible corpus of spoken rural Spanish (or Corpus Oral Y Sonoro del Espanol Rural, COSER). Universitat de Barcelona. Dialectologia: revista electronica. 2009: Num.: 3. URL: http://www.raco.cat/index.php/Dialectologia/article/view/198820/266019 (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018). Созданию этих корпусов посвящена работа самого Гильермо Рохо: Rojo G.: Citius, maius, melius: Del CREA al CORPES XXI". En Kabatek, Johannes (ed.) con la colaboración de Carlota de Benito): Lingüística de corpus y lingüística histórica iberorrománica. Berlín, 2016, 197–212.

¹⁶ Subirats C., Ortega M. 2012. Corpus del Español Actual. URL: http://spanishfn.org/tools/cea/spanish (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

¹⁷ Mark Davies. Corpus del Español. URL: http://www.corpusdelespanol.org/ (Язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

Аналогичные корпусы были созданы и для других языков Испании. Для каталанского языка наиболее важным является Согриз Textual Informatitzat de la Llengua Catalana¹⁸; для галисийского — Corpus de Referencia do Galego Actual (CORGA)¹⁹, разрабатываемый Марисоль Лопес Мартинес (Marisol López Martínez), кроме того обещает стать значимым источником создаваемый в данный момент группой исследователей Института галисийского языка под руководством Шосе Луисом Регейра Фернандесом (Xosé Luís Regeira Fernández) Corpus Oral Informatizado da Lingua Galega (CORILGA)²⁰. На баскском языке основным корпусом является, пожалуй, Euskal Klasikoen Corpusa (EKC)²¹. Но надо отметить, что в целом корпусы на каталанском, галисийском и баскском развиты гораздо меньше, чем на кастильском испанском, и, как правило, их создание было начато позже, чем работа над испанскими корпусами.

Для баскского языка особое значение имеют работы Хоакина Горрочатеги, который в основном занимается проблематикой его происхождения и истории ^{22} , а также Рикардо Сьербиде и Беатрис Фернандес Фернандес по современному баскскому языку. Отметим также исследования Лурдес Оньедерра в области фонологии баскского языка ^{23} .

В исследованиях галисийского языка огромная работа ведется уже упомянутыми исследователями Марисоль Лопес Мартинес, являющейся координатором проекта CORGA, и Шосе Луис Регейра Фернандес, разработчиком проекта CORILGA. Одним из крупнейших исследователей галисийской литературы на данный момент является Шесус Алонсо Монтеро — автор более чем десятка монографий и президент Королевской академии галисийского языка (Real Academia Galega).

¹⁸ Corpus Textual Informatitzat de la Llengua Catalana. URL: https://ctilc.iec.cat/(Язык источника: каталанский) (дата обращения: 15.02.2018).

¹⁹ Corpus de Referencia do Galego Actual (CORGA). URL: http://corpus.cirp.es/corga/index.html (Язык источника: галисийский и испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

²⁰ Corpus Oral Informatizado da Lingua Galega. URL: http://ilg.usc.es/gl/node/1016 (Язык источника: галисийский и испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

²¹ Euskal Klasikoen Corpusa (EKC). URL: http://www.ehu.eus/ehg/kc/ (Язык источника: баскский) (дата обращения: 15.02.2018).

²² Классической считается работа этого исследователя «Сравнительный метод исторической лингвистики» (*A. Meillet Joaquín*. Gorrochategui Churruca. Metodo konparatzailea hizkuntzalaritza historikoan Bilbao, 2001). Он также является главой Института классических исследований баскского языка и под его руководством регулярно выходят сборники работ, посвященных этой теме.

²³ Кроме своих научных исследований, это достаточно известная писательница, в 2008 г. один из ее романов, «И сказала змея женщине», был переведен на русский язык. *Оньедерра Л.* И сказала змея женщине... / Пер. с испанского Е. Зерновой. СПб, 2008.

Арагонский диалект представлен несколькими интересными исследователями. Важнейшая роль в изучении этого диалекта принадлежит Франчо Нагоре Лаину, который со времени падения франкистского режима и до настоящего времени ведет активную работу по признанию его отдельным языком²⁴. Кроме того, стоит упомянуть необычного исследователя — Бьенвенидо Маскарай Сина, отставного адвоката, посвятившего пенсионные годы оригинальным исследованиям рибагорсанского диалекта арагонского языка (aragonés ribagorzano). Он успел уже опубликовать много интересных работ.

Говоря о специфически испанских и особенно популярных сегодня (а скорее инициированных политиками-популистами) направлениях исследований, мы не можем не коснуться темы, которая широко освещается не только в специальных изданиях, но и в испанских СМИ. Это проблема так называемого несексистского языка — Lenguaje no sexista. Данная проблематика связана с тем, что испанский язык имеет достаточно выраженный андроцентризм. К тому же морфологические проблемы во второй половине XX в. приобрели социальную окраску: например, в Испании обозначения многих профессий существовали только в мужском роде — *abogado* (адвокат), ministro, presidente, и вот на волне демократизации и борьбы за гендерное равенство были узаконены окончания женского рода «-а» для обозначения профессий не только в тех случаях, когда возможность образования женского рода была потенциально заложена системой языка (ministro — ministra, médico — médica и т.п.), но даже и в тех случаях, когда речь шла о существительных одного окончания, например: presidente — presidenta. Раньше испанский язык для обозначения представительниц этих профессий прекрасно обходился использованием артикля женского рода. Отметим, что ранее в разговорной речи женский род в сниженном регистре обозначал жен представителей перечисленных профессии и категорий (ср. с русским — генеральша). В последние годы СМИ все чаще требуют равенства и в обозначении тех профессий, которыми традиционно занимались женщины — например, предлагают ввести мужской род в обозначение представителя древнейшей профессии — puto (puta). «Посягают» даже на такие продуктивные суффиксы, как — ista, например, возможно мы увидим в будущем слова capitalisto u idealisto, хотя хотелось бы верить в здравый смысл.

Королевская Академия испанского языка понемногу пополняет издаваемые академические словари номинациями профессий в женском роде, тем самым констатируя огромное влияние социально-

²⁴ Одна из последних масштабных работ этого автора в этом направлении: *Nagore Laín F.* Lingüistica diatopica de l'Alto Aragón. Cómo ye l'aragonés de cada puesto: carauteristicas, bibliografía, testos, mapas. Huesca, Consello d'a Fabla Aragonesa / Instituto de Estudios Altoaragoneses, 2013.

политических процессов на язык. А вот среди носителей языка растет толерантность к тому, что раньше однозначно оценивалось, как речевые ошибки: использование окончания женского рода в существительных без окончаний (заканчивающихся на согласные): например, когда более 10 лет назад жена премьер-министра Испании, обращаясь к молодежи, произнесла: "¡Jovenes v jovenas!" (нормативно использование только первого слова) — это вызвало шквал критики и насмешек, а теперь подобные речевые ошибки в речах политиков-популистов стали средством манипуляции общественным сознанием. Вот свежий пример: представители некоторых политических партий, например Podemos (Мы можем), обращаются к аудитории "Damas y damos, caballeras y caballeros". И хотя поначалу это выглядит анекдотичным, тем не менее эти тенденции все активнее проникают в так называемый espofcont — español oficial contemporáneo (официальный современный испанский) и уже становятся его частью.

Кроме того, феминистки заметили, что в женском роде слова чаще имеют отрицательную коннотацию. Например, зооморфизмы мужского рода обычно комплиментарны: например, zorro (лис) — «хитрый лис», а в воровском жаргоне — «умелый вор», а вот в женском роде они приобретают уничижительный характер: zorra (лиса) — «потаскуха», курица — gallina — обозначает «труса» и т.п.). Обидным феминисткам кажется даже преобладание женского рода в названиях большинства болезней, которые главным образом «пришли» из латыни: бронхиты, колиты, тонзиллиты и то, что даже грипп или кашель по-испански женского рода: la gripe, la tos.

Уже с конца 1960-х годов в лингвистике начали появляться работы ученых как серьезно изучающие проблемы гендердерной асимметрии, так и «реформаторов» языка, пытающихся принять какие-то меры, чтобы «преодолеть» эти андроцентрические тенденции. Так, в изданную Королевской Академией языка грамматику испанского языка 2009 г. 25 уже включено отдельное руководство о том, как избегать андроцентризма в речи и на письме. Отметим, что в Испании публикуется немало подобных руководств и в виде журнальных статей, и в отдельных изданиях.

Данное направление, как никакое другое, порождает полемику среди лингвистов и публицистическое «бурление» в СМИ, во многом «подогреваемое» движением феминисток и ЛГБТ-сообщества. С одной стороны, оно является одним из наиболее финансируемых институтами и организациями, далекими от научного лингвистического сообщества, с другой — чрезвычайно политизировано ложно

 $^{^{25}}$ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis. Madrid, 2009—2011.

понимаемыми принципами гендерного равенства. Так, например, Гранадский университет (Universidad de Granada) выпустил на 2017 г. календарь, в котором все дни недели и месяцы указаны в женском роде²⁶.

Но кроме анекдотически-практической стороны вопроса, у данной проблемы есть и перспективы более серьезных исследовательских задач, например, изучение языка как отражения гендерного восприятия на протяжении истории, гендерность в литературе и в других письменных источниках. Одним из лидеров этого направления в социолингвистике является исследовательница Мерседес Бенгоэчеа Бартоломе²⁷.

Вообще, социолингвистические исследования, а также исследования по прагматике языка весьма популярны сейчас в Испании, и хотя в этой сфере трудно выделить какую-то сложившуюся школу или направление, надо отметить, что за последние годы опубликовано несколько интересных систематизирующих монографий по данной теме²⁸.

Прежде чем перейти к обзору направлений, связанных с традипионной лингвистической тематикой исследований испанского языка, следует сделать ряд предварительных замечаний. Испанские лингвистические теории по традиции следовали за флагманами новейших достижений: в конце XIX — начале XX в. — им стала сначала немецкая школа Карла Фосслера, затем — французский структурализм Ш. Балли, а со второй половины XX в. испанская лингвистика активно и одновременно осваивала традиции русского формализма, североамериканского генеративизма, пражского структурализма, неориторики, когнитивистики и т.д., и т.п. И это неизбежно приводило к смешению методик и терминологических систем даже в рамках одной работы, к эклектичности подходов и взглядов на цели и методы анализа текстов, а также к внутренней противоречивости теорий. А сами работы исследователей 1970—1980-х годов — своего рода ренессанса испанской филологической традиции — именно поэтому в целом отличает эклектика и налет некоторой архаичности.

²⁶ Можно оценивать его как шутку, но как известно: в каждой шутке... Данный календарь и статьи о нем можно найти по след. ссылке: URL: http://canal.ugr.es/noticia/calendaria-2017-una-vision-desde-la-igualdad-nuevo-ano/ (язык источника: испанский) (дата обращения: 15.02.2018).

²⁷ У этой исследовательницы есть несколько монографий, посвященных данной теме. Одна из последних работ: *Bengoechea Bartolomé M.* Lengua y género. Madrid, 2015.

²⁸ Из последних монографий: *Silva-Corvalán C.*, *Enrique-Arias A.* Sociolingüística y pragmática del español. Georgetown: Georgetown University press, 2017 или *Santos Rovira J.M.* Armonía y contrastes: estudios sobre variación dialectal histórica y sociolingüística del español. Lugo, 2015. Существует также огромное количество отдельных работ по социолингвистике различных языков и диалектов Испании.

В те годы на первый план выдвигаются два направления: 1) стилистика (к ней мы обратимся чуть позже) и 2) сопоставительная лингвистика и теория перевода — это те науки, которых до середины ХХ в. не существовало в номенклатуре испанской филологии и расцвет которых был вызван переводческим бумом 1970-х годов, когда Испания становится державой номер один по количеству изданий переводной литературы²⁹. Осваивается теоретический опыт в этой области сразу нескольких школ: французской (Ж. Мунен); немецкой (Катарина Райс): американской (Р. Якобсон) и советской (А.В. Федоров); пишутся диссертации, статьи, создаются монографии, ставшие теперь классическими, — Валентина Гарсиа Йебры, Хулио Сесаря Сантойо, Мигеля Анхеля Веги Сернуды³⁰. Это направление, развивающее преимущественно функциональный и коммуникативный подходы к проблемам перевода, продолжают сегодня исследователи нескольких университетов. Однако особо следует выделить деятельность трех университетов: Автономного университета Барселоны, где уже в 1972 г. впервые открыли специализацию по теории и практике перевода; Гранадского университета, где в 1979 г. был создан факультет перевода, и мадридского университета Комплутенсе, в котором «Высшая школа переводчиков и современных языков» в 1980-е годы активно проводила крупные международные конгрессы и издавала сборники и учебные пособия по переводу. Наиболее заметной сегодня стала деятельность таких переводоведческих журналов, как "TRANS" ("Revista de traductología" университета г. Малага, издается с 1998 г.), "Hermeneus" (Университет г. Вальядолид), "Estudios de Traducción" (мадридский университет Комплутенсе) или "Senez" (университет г. Аликанте).

 $^{^{29}}$ По данным ЮНЕСКО, опубликованным в 1986 г., в Испании за один только 1981 г. было опубликовано 3180 переводов художественной литературы (для сравнения: в СССР — 2896, во Франции — 1708, в Японии — 1014, в Италии — 770, а в Англии и США — 320 и 311), и это при том, что в 1954 г., например, количество таких изданий составляло в Испании всего 787. Конечно, львиная доля этой лавины переводов приходилась на переводы с английского, а переводы с русского занимали и по-прежнему занимают пятое место.

³⁰ Это прежде всего учебники «отца» испанского переводоведения В. Гарсиа Йебры, выпущенные издательством Гредос в 1982 г.: Yebra García V. Teoría у práctica de la traducción. Madrid, 1982, и Yebra García V. Historia у teoría de la traducción. Madrid, 1982. Также следует упомянуть антологию текстов о переводе Х.С. Сантойо и его же замечательное издание по критике перевода: Santoyo Mediavilla J.C. El delito de traducir. Leon, 1985 и Santoyo Mediavilla J.C. La cultura traducida: 1983. Другой крупный исследователь, Мигель Анхель Вега Сернуда возглавлял Высшую школу перевода и современных языков университета Комплутенсе почти 20 лет с конца 1980-х годов и опубликовал множество сборников статей и материалов конференций на актуальные проблемы перевода, а также антологию: Vega M.A. Textos clásicos de teoría de la traducción. Madrid, 1994.

Другое значимое испанское направление исследований в рамках современного анализа художественного текста и теории литературы, претендующее на универсальность подхода к текстам культуры, — это стилистика.

Вообще испанская стилистика традиционно, еще с середины ХХ в., была представлена известными филологами. Учениками и продолжателями традиции исследований выдающегося испанского филолога, специалиста по истории испанского языка и литературы Рамона Менендеса Пидаля стали в середине XX в. Дамасо Алонсо и Амадо Алонсо — ими, а чуть позже третьим Алонсо — Мартином — были написаны фундаментальные труды по стилистике³¹. Важно подчеркнуть, что именно эти ученые развивали методологию собственно испанской стилистической школы, формируя оригинальный, как мы теперь сказали бы, интердисциплинарный подход к анализу художественного текста. Возникновение испанской идеалистической (эстетической) школы стилистики связано с деятельностью испанского поэта и филолога Дамасо Алонсо (1898–1990) и филолога и литературного критика Амадо Алонсо (1896–1952), стоявших на позициях немецкой школы К. Фосслера и хорошо знакомых с идеями Ф. де Соссюра. Синтез неоромантической теории литературы и соссюровского подхода к изучению языка привели к появлению достаточно эклектичной системы взглядов на стилистику. Принципиальной позицией этой школы стало рассмотрение стилистики как основополагающей части теории литературы; при этом представители этой испанской школы занималась анализом языковых, структурных и эстетических параметров художественного текста, уделяя первостепенное внимание интуитивному постижению авторской задачи. Определяющими внутреннюю форму произведения факторами они считали психолингвистические и социокультурные, а метод своего анализа — интуитивным, по сути, их подход был близок современному когнитивному подходу.

Амадо Алонсо пришел из классической дескриптивной лингвистики и применял ее методы для анализа литературного текста, создав целостную теорию литературного языка, отражающую неразрывную связь между литературным произведением, процессом его создания и эстетическим эффектом, производимым на читателя. Следует признать, что именно испанская идеалистическая школа стилистики в теоретической концепции Амадо и Дамасо Алонсо расширила интерпретацию понятия знака, предложенную

³¹ Alonso D. Poesía española. Ensayo de métodos y límites estilísticos. Madrid, 1950; Alonso A. Materia y forma en poesía. Madrid, 1955; Alonso M. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. Madrid, 1980.

Ф. де Соссюром, интегрировав идеалистический и структурный подходы к изучению стиля.

Достижения испанской школы идеалистической стилистики были почти на полвека забыты, однако в XXI в. интерес к ним заметно возрос и ссылки на работы Амадо и Дамасо Алонсо часты в современных работах не только европейских теоретиков литературы, но и психолингвистов, и, что очень важно — в исследованиях интердисциплинарного характера. В последние годы работы по систематизации теорий великих испанских стилистов ведут Х.К. Гомес Алонсо, М.А. Ильера Фернандес, Х.М. Пас Гаго, М.А. Васкес Медель и другие, причем каждый из исследователей, отмечая оригинальность концепции представителей испанской идеалистической стилистики, стремится подчеркнуть в ней черты семиотического подхода к анализу художественного произведения.

Сегодня испанские исследования по стилистике по-прежнему тяготеют к двум основным полюсам: поэтике (их авторы разделяют положения русской формальной школы — например, Хосе Мария Посуэло Иванкос³²) и семиотике. Большая часть подобных исследований, например работы Гарридо Гальярдо³³, выходит за рамки лингвистики и отражает скорее развитие взглядов Л. Прието и особенно У. Эко, а не Р. Барта или К. Леви-Строса, работы которых были все же больше ориентированы на лингвистическую составляющую.

В 1993 г. был опубликован учебник по стилистике Хосе Мария Паса Гаго ("La estilistíca") [Paz Gago, 1993], который еще теснее связал стилистику с семиотикой, продолжая испанскую традицию исследования художественного текста как текста культуры в широком смысле. Пас Гаго в этой работе систематизировал историю европейских школ стилистики и наиболее важные направления исследований и в какой-то мере предсказал новейшие тенденции исследований как в области языка, так и литературы, таких как развитие структурной поэтики, неориторики и провозглашенной им семиостилистики, как интердисциплинарной дисциплины. Отметим, что Хосе Мария Пас Гаго стал инициатором создания и первым председателем Испанской семиотической ассоциации (AES), которую в настоящее время возглавляет Хорхе Лосано, эта ассоциация входит в международную ассоциацию, публикует журнал "Signa".

³² Одна из фундаментальных работ этого автора, в которой он излагает свои взгляды на стилистику, — *Pozuelo Yvancos José María*. La teoría del lenguaje literario. Madrid, 2010. Надо отметить, что он также активно занимается исследованиями поэзии и другими жанровыми исследованиями литературы.

³³ Garrido Gallardo M.A. Estudios de semiótica literaria. Madrid, 1982.

Классическими трудами в области стилистики сегодня стали работы Алисии Ильера Фернандес, из них наиболее известна ее монография «Стилистика, поэтика и семиотика литературы» [Yllera, 1974], в которой автор осуществляет попытку построить достаточно эклектичную теорию, объединяющую подходы идеалистической стилистики Дамасо и Амадо Алонсо и структурного анализа, русской формальной школы и поэтики Р. Якобсона, а также классические представления о риторике.

Что касается исследований в области истории языка, следует признать, что в испанском языкознании, в особенности медиевистике, в настоящее время работы в этих направлениях отражают во многом инерцию расцвета данной тематики, характерную для 1970-х годов. Возрастающая информатизация позволяет, во-первых, систематизировать и обеспечить широкий доступ к уже известным ранее источникам, благодаря чему становятся возможны различного рода сопоставительные работы. Во-вторых, в поле зрения ученых появляется и большое количество новых источников (открывается доступ к архивам монастырей, местным архивам небольших городков, частным коллекциям). Благодаря оцифровке этих документов в настоящее время проводится огромное количество узко тематических исследований, в том числе корректирующих ошибки более ранних работ, изучавших историю испанского языка и литературы до наступления цифровой эры.

Говоря об исследованиях по истории языка, следует вспомнить династию лингвистов Альвар Эскерра, работы представителей которой занимают особое место в этом направлении. В первую очередь заслуживает внимания обзор испанской исторической лингвистики Средневековья в работе "Estudios de literatura medieval en la Península Ibérica", написанной Карлосом Альвар Эскерра³⁴. Его брат, Мануэль Альвар Эскерра, еще в 2007—2008 г. издал в соавторстве с Лидио Ньето Хименесом монументальный труд Nuevo Tesoro Lexicográfico del Español (s. XIV—1726) в одиннадцати томах³⁵. В этой книге собраны данные о словарях и энциклопедиях, издававшихся в указанный период. Отметим также, что Мануэль Альвар Эскерра является, пожалуй, ведущим на данный момент специалистом по теоретической лексикографии³⁶. Эти братья являются сыновьями другого

³⁵ Nieto Jiménez L., Alvar Ezquerra M. Nuevo Tesoro Lexicográfico del Español (s. XIV–1726), 11 vols. Madrid, 2007.

³⁴ Alvar Ezquerra C. (ed.). Estudios de literatura medieval en la Península Ibérica. Colección Instituto Literatura y Traducción. Madrid, 2015.

³⁶ Говоря о филологах династии Альвар, нельзя забыть и Антонио Альвара — он является профессором университета Алькала, занимается классической филологией, специалист в области латинской поэзии и театра.

известнейшего филолога — Мануэля Альвара Лопеса (1923—2001), проделавшего в свое время огромную работу по изучению диалектов Испании.

Для аналогичных исследований средневекового каталанского и провансальского языка и литературы самая значительная на данный момент фигура — это, пожалуй, Альберт Гийем Ауф и Вальс³⁷.

До сих пор в данной работе мы говорили о направлениях, исследования в которых связаны, главным образом, с испанским языком. Однако кроме них в Испании проводится большое количество исследований в области общего языкознания.

В области лексикографии интерес представляет «Лексематическофункциональная модель» (Modelo lexemático funcional), предложенная на основе синтеза положений, изложенных в работах Р. Джекендоффа по универсальной грамматике, лексематической теории Э. Косериу и знаменитой функциональной грамматики С. Дика, а также активно подпитываемая теориями когнитивной лингвистики последних лет³⁸. Ею занимается исследовательская группа, основанная Леокардио Мартином Мигнорансе и его соратниками Памелой Фабер и Рикардо Майраль, которые до сих пор активно работают и издают новые труды по данной тематике³⁹. Эта теория обосновывает функциональное деление лексикона на лексические домены, в рамках которых имеется некоторая иерархия терминов. Более низкие в иерархии термины (гипонимы) определяются более высокими терминами, среди которых наивысший термин домена называется «архилексемой». С точки зрения практического применения эта модель, например, позволяет обеспечить точность и экономность словарных определений. Кроме того, интересно, что эта модель, пожалуй, одна из немногих, которая первоначально применялась в лингвистических исследованиях, но сегодня ее успешно используют и в теории литературы — в работах самой П. Фабер — для изучения

³⁷ Сейчас данный автор занимается в основном подготовкой обзорных коллективных работ. Из его фундаментальных коллективных монографий последних десяти лет следует упомянуть Albert Rossich; Albert-Guillem Hauf i Valls (dir.), Josep Antoni Aguilar (col.), Julia Butiñá Jiménez (col.), Isabel de Riquer (col.), Josep Enric Rubio Albarracín (col.), Sara Vicent Santamaria (col.), Josep Antoni Ysern i Lagarda (col.) Panorama crític de la literatura catalana: Edat Mitjana. Dels inicis a principis del segle XV. Vicens Vives, 2009.

³⁸ Впервые данная модель была подробно изложена в работе: *Martín Mingorance L*. El modelo lexemático-funcional: el legado lingüístico. Granada, 1998.

³⁹ Из последних работ двух упомянутых авторов по данной теме можно упомянуть фундаментальную монографию, уже выдержавшую несколько переизданий: *Mairal Usón R*. Teoría lingüística: métodos, herramientas y paradigmas. Madrid, 2012, а также систематизирующую работу Памелы Фабер: *Faber P.B.* A cognitive linguistics view of terminology and specialized language. Berlin, 2012.

метафоры ^{40} ; другие авторы предлагают использовать данную концепцию в анализе художественных текстов ^{41} .

Еще одно направление или теория, получившая развитие в Испании, — это лиминарная грамматика — Gramática liminar (что значит «пороговая»), активно разрабатывается в Валенсийском университете группой, возглавляемой Анхелем Лопесом Гарсия-Молинс⁴², который собственно и предложил название этого направления. Эта теория возникла в 1980-х годах в рамках когнитивной лингвистики. Размытость границ объекта исследования и отсутствие общей терминологической базы в конце 1970-х — 1980-е годы часто приводила к созданию синонимичных терминов. Достаточно трудно определить, насколько полно соответствует данный термин Молинса принятому в России термину «когнитивная грамматика» (внутри которого также существует своя градация), но возможно предположить, что его создание — это полемический ответ на термин, предложенный Р. Лангакером в 1976 г., грамматика которого сначала называлась «пространственная» — space grammar, а позже когнитивная — cognitive grammar.

Близость понятийного объема терминов очевидна. Согласно теории Гарсия Молинса, лингвист в процессе изучения языка оказывается на границе — пороге — между языком и метаязыком. Таким образом, лиминарная грамматика занимается не естественным языком напрямую, а отношениями, в которые он вступает с сознанием человека, имеющим металингвистическую природу. Данная концепция опирается на базовые положения когнитивной лингвистики, например теории гештальта. В рамках лиминарной грамматики у языкового явления, большого или малого, не существует единого определения, но всегда должна быть некоторая совокупность определений, и именно эта совокупность и взаимоотношения в ней и составляют суть данного явления. Сам ученый в работах последнего десятилетия называет себя нейролингвистом и публикует свои ис-

⁴⁰ Одна из последних работ Памелы Фабер касательно изучения метафор в речи: *Tercedor Sánchez M., López Rodríguez C.I., Márquez Linares C. & Faber P.* Metaphor and metonymy in specialized language // A cognitive linguistics view of terminology and specialized language / Ed. by P. Faber. Berlin; Boston, 2012. P. 20; 33–71.

⁴¹ Применением в литературоведении лексематической функциональной модели занимается, в частности, исследователь Мария-Хосе Феу (одна из последних работ по этой теме: Feu Guijarro, María José. 2010. "La revolución de las primatólogas: una poética científica". En *Arte y Mujer: Visiones de cambio y desarrollo social*).

⁴² Самая последняя книга Анхеля Лопеса по данной теории вышла в прошлом году: *López García Á.*, *Jorques Jiménez D.* Enacción y léxico. Valencia, 2017. Интересна также его серия публикаций, направленная на объяснения с точки зрения данной теории такого явления, как Spanglish (смешанных языков и диалектов мексикано-американского приграничья). *López García A*. Teoría del spanglish. Madrid, 2015.

следования в том числе в журналах по тематике генной инженерии и биологии⁴³. В рамках проектов этой валенсийской группы составляются грамматики языков народов мира — например, балтийских языков, японского языка или даже языка кечуа, и, по сути, группа использует подходы когнитивной и генеративной грамматики. Заметим, что специализация «нейролингвистика» (neurociencia cognitiva) довольно популярна в Испании и подготовка по ней осуществляется в нескольких крупных университетах, например в университете Севильи и Автономном университете Барселоны.

Следует отметить и всевозрастающую роль негосударственных университетов, привлекающих к преподаванию и научным исследованиям ведущих испанских специалистов. Так, в университете Помпеу Фабра на отделении языков и перевода активно занимается исследованиями в области просодии и фонологии романских языков известный лингвист Пилар Прьето Вивес⁴⁴, под конкретные проекты там формируются группы исследователей из университетов Испании и Европейского Союза.

Многие лингвистические теории и исследования последних десятилетий, как уже ранее упоминалось, не просто носят интердисциплинарный характер, но и «родились» из концепций, впервые предложенных теорией литературы или культурологией⁴⁵.

Одним из подобных направлений является «Культурная риторика» (retórica cultural), в рамках теории, разрабатываемой профессором Автономного университета Мадрида университета Томасом Альбаладехо Майордомо⁴⁶. Данная теория возникла как результат противопоставления Cultural studies (узкого и основанного на идеях неомарксизма направления, изучающего главным образом политически и социально обусловленные аспекты культуры, основанного

⁴³ Отметим, что попытка вписать лиминарную грамматику в теорию литературы была предпринята практически сразу после основания этого направления, но не имела продолжения. Единственная большая публикация, см.: *Prunyonosa M., Hernández Sacristán C., López García A., Penadés Martínez I., et al.* Gramática liminar. Teoría del texto literario. Valencia, 1985.

⁴⁴ Ею написано много работ в области прикладной лингвистики, просодии и интонации каталанского языка, например: *Preto Vives P.* Entonació: models, teoria, métodes. Barcelona, 2002.

⁴⁵ Школы лингвокультурологических исследований в Испании нет, хотя в ставших классическими трудами работы К. Боусоньо, А. и Д. Алонсо, А. Гарсиа Беррьо уже в середине XX в. при анализе поэтических текстов интуитивно использовали методологию Э. Сепира.

⁴⁶ По данной теме следует отметить такие работы автора, как: *Albaladejo Mayordomo T.* Retórica cultural, lenguaje retórico y lenguaje literario // Tonos. Revista de Estudios Filológicos. 2013. № 25; *Albaladejo T.* La poliacroasis en la representación literaria: un componente de la Retórica Cultural // Castilla. Estudios de Literatura. Nueva serie, 2009. 1−26.

Ричардом Хоггартом в 1957 г.⁴⁷) и studies of culture (т.е. любых исследований культуры). Сам Т. Альбаладехо рассматривает риторику как неотъемлемую часть любого проявления культуры, все формы которой являются, по сути формами коммуникации, и тем самым противопоставляет свою концепцию более узким исследованиям cultural rhetorics в том ключе, в котором это предлагал делать Джордж Лакофф, исследующий риторику исключительно как отражение социального бытия.

В концепции Т. Альбаладехо, Франсиско Чико Рико и других испанских исследователей, риторика — часть любой коммуникации, и в этом плане возможность анализа любой коммуникации с точки зрения риторики становится гораздо шире. В частности, Томас Альбаладехо и Франсиско Чико Рико⁴⁸ предложили несколько модификаций для семантико-прагматической теории (модели TesWest) Яноша Петофи, в которую они добавили элементы именно риторического анализа, (т.е. изучение воздействия текста или высказывания на реципиента), а также другие методы анализа, заимствованные из риторики и применимые как к изучению литературного текста, так и любого культурного текста в целом.

По-видимому, у подобных методов анализа в испанском языкознании может быть многообещающее будущее, поскольку риторика культуры предлагает испанскому языкознанию инструментарий, наиболее полно соответствующий конкретному культурно-историческому контексту.

Другое приобретающее популярность в Испании направление исследований художественных текстов — это «Теория возможных миров» (Teoría de mundos posibles), изначально предложенная Умберто Эко⁴⁹, Любомиром Долежелем, Томасом Павелом и многими другими исследователями для описания литературных произведений, которые исследуются с точки зрения приближенности к реальному миру и взаимоотношений реалий текста и реалий мира, который он описывает. На испанский подход к этой теме оказывают влияние работы Рейна Рауда⁵⁰, развившиеся на основе теорий Юрия Лотмана, предлагающие более широкий подход применительно к различным

⁴⁷ Hoggart R. The uses of literacy: aspects of working-class life with special reference to publications and entertainments. L. [etc.], 1990.

⁴⁸ *Chico Rico F.* Pragmática y construcción literaria: discurso retórico y discurso narrativo. Alicante, 2000.

 $^{^{49}}$ Одна из самых ранних работ, в которой фигурирует идея возможных миров для литературного анализа, — это работа Эко: *Eco U*. The Role of the Reader. L., 1979.

⁵⁰ Этот очень многогранный исследователь, последнее время занимающийся в основном метрикой в стихосложении, известен (кроме стилистического анализа) также своими фундаментальными работами по теории литературы, работами по риторике и прагматике.

культурам и существующим в них представлениям о реальности. Рассматривая возможные миры литературных произведений, испанское литературоведение активно использует постпсихоаналитические теории и теории социального познания. В Испании сформировалась целая группа ученых, работающих в данном направлении: Хавьер Родригес Пекеньо и уже упоминавшийся Томас Альбаладехо, а также Альфонсо Мартин Хименес, в работе которого с точки зрения теории возможных миров, заключенных, подобно матрешкам, один в другом, анализируется Дон Кихот⁵¹. Последний автор предложил также весьма любопытное продолжение теории возможных миров — теорию невозможных миров (металепсис)⁵².

Такова общая панорама современных тенденций испанского языкознания. Безусловно, она неполна хотя бы потому, что значимость того или иного исследования по-настоящему можно оценить лишь по прошествии многих лет, когда оно уже не является актуальной тенденцией или ставшим модным направлением. Кроме того, в относительно кратком обзоре невозможно охватить все тенденции развития столь обширной области человеческого знания, в настоящее время к тому же склонную к междисциплинарному слиянию со смежными науками.

Подводя итог, можно сказать, что в эти неполные 20 лет XXI в. в испанском языкознании мы наблюдаем главным образом развитие концепций и идей, появившихся в последние десятилетия века XX. Зачастую они пересматриваются, ведется активный поиск возможного их применения за пределами изначально очерченного круга задач, возникают междисциплинарные отношения и связи, однако появления кардинально новых открытий и фундаментальных теорий практически не происходит. На этом основании Анхель Лопес Гарсиа-Молинс в одном из своих интервью сказал, что в настоящее время испанское языкознание находится в глубоком кризисе и неизвестно, сможет ли оно из него выйти, когда закончится материал, наработанный предыдущим поколением 53. Подобные заявления отражают восприятие сложной ситуации в испанском языкознании самими лингвистами.

Однако, как мы знаем, в науке за периодом бурного возникновения новых идей и теорий всегда следует период систематизации

⁵¹ *Martín Jiménez A*. El "Quijote" de Cervantes y el "Quijote" de Pasamonte, una imitación recíproca: la vida de Pasamonte y Avellaneda. Alcalá de Henares, 2001.

⁵² *Martín Jiménez A*. A Theory of Impossible Worlds (Metalepsis). Castilla, 2015. № 6. P. 1–40.

⁵³ Интервью Анхеля Лопеса Гарсия Молинса для электронного издания Uno y Cero Ediciones, опубликованное по адресу: URL: http://unoyceroediciones.com/wp-content/uploads/2013/12/anglohispanos.pdf (язык источника: испанский) (дата обращения: 17.11.2017).

и накопления новых фактов, дополняющих или противоречащих выдвинутым ранее концепциям, после чего становится возможным развитие доказавших свою жизнеспособность теорий или появление новых. Постфранкистская Испания восьмидесятых и девяностых годов прошлого века — España de transición — была тем самым питательным субстратом, который способствовал генерации новых идей и теорий. Они послужили толчком для развития новаторских исследований языков народов Испании, переосмысления испанской филологической традиции и достижений испанских филологов ХХ в., создания новых научных концепций, хотя следует признать, что некоторые из них были несколько эклектичны или даже вторичны, а оригинальные подходы нередко имели недостатки и ограничения, которые стали очевидны только сейчас. Возможно, что когда закончится процесс ассимиляции революционных для Испании тех лет теорий и концепций, начнется этап новых значимых для национальной школы и лингвистической традиции исследований и открытий, которые смогут внести достойный вклад не только в испанскую филологию.

Список литературы

Albaladejo T. Retórica cultural, lenguaje retórico y lenguaje literario // Tonos. Revista de Estudios Filológicos. 2013. Nº 25.

Alonso A. Materia y forma en poesía. Madrid, 1955.

Alonso D. Poesía española. Ensayo de métodos y límites estilísticos. Madrid, 1950.

Alonso M. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. Madrid, 1980.

Bengoechea Bartolomé M. Lengua y género. Madrid, 2015.

Bosque Muñoz I., Demonte Barreto V. Gramática descriptiva de la lengua española. Real Academia Española (Colección Nebrija y Bello). Madrid, 1999.

Chico Rico F. Pragmática y construcción literaria: discurso retórico y discurso narrativo. Alicante, 2000.

Mairal Usón R. Teoría lingüística: métodos, herramientas y paradigmas. Madrid, 2012.

Martín Mingorance L. El modelo lexemático-funcional: el legado lingüístico. Granada, 1998.

Moreno Cabrera J.C. El nacionalismo lingüístico: una ideología destructiva. Barcelona, 2008.

Paz Gago J.M. La estilística. Madrid, 1993.

Pérez Bowie J.A. Leer el cine: la teoría literaria en la teoría cinematográfica. Salamanca, 2008.

Pruñonosa Tomás M., Hernández Sacristán C., López García A., Penadés Martínez I., et al. Gramática liminar. Teoría del texto literario. Valencia, 1985.

Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española. Madrid, 2009–2011.

Real Academia Española. Ortografía de la Lengua Española. Edición revisada por las Academias de la Lengua Española. Madrid, 1999.

Rigau G., Pérez Saldanya M., Cabré M.T. et al. (eds). Gramàtica de la llengua catalana. Barcelona, 2016.

Santoyo Mediavilla J.C. El delito de traducir. Leon, 1985.

Santoyo Mediavilla J.C. La cultura traducida: 1983.

Silva-Corvalán C., Enrique-Arias A. Sociolingüística y pragmática del español. Madrid, 2017.

Vega M.A. Textos clásicos de teoría de la traducción. Madrid, 1994.

Yebra García V. Historia y teoría de la traducción. Madrid, 1982.

Yebra García V. Teoría y práctica de la traducción. Madrid, 1982.

Yllera Fernández A. Estilistica, poética y semiótica literaria. Madrid, 1974.

Yulia L. Obolenskaya, Alexandra Yu. Sheveliova

CURRENT TRENDS IN MODERN SPANISH LINGUISTICS

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Autonomous University of Madrid. Cantoblanco, Madrid, Spain, 28049

The article is devoted to a review of the current trends of modern Spanish linguistics, and also debates the problems of the Spanish philological tradition of the twentieth and the beginning of XXI century as a whole, as well as the specific relationship between academic and university science in this country. The activities of university scientists and the main areas of research are considered in the framework of the changing cultural, historical and socio-political context of modern Spain.

Key words: current trends of Spanish linguistics; philological tradition; national and cultural specifics; Spanish academies of language; Spanish Universities.

About authors: *Yulia L. Obolenskaya* — Professor, Head of the Department of Ibero-Romance linguistics of the faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University (e-mail: obolens7@yandex.ru); *Alexandra Yu. Sheveliova* — Doctor of Philology, Lecturer at the Autonomous University of Madrid (e-mail: acheveleva@tuamconsulting.com).

References

Albaladejo T. Retórica cultural, lenguaje retórico y lenguaje literario. *Tonos. Revista de Estudios Filológicos*, 2013, Nº 25.

Alonso A. Materia y forma en poesía. Madrid, 1955.

- Alonso D. Poesía española. Ensayo de métodos y límites estilísticos. Madrid, 1950.
- Alonso M. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. Madrid, 1980.
- Bengoechea Bartolomé M. Lengua y género. Madrid, 2015.
- Bosque Muñoz I., Demonte Barreto V. Gramática descriptiva de la lengua española. *Real Academia Española* (Colección Nebrija y Bello). Madrid, 1999.
- Chico Rico F. *Pragmática y construcción literaria: discurso retórico y discurso narrativo*. Alicante, 2000.
- Mairal Usón R. *Teoría lingüística: métodos, herramientas y paradigmas*. Madrid, 2012.
- Martín Mingorance L. *El modelo lexemático-funcional: el legado lingüístico*. Granada, 1998.
- Moreno Cabrera J.C. El nacionalismo lingüístico: una ideología destructiva. Barcelona, 2008.
- Paz Gago J.M. La estilística. Madrid, 1993.
- Pérez Bowie J.A. Leer el cine: la teoría literaria en la teoría cinematográfica. Salamanca, 2008.
- Pruñonosa Tomás M., Hernández Sacristán C., López García A., Penadés Martínez I., et al. *Gramática liminar. Teoría del texto literario*. Valencia, 1985.
- Real Academia Española. *Nueva gramática de la lengua española*. Madrid, 2009–2011.
- Real Academia Española. *Ortografía de la Lengua Española*. Ed. revisada por las Academias de la Lengua Española. Madrid, 1999.
- Rigau G., Pérez Saldanya M., Cabré M.T. et al. (eds). *Gramàtica de la llengua catalana*. Barcelona, 2016.
- Santoyo Mediavilla J.C. *El delito de traducir*. Leon, 1985.
- Santovo Mediavilla J.C. La cultura traducida: 1983.
- Silva-Corvalán C., Enrique-Arias A. *Sociolingüística y pragmática del español*. Madrid, 2017.
- Vega M.A. Textos clásicos de teoría de la traducción. Madrid, 1994.
- Yebra García V. Historia y teoría de la traducción. Madrid, 1982.
- Yebra García V. Teoría y práctica de la traducción. Madrid, 1982.
- Yllera Fernández A. Estilistica, poética y semiótica literaria. Madrid, 1974.

В.С. Савельев

ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ В ПРЯМОЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (статья 2)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье на материале прямой речи героев «Повести временных лет» анализируются особенности функционирования обращений, связанные с их препозитивным, интерпозитивным и постпозитивным употреблением. Описываются различные функции обращений: апеллятивно-вокативная, псевдоапеллятивно-вокативная, номинативная, характеризующая, фокусирующая, межличностная, сегментирующая (средство сегментации речи на просодическом, формально-синтаксическом и коммуникативном уровнях ее организации), иллокутивная, дискурсивная, жанрообразующая. Устанавливается, что древнерусскому обращению свойственна полифункциональность — возможность одновременного использования в разных функциях.

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; функции языковых единиц; обращение.

Данная статья представляет собой продолжение начатого в [Савельев, 2018] исследования особенностей функционирования обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (далее — $\Pi B \Lambda$).

* * *

V. Использование обращений в инициальных и реактивных репликах тесно связано с тем, в каких именно сегментах диалогических фрагментов они обнаруживаются.

И в том и в другом случае подавляющее большинство обращений используется в коммуникативных эпизодах (далее - K $\ni$) ^{1} , являющихся первыми в диалогических фрагментах (83% обращений инициальных реплик, 80% обращений реактивных реплик). Все остальные характеристики существенно различаются.

Савельев Виктор Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

¹ Определения терминов диалогический фрагмент, коммуникативное событие, коммуникативный эпизод, речевой ход, речевой шаг см. [Савельев, 2018].

В реактивных репликах в 95% случаев обращения обнаруживаются в препозиции, интерпозиции или постпозиции по отношению к первому речевому шагу². В инициальных же репликах обращения, так или иначе связанные с первым речевым шагом, используются реже — в 69% случаев. При этом частотность употребления обращений в препозиции, интерпозиции и постпозиции также сильно разнится в зависимости от типа реплики (инициальные vs. реактивные) и типа речевого шага, к которому «тяготеет» обращение (первый в составе реплики vs. не первый в составе реплики). Однако, прежде чем перейти к описанию этих особенностей, необходимо перечислить принципы, которыми мы руководствовались, определяя тот или иной тип местоположения обращения:

- а) препозитивным является употребление обращения в абсолютном начале реплики;
- б) интерпозитивным является употребление в предикативной единице (далее ΠE), если это не позиция первого или последнего слова;
- в) постпозитивным является употребление обращения в абсолютном конце реплики.

Проблематичным является определение типа местоположения обращения, находящегося между ПЕ, входящими в состав реплики. Анализ материала привел к следующим выводам:

- г) интерпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда соседствующие ПЕ образуют неделимую синтаксическую структуру, в которой вторая ПЕ описывает пропозицию, включенную в пропозицию, называемую первой ПЕ (чаще всего при этом в начале второй ПЕ используется подчинительный союз) (см., например, $27.3, 31.2, 34.1^3$);
- д) интерпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда соседствующие ПЕ образуют синтаксическую структуру, в которой вторая ПЕ может быть опущена, при этом она поясняет значение первой, а обращение, относясь в равной мере к субъектной перспективе каждой ПЕ, служит средством актуального членения (чаще всего союзные средства при этом не употребляются) (см., например, 18.1);
- е) постпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда его функциональная нагрузка связывает его употребление именно с первой ПЕ, при этом оно называет участника пропози-

² Только в одном случае — во фрагменте (32.2.2) — обращение используется <u>не</u> в первом речевом шаге; при этом этот седьмой по счету речевой шаг соотносится с первым, также включающим обращение речевым шагом.

³ В статье продолжается нумерация примеров, начатая в [Савельев, 2018]; в ряде случаев даются ссылки на примеры в статье [Савельев, 2018].

ции, оформляемой первой ΠE , и не имеет отношения к субъектной перспективе второй ΠE , или в субъектной перспективе второй ΠE роль участника, называемого обращением, существенно меняется, или адресат, называемый обращением, не является участником ни одной из пропозиций.

Например, в (39) И несоша кодарѣ къ кыдю своему и къ старѣишинамъ свои и рѣша имъ: (1) «Се налѣдохомъ дань нову». <...> Wні же ркоша: (2) «Что суть вдалѣ?» (3) Wни же покадаша мечь. И рѣша старцѣ кодарстии: (4) «(4.1) Не добра дань, кнаже! (4.2) Мы доискахомса шружьемь шдинога страны <...>» обращение «кнаже!» маркирует переход к новому КЭ, при этом меняется состав коммуникантов (ранее князь являлся адресатом вместе со старцами, теперь же он адресат сообщения самих старцев) В (17) «Кровь брата моего вопиеть къ тобъ, влако! Мьсти шкрови правъднаго сего <...>» употребление обращения также оценивается как постпозитивное, поскольку: а) произнесение обращения, называющего духовно воспринимаемый адресат, именно в первом речевом шаге реплики является нормой; б) использование обращения после местоимения 2 лица также нормативно; в) адресат обращения в первой ПЕ является объектом, а во второй — субъектом действия.

Единственным случаем, когда положение обращения не удается установить однозначно, является следующий фрагмент:

(40) Глѣбъ <...> нача молитисм со следами, гл̄м: «<...> (3) Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое англ̄сое, оумерлъ быхъ с тобою. (4) Нынѣ же что ради шстахъ адъ единъ? (5) Кде сутъ словеса твога, гаже глаше ко мнѣ, брате мои любимыи? (6) Нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего накаданига <...> // (5) Кде сутъ словеса твога, гаже глаше ко мнѣ? (6) Брате мои любимыи, нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего накаданига <...>» (6523 / 1015) — обращение «брате мои любимыи» может быть в равной степени отнесено как к предшествующей, так и последующей ΠE^6 .

VI. Подсчет случаев использования обращения в препозиции / интерпозиции / постпозиции принес следующие результаты ^{7} :

⁴ Характерно, что реплика (4) может быть редуцирована до (4.1): иллокутивная функция реплики в целом сводится к иллокутивной функции именно этого высказывания.

⁵ Здесь и далее при обращении к фрагментам, рассмотренным выше, указывается их прежний номер, при этом приводится только та часть текста, которая является материалом исследования в данный момент.

⁶ В дальнейшем этот пример не будет учитываться нами при подсчетах частотности употребления обращения в разных позициях.

 $^{^{7}}$ Использование обращения не в первом речевом шаге реактивной реплики обнаруживаеся только в (32.2.2) (см. сноску 2) и не может считаться репрезентативным, а потому не учитывается в таблице.

	Инициальная реплика 1-й речевой шаг, %	Инициальная реплика Не 1-й речевой шаг, %	Реактивная реплика 1-й речевой шаг, %
Препозиция	52	14	40
Интерпозиция	35	68	50
Постпозиция	13	18	10

Использование обращений в различных позициях напрямую связано с тем, в каких функциях они употребляются:

VII. Препозитивные обращения

1. Как мы видим, преимущественно препозитивное местоположение обращения характерно для первых речевых шагов инициальных реплик, и это вполне естественно: именно в таких условиях реализуется первичная функция обращения — апеллятивно-вокативная (см., например, реплику 27.1). По той же причине достаточно часто в препозиции используются обращения в реактивных репликах: в 27.2, 28.3, 32.2.19 обращения находятся в препозитивной части высказываний, произнесение которых позволяет говорящим перейти к новому КЭ; именно для этого они и произносят реплики, которые выглядят как инициальные — «имитируют» начало диалога (псевдоапеллятивновокативная функция).

В наиболее «чистом» виде апеллятивно-вокативная функция препозитивного обращения реализуется в тех случаях, когда в последующих речевых шагах адресат в качестве участника пропозиций не упоминается, сама же реплика при этом является инициальной (например, 13а, 28.3 и (41) И приде единъ мужь старъ к нему и р ему: «Кнаже! Есть оу мене единъ снъ дома меншии, а сь четырми есмь вышелъ, а инъ дома <...>» (6501/993). Встречаются также реплики, в которых не персонализована первая по отношению к обращению ПЕ, однако адресат упоминается в последующей части (например, 25, 26.1 и (42) Единъ же поваръ тако же в именемь Исакии и рече, посмихавсь: «Исакьи 11! Ино съдить вранъ черьныи, иди, ими его!» (6582/1074).

Наиболее интересное соотношение между обращением и структурой последующего речевого шага обнаруживается в (22a) и (43).

⁸ Ср. с [Формановская, 2002: 90].

⁹ А также в ряде других, не приводимых в качестве примеров в данной статье диалогических фрагментах ПВЛ.

 $^{^{10}}$ В большинстве случаев (27 из 37 — 73%) препозитивное обращение называет адресата, являющегося участником пропозиции, описываемой в первой же по отношению к обращению ПЕ.

 $^{^{11}}$ А.А. Шахматов указывает: «Конечно, и переделано из **ю**» [Полное собрание русских летописей, 1908: 187].

Реплика князя Ярослава (22а) «О любимаю дружино, юже избихъвчера, а нынтв быша надовтв...» состоит из обращения и конструкции, которая является придаточным определительным по отношению к этому обращению. Таким образом, формально не входя в структуру высказывания «юже избихъвчера...», обращение называет объект действия избихъ, будучи замещенным анафорическим местоимением юже.

(43) И рѣша братыа къ Антонию: «<u>Wче</u>! Братыа оүмножаєтьсм, а хотѣлѣ быхомъ поставити манастырь» (6559 / 1051) — на первый взгляд, черноризцы просто рассказывают Антонию Печерскому о жизни в монастыре, однако в действительности они обращаются к своему духовному наставнику за благословением, и святой слышит непроизнесенную ими просьбу, отвечая им: «Блг внъ Бъ w всемь, и млтвами стыга Бца и сущихъ шць, иже вь Стѣи Горѣ, да будеть с вами».

Во многом препозитивное употребление обращений в апеллятивно-вокативной функции определяется фактором адресата: в 15 из 24 случаев обращения к духовно воспринимаемому адресату говорящий употребляет препозитивное обращение (63% — см., например, 13а, 13б, 13в, 14, 15); если же адресат является сенсорно воспринимаемым, это происходит намного реже — в 22 случаях из 71 (31% — см., например, 27.1, 27.2, 28.3).

Значительное количество случаев обращения к духовно воспринимаемому адресату связано с использованием цитат (шесть из 15 случаев). В большинстве фрагментов обнаруживаются обращения, тождественные используемым в цитируемых текстах (например, 13а1, 13а2, 13а3.2), однако в двух случаях — (35.2), рассмотренном выше, и (44) — происходит трансформация:

(44) Володимиръ же видивъ црквь свършену, и вшедъ в ню помолиса Бу, гла: « Γ^c и Бе! Пригри с неси и вижь, посъти виногра свое и свърши, аже насади десница твога» <...>» (6504 / 996) — в источнике цитаты обнаруживается «Бже силъ», замещаемое на « Γ^c и Бе» Γ^c 2.

Обратим также внимание на еще одну черту, свойственную препозитивным обращениям к духовно воспринимаемым адресатам: только в них обнаруживается употребление междометия «O!» — (14) « $\mathbf{W}$ пр $\mathbf{\tilde{c}}$ така $\mathbf{E}\mathbf{\tilde{u}}_{\mathbf{c}}$!», (15) « $\mathbf{W}$ $\mathbf{\kappa}^{\mathbf{c}}$ рт $\mathbf{c}$ ч $\mathbf{\tilde{c}}$ тныи!» и (22a) « $\mathbf{O}$ любимака дружино!».

Источник: Пс. LXXIX, 15, 16.

Елизаветинская Библия

гі. Бже силя, шбратисм оўво, й призри ся нбее й виждь, й постати віноградя сей:

Синайская псалтирь (цит. по [Северьянов, 1922: 108])

 $^{^{12}}$ Источник цитаты указан в [Шахматов, 1940: 40].

^{51.} Й соверши Й, Егоже насади десница твож, й на сына челов Чческаго, Егоже обкрепиля всй секте.

єї. <u>Бже сілъ</u> обраті · Ї <u>прізьрі съ небесі</u> ї виждъ · <u>Ї посѣті вінограда своего</u> ·

 $[\]overline{\mathsf{Si}}$. $\overline{\mathsf{i}}$ $\overline{\mathsf{chbphill}}$ $\overline{\mathsf{i}}$ $\overline{\mathsf{$

2. В случае обращения к сенсорно воспринимаемому адресату в ряде случаев на первый план выходит функция установления межличностных отношений. Особенно показательны в этом отношении реактивные реплики. Например, в (27.1) князь Святополк, отвечая на предложение князя Владимира «Брате! Ты єси старѣи, почни глати, како быхъм промыслили w Русьской земли», произносит слова «Брате, ты почни!», подчеркивая равенство братьев в обсуждении судеб Руси. В (32.2.1) князь Изяслав утешает князя Всеволода, свидетельствуя тому свое братское сочувствие «Брате, не тужи!».

Свойственна данная функция и употреблению обращений в инициальных репликах. Так, в (25) Антоний Печерский просит князя Изяслава выделить землю для строительства монастыря, обращаясь к нему «Кнаже мон!» — именование, подчеркивающее теплое отношение будущего святого к князю, создает особую тональность их лиалога.

3. В ряде случаев употребление препозитивного обращения к сенсорно воспринимаемому адресату позволяет реализовать функцию усиления фокуса внимания — в начальной части очередной реплики говорящий называет собеседника, с которым и так уже разговаривает, обращая его внимание на то, что сейчас будет сказано что-то особо важное. Чаще всего происходит это, когда говорящий меняет направление диалога, переходя к новому $\mathbf{K}\mathbf{9}^{13}$. Так, в (26.2) бесы, ранее уже говорившие с Исакием, возобновляют свою речь словами «Исакье! То ти $\mathbf{X}^{\mathbf{c}}$ ъ. Падъ, поклонись єму!» — от информативного сообщения (26.1) они переходят к прескрипции. Князь Святополк, убежденный речами князя Владимира, произносит (28.3) «Брате, се адъ готовъ оуже», обращением знаменуя переход к прескриптивной части диалога.

В некоторых репликах препозитивное обращение позволяет говорящему и подчеркнуть важность произносимого, и выразить особое отношение к собеседнику; именно так, на наш взгляд, следует оценить произнесение обращения «Брате Д'Емыане!» в начале ответной реплики Феодосия Печерского в (34) и его же слова в следующем фрагменте:

(45) Whъ же повелѣ братью собрати всю. Братью же оудариша в вило, и собравшесь вси. Whъ же рче имъ: «Братье мою, и wци мои, и нада мою! Се адъ шхожю ш васъ <...>» (6582 / 1074) — святой сообщает о своей будущей скорой кончине и о необходимости избрать нового игумена, которого он должен благословить; это во всех отношениях знаменательная реплика, и она должна быть особым образом выделена, в частности за счет полноты описания адресата.

¹³ Однако возможно усиление фокуса внимания и в тех случаях, когда направление диалога не меняется (см. пример 34).

поскольку произносимые слова касаются каждого из стоящих перед говорящим.

VIII. Интерпозитивные обращения

1. В случаях интерпозитивного употребления на первый план выступают функции, не свойственные препозитивным обращениям, и главной из них, на наш взгляд, является сегментирующая функция: обращение является важнейшим средством сегментации диалога, указывая границы между различными коммуникативными и формально-синтаксическими единицами.

В реактивных репликах интерпозитивное обращение используется для сегментации речевого потока в следующих случаях:

- **А.** Употребляемые в препозиции и интерпозиции обращения указывают на переход к новому КЭ (см. 27.2, 27.5, 28.3, 28.4, 30.2, 31.2, 32.2.1) или новому речевому ходу в пределах той же реплики (см. 32.2.2).
- **Б.** При этом используемые в интерпозиции обращения служат одновременно средством актуального членения, указывая границу между:
- а) темой и ремой: (28) (3) «**Брате**, се азъ готовъ оуже (P_1) » > (4) «**То** ти $(T_2 = P_1)$, брате, велико добро створиши **Р**усьскои земьли (P_2) »;
- б) ремой и темой (высказывание с препозицией ремы): (29) (1) «**W**стани на $\mathfrak{c}^{\hat{\mathbf{s}}}$ токъ (P_1) » > (2) «**M**є могу (P_2) , <u>братє</u>, wстати $(T_2 = P_1)$ »;
- в) ремой и ремой (без изменения исходного актуального членения): (31) (1) «<...> Да что оума придастє? Что $\mbox{Wbthaete}$?» > (2) « $\mbox{Btch}$ ($\mbox{P}_1$), $\mbox{кнаже}$, ако своєго никтож не хулить, но хвалить ($\mbox{P}_2$) <...>»;
- г) ремой и ремой (высказывания с суперпозицией ремы использование обращения меняет исходное актуальное членение): (27) (3) «<...> То w сѣмь чему не мыслите?» > (5) «Се адъ (P_1) , брате, готовъ есмь с тобою (P_2) », (32) (2) «(2.1) Брате, не тужи (P_1) ! Видиши во, колко са мић сключи дла? (P_2) <...> (2.2) Ї нынѣ $(P_3 \sim P_2)$, бра $^{\tilde{r}}$, не туживѣ $(P_4 \sim P_1)$! <...>».

В высказываниях 27.5 и 32.2.2 говорящий актуализирует их части; без использования обращений эти конструкции воспринимались бы как высказывание с темой и ремой (32.2.2) или как единое нерасчлененное высказывание (27.5). Наиболее наглядным примером в этом плане является (27.5): в тождественном ему по содержанию (28.3) «**Брате**, се ақъ готовъ оүже» обращение используется в препозиции и служит исключительно для обозначения перехода к новому КЭ.

Наиболее интересной представляется коммуникативная организация фрагмента (30): (1) «Что что ра $^{\rm A}$ (P_1) сниде Бъ на демлю и страсть таку пригатъ (T_1)?» > (2) «Аще хощеши ($P_{2,1}$), кнаже, по-

слушати из начала $(P_{2,2})$, что раді снидє $\mathbf{E}_{\mathbf{h}}$ на землю $(\mathbf{T}_2 = \mathbf{P}_{1+} \mathbf{T}_1)$?». Производя членение нерасчлененного высказывания «Ащє хощєши послушати из начала» говорящий акцентирует внимание собеседника и на возможности выбора степени подробности последующего рассказа (Ащє хощєши...), и на том, какую именно информацию он получит, если согласится на пространный рассказ (...послушати из начала).

- **В.** Обращение, выступая в качестве рематизатора, может в то же время указывать границу между предикативными единицами и синтагмами и/или синтаксическими формами разного типа, занимающими определенные позиции в предикативной единице; обращения обнаруживаются между:
- а) предикативными единицами, как это происходит в (31.2) и (46.2):
- (46) И поча думати и начаша глти дружина Стополча: (1) «Не верема веснъ воевати: хочемь погубити смерды и ролью имъ». И $\rho^{\vec{y}}$ е Володимеръ: (2) «Дивно ма, дружино, wже лошади кто жалуеть, еюже wреть кто <...>» (6611 / 1103);
- б) синтаксическими формами, называющими субъект пропозиции, и синтагмами, включающими сказуемое в качестве главного компонента, как это происходит в (27.5), (28.4) и (47.2):
- (47) Наоутрию же Стополкъ содва боюре и кимне и повъда имъ, еже бъ ему повъдаль Дбдъ, юко: (1) «Брата ти оубилъ и на та свъщалъ с Володимеромъ, хочетъ та оубити и градъ твои даюти». И рекоша боюре и людье: (2) «Тобъ, кнаже, головы своеъ достоить блюсти <...>» (6605/1097);
  - в) обстоятельством и сказуемым, как это происходит в (32.2.2).
- В инициальных репликах интерпозитивное обращение служит средством сегментации в еще большем количестве случаев:
- A. Обращение указывает на переход от одного КЭ к другому (в рассматриваемом примере от информативного к прескриптивному):
- (48) Оу едину нощь присла по ма кназь Дбдъ. И приидохъ к нему, и съдаху дружина школо его, и посади ма и рече ми: «(1) Се молвилъ Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, реклъ тако Василко: "Се слышу, шже идеть Володимеръ и Стополкъ на Дбда. Да же бы мене Дбдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужа своего к Володимеру: "Воротисм!" Въде бо са с нимъ что молвивъ, не поидетъ". (2) Да се, Василю, шлю та: ъди к Василкови со сима штрокома, и молви ему тако: "Шже хощеши послати мужа своего, и воротитса Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль"». Азъ же идохъ к Василкови и повъдахъ ему всю ръчь Двдву (6605 / 1097).

В начальной части реплики (48.1) князь Давыд информирует собеседника — попа Василия — о произошедших ранее событиях; использование обращения в (48.2) позволяет обратить внимание адресата на то, что говорящий переходит к изложению распоряжения.

- **Б.** Обращение маркирует переход от одного речевого хода к другому. Так, в (27.3) «(3.1) Како ка хочю молвити, а на ма хотать молвити твога дружина и мога, рекуще: "Хощеть погубити смерды и ролью смердомъ!" (3.2) Но се дивно ма, <u>брате</u>, wже смердовъ жалуете и ихъ конии <...>» обращение используется в середине пространной реплики и делит ее на два речевых хода: (27.3.1) является репродуктивным говорящий вкратце пересказывает точку зрения своих оппонентов, не преминув иронично «признать» невозможность оспаривания этой точки зрения, но произнесением экспликатива (27.3.2) опровергает их, смоделировав ситуацию, которая может возникнуть, если предложение оппонентов будет принято, и тем самым приводит убедительный аргумент в свою пользу.
  - В. Обращение показывает границу между речевыми шагами:
- (18.1) Василко же, вседъ на конь, поеха ї въсрете и штрокъ его и поведа ему, глм: «(1) Не ходи, кнмже, (2) хотмть тм гати!» (6605/1097).

Речевой шаг (18.1.1) представляет собой прескриптивное высказывание, (18.1.2) — информативное. Основным речевым шагом является (18.1.1): речевой ход (18.1) может быть редуцирован до (18.1.1); соотнесение (18.1.2) с (18.1.1) позволяет понять, что (18.1.2) произносится для того, чтобы объяснить необходимость совершения (18.1.1), назвав опасность, грозящую адресату.

- Γ . Обращение служит средством актуального членения, разделяя высказывание на следующие части:
- а) тема и рема: (49) ТАко* бо Wлга часто глше: «(1) Адъ (T_1), сну, Ба поднах и ралюсь (P_1). (2) Аще и ты поднаєши Ба, то радовати начнеши» (6463 / 955);
- б) рема и тема (верификативный вопрос): (33.1) «Добр+ (P_1), гостье, приидоша (T_1)?»;
- в) рема и тема (высказывание с препозицией ремы): (23) И послашасм паки кигане к Володимеру, глюще: «Поиди (P_1) , кнаже, Киеву $(T_1) < ... > »$, (29.8) «Ать иду по нь (P_1) , а ты ту (P_2) , брате, посъди $(T_2 = P_1) »$, (34.1) «Ие дабываи (P_1) , игумене, еже ми еси ночесь weightan $(T_1) »$;
- г) рема и рема (без изменения исходного актуального членения): (21) «Се оуже прельстилъ ма еси (P_1) , дыаволе, съдаща на единомъ мъстъ $(P_2) < ... > »$, (18.1) «Не ходи (P_1) , кнаже, хотатъ та гати $(P_2)!$ », (27.3.2) « $< ... > Но се дивно ма <math>(P_1)$, брате, wже смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышлающе $< ... > (P_2)»$;

- д) рема и рема (высказывания с суперпозицией ремы): (24) «**Не** ходи (P_1) , <u>брате</u>, и не wслушансь брата старъншаго $(P_2) < ... > »$, (50) И створивше въче на торговищи, и ръша, пославшесь ко кнажо: «**Се** половци росоулись по земли (P_1) . Да вдаи $(P_{2,1})$, <u>кнаже</u>, wружьга и кони $(P_{2,2})$, и еще бъемсь с ними (P_3) » (6576 / 1068).
- **Д.** Осуществляя актуальное членение, говорящий при помощи обращения указывает границу между следующими синтагмами:
- а) предикативными единицами, как это происходит в (24), (18.1), (27.3.2), (34.1) и (51):
- (51) Совокуплени же братьи, рече имъ Антонии: «(1) Се Бъ васъ съвокупи, братье, (2) $\overline{w}$ блг⁶нию есте Стыю Горы <...>» (6559 / 1051).

Показателен также пример (34.1): в «(1) **Не забыва**и, <u>игумене</u>, (2) **еже ми еси ночесь ws-вщалъ»** предикативная единица (34.1.2) заполняет объектную валентность, обязательную для предиката в (34.1.1);

б) предикативной единицей и полупредикативной синтагмой: $(21) \cdot ((1)$ **Ge** оүже прельстилъ ма еси, <u>дыаволе</u>, (2) съдаща на единомъ мъстъ < ... > ».

Следует обратить внимание на то, что монопредикативная конструкция (21) является полипропозитивной: непредикативная синтагма (21.2) называет ситуацию, которая осмысляется как связанная с событием, описанным в (21.1);

г) предикативной единицей и дополнением: (52) **И** кр^сщну же володимеру в Корсуни, предаша ему въру кр^стъганьскую, рекуще сице: «(1) Да не прельстать тебе нъции $\overline{w}$ еретикъ <...> Пращають же гръхы на дару, еже есть хлъе всего. (2.1) $\overline{\textbf{Б}}$ ъ да хранить $\overline{\textbf{T}}$ ъ, <u>кнаже</u>, (2.2) $\overline{w}$ сего» (6496 / 988).

При этом обращение делит высказывание на препозитивную рему (52.2.1) и тему (52.2.1), выраженную анафорическим местоимением;

- д) синтаксическими формами, называющими субъект пропозиции, и синтагмами, включающими сказуемое в качестве главного компонента: (49.1) «(1) Аҳъ, сну, (2) Ба поҳнаҳ и раҳюсҳ», (53) И послаша кианъ къ Стославу, глющє: «(1) Ты, кнҳжє, (2) чюжей ҳємли ищешь и блюҳєшь, а своєїа сҳ лишивъ <...>» (6476 / 968);
- е) сказуемым и дополнением (различные объектные значения): $(50) \ll <...> (1)$ Да вдан, кнаже, (2) wружым и кони, и еще бъемсм с ними», (54) Послаша Оусеволожюю и митрополита Николу къ Володимеру, глща: $\ll (1)$ Молимсм, кнаже, (2) тобъ и братома твоима <...> $\ll (6605 / 1097)$;
- ж) сказуемым и обстоятельством (различные значения), как это происходит в (23), (33.1);
- з) сказуемым и именной группой (форма, называющая субъект, и обстоятельство): (29.8) «(1) Ать иду по нь, (2.1) а ты ту, <u>брате</u>, (2.2) посъди», (55) Ркоша дружина Игореви: «<...> (1) И поиди, <u>кнаже</u>, (2) с нами в дань, да и ты добудешь, и мы» (6453 / 945).

- 2. Этим, однако, список функций обращений в интерпозиции не ограничивается: их использование теснейшим образом связано с субъектной перспективой высказывания. Обнаруживаются следующие закономерности:
- А. В большинстве случаев обращение используется в персонализованном высказывании: собеседник является участником события, описываемого пропозицией, выражаемой данным высказыванием. Только в четырех случаях из 45 (9%) собеседник не упоминается в качестве участника ситуации, при этом каждый из этих случаев примечателен:
- а) в высказывании князя Василько (29.2) «**Иє могу**, <u>братє</u>, **wстати**» не выражена обязательная локативная валентность: импликатура «у тебя» выводится на основе анализа ситуации в целом;
- б) реплика новгородцев (36.2) «Ащє, кнажє, братью наша истинь суть, можемь по тобть бороти» соединяет две предикативные единицы, и во второй из них собеседник упоминается; так же устроена и реплика княгини Ольги (49);
- в) в высказывании князя Владимира (46.2) «Дивно м.а., дружино, wже лошади кто жалуєть, єюже wреть кто <...>» упоминается некое лицо — «кто жалуєть», в котором без труда угадывается собеседник князя, только что пожалевший смердов и их пахоту (см. 46.1); князь не называет его напрямую, но намекает на него, «смягчая» обличение неправоты оппонента, что можно считать особой речеповеденческой тактикой (далее — РПТ) в диалоге-дискуссии.

Таким образом, «невовлеченность» собеседника в ситуацию в (29.2), (36.2), (46.2) и (49) оказывается мнимой.

 $^{^{14}}$ Обнаруживаются также случаи, когда те же словоформы предшествуют обращениям, но при этом их разделяет какой-либо член предложения: императив 2 лица (два случая: (58) Володимъръ же радъ бывъ, тако подна Ба самъ и людие его, и водръвъ на нбо и рече: «(1) Бе великыи, створивыи нбо и демлю! (2) Придри на новыта люди свога, вдаи же имъ, Γ^{ϵ} и, оувъдити тебе, истеньнаго Ба <...>» (6496 / 988), (59) Гарославъ <...> нарекъ Бга, рекъ: «<...> Но суди ми, Γ^{ϵ} и, по правдъ, да скончаетъса длоба гръшнаго» (6523 / 1015), местоимения ТЫ (один случай — см. 29.8), ВЫ (1 случай — см. 51).

Также обнаруживается употребление обращений, помещаемых за формами 1 лица мн. числа, которые называют не только говорящего, но и его собеседника: индикатив 1 лица (один случай: (60) **И** $\rho^{\P_E}$ Свенгелдъ и Асмудъ: (1) «<...> Потагнемъ, дружино, по кнади!» (6454 / 946), местоимение МЫ (один случай: (61) Вълодимеръ <...> ту абък посла ко Давыду и к Ольгови Сватъславичема, гла: «<...>Да поправимъ сего дла, еже са сотвори оу Русьскои земли и в насъ, <u>братъи</u>, wже оуверже в ны ножь <...>» (6605 / 1097).

Таким образом, интерпозитивное употребление обращений часто связано с конструкциями, в которых обращению предшествует словоформа, называющая собеседника (27 случаев из 45—60%). Безусловно, речь идет не об обязательности употребления обращения в таких высказываниях¹⁵, но об определенной тенденции: если говорящий решает употребить интерпозитивное обращение, делает он это при произнесении персонализованного высказывания, чаще всего помещая обращение непосредственно за словоформой, называющей собеседника, поскольку в этом случае обращение позволяет ему уточнить субъектную перспективу высказывания.

Необходимо также обратить внимание на то, что в предикативных единицах, в которых обращение следует непосредственно за императивом или индикативом 2 лица, личное местоимение 2 лица не используется (16 случаев). В то же время, если обращению предшествует личное местоимение 2 лица, в предикативной единице могут также быть употреблены формы императива или индикатива 2 лица (4 случая из 6: см., например, 28.4, 53, 56). Такое положение дел объясняется необходимостью осуществления актуального членения, при котором формы, называющие субъект действия и само действие, оказываются в разных частях высказывания — теме и реме или двух разных ремах (3 случая из 4). Если же они потенциально могут быть помещены в одну и ту же тему или рему, местоимение опускается: значение лица выражается глагольной формой 16.

- 3. Безусловно, говоря о местоположении обращения, нельзя обойти стороной вопрос об особенностях **просодической структуры** высказываний с интерпозитивными обращениями.
- **А.** Как показал анализ, в большинстве случаев (36 высказываний из 45–80%) обращение обнаруживается после речевого отрезка,

 $^{^{15}}$ Так, в ПВЛ встречаются конструкции с формами императива и индикатива 2 лица без обращений, при этом среди них встречаются как высказывания с местоимениями 2 лица: (62) НАрославь рекь Измславу: «Аще кто хощеть шбидити своего брата, но ты помоган, егоже шбидать» (6562 / 1054), Whи же рекоша ему: «Ты еси шць намъ встать» (6582 / 1074), так и без них (63) И посла НАрославъ кь Глубу, гла: «Ме ходи! Шць ти оубругь, а братъ ти оубитъ $\mathbb W$ Стопо ка» (6523 / 1015), И р в володимеръ: «<...> То лошади его жалуещь, а самого чему не жалуещь?» (6611 / 1103).

¹⁶ Единственное исключение — фрагмент (69), который будет рассмотрен отдельно.

образующего одну тактовую группу. Чаще всего она равна одной словоформе (15 случаев — см., например, 31.2, 47.2, 49.1, 53, 54, 60), но может представлять собой сочетание, включающее проклитики и / или энклитики:

- а) проклитика + полноударная словоформа (используются проклитики И см. 55, ДА см. 50, А см. 56, HE см. 24, 18.1, 34.1, CE см. 27.5, TO см. 28.4);
- б) полупроклитика + полноударная словоформа (30.2) «<u>Аще хо</u>щеши, кнаже, послушати из начала, что раді сниде $\mathbf{F}\mathbf{\bar{h}}$ на землю?»);
- в) проклитика + полупроклитика + полноударная словоформа (29.8) «Ать иду по нь, а ты ту, брате, постади»);
- г) полноударная словоформа + одна энклитика (46.2) «Дивно ма, дружино, wже лошади кто жалуеть, еюже wреть кто <...>» ^{17} // несколько энклитик (58.2) «<...> Пригри на новыю люди свою, вдаи же имъ, $\underline{\Gamma}^{c}$ и, оувъдити тебе, истеньнаго Ба <...>»; (64) Глъбъ <...> нача молитиса со следами, гла: «<...> Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое англ ^{c} кое, оумерлъ быхъ с тобою» (6523 / 1015) ^{18} ;
- д) проклитика + полноударная словоформа + энклитика (59) «<...> No суди ми, $\Gamma^{\bar{c}}$ и, по правд $\pm$ <...>»;
- е) две проклитики + полноударная словоформа + энклитика (65) (Борисъ) помолисм, грм на икону, глм на шбрадъ вл^ачнь: «<...> (1) Се же не $\mathbb W$ противныхъ приимаю, но $\mathbb W$ брата своего, (2) и не створи ему, $\underline{\Gamma}^{\varepsilon}$ и, в семь гр $^{\varepsilon}$ Ха» (6523 / 1015) ^{19} ;
- ж) проклитико-энклитический комплекс + полноударная словоформа (66) (Изаславъ) үттыши и рекъ ему: «Елма же ты, брате мои, показа ко мит любовь <...>» (6586 / 1078).
- **Б.** Значительно реже (9 высказываний из 45) в речевом отрезке, предшествующем обращению, обнаруживается несколько тактовых групп; при этом в 8 случаях обращение следует за предикативной единицей, отделяя ее от:
- а) другой предикативной единицы формально независимой, но поясняющей содержание предшествующей (см. 51) или занимающей позицию актантной группы (см. 27.3, 61 и (67) И послашась паки киане к Володимеру, глюще: «<...> И будеши Ѿвѣтъ имѣлъ, кнаже, шже ти манастырѣ радъграбъть» (6621 / 1113);
- б) причастного оборота, занимающего позицию сирконстантной группы (см. 21);

 ^{18} О возможности использования ИМЪ и БЫХЪ в качестве энклитик см. [Зализняк, 2008: 34, 168].

¹⁷ Характерно, что в Хлебниковском и Радзивилловском списках вместо ма обнаруживается ми (в Лаврентьевском — има).

 $^{^{19}}$ О возможности использования ЕМУ в качестве энклитики см. [Зализняк, 2008: 168].

- в) актантной группы, выраженной формой анафорического местоимения, замещающего предикативную единицу (см. 52.2);
- г) актантной группы, выраженной (распространенным) существительным, которое называет участника описываемой ситуации (68) Володимъръ же <...> водръвъ на нбо и рече: «<...> Мить помоди, $\underline{\Gamma}^{\epsilon}$ и, на супротивнаго врага <...>» (6496 / 988), (69) Ръша Отополку, тако: «(1) Се Двдва есть сколота. (2) То иди ты, <u>Стополче</u>, на Давыда, (3) любо ими и, любо прожени» (6605 / 1097).

Только в одном случае в препозитивной позиции оказывается актантная группа с неизосемичным существительным, называющим действие участника ситуации: (57) Wha жє <...> глаше: «Млтвами твоими, вл ^{A} ко, да съхранена буду $\overline{w}$ сѣти неприпаднены».

Последние примеры хорошо показывают, насколько тесно связаны просодическая структура высказывания, его актуальное членение, иллокутивные функции и употребление обращения:

- В (68) вынесение объектного актанта мик в препозицию по отношению к предикату приводит к образованию дополнительной тактовой группы (ср. «Мик помоди, Γ^{ϵ} и» с (14) «W пр $^{\epsilon}$ так Б $\bar{\mu}$ е, помоди ми!»), при этом связано оно с необходимостью рематизации данного компонента: в предшествующей части реплики, приведенной в (58.2), говорится о помощи «новым людям»;
- В (69.2) упоминание субъектного актанта ты, также создающее дополнительную тактовую группу, выглядит избыточным: в высказывании с препозитивным императивом местоимение 2 лица в той же предикативной единице не используется (см. 23, 24, 18.1, 34.1, 50, 55); при этом, если обращение следует за местоимением 2 лица, во всех случаях, кроме (69.2), глагольная форма употребляется за обращением (см. 28.4, 53, 56). Такое нарочитое, по сути «тройное» (форма глагола + местоимение + обращение), упоминание собеседника, усиливаемое рематизацией подлежащего²⁰, должно заставить того вывести импликатуру: «Это *твоё* дело, именно *ты* должен исправить ситуацию»;
- В (57) рематизируется актантная группа, описывающая ситуацию, которая является желательной для говорящего; выделяя данный сегмент как актуальный, говорящий преследует определенную коммуникативную цель призвать собеседника к молитве за себя. Интересно соотношение семантической и формально-синтаксической структур: скрытая иллокутивная функция возникает в связи с рематизацией непредикативного словосочетания, включающего две тактовые группы и называющего субъект действия и само действие, при

 $^{^{20}}$ Оно и постпозитивно по отношению к сказуемому, и выделяется обращением-рематизатором.

этом объект (*за кого молиться?*) и сирконстант (*в чем цель молитвы?*) называются предикативной единицей, находящейся за обращением и также воспринимаемой как рема.

Таким образом, можно говорить о существовании следующей закономерности: в норме интерпозитивное обращение используется после первой тактовой группы, но, если возникает необходимость рематизации нескольких тактовых групп, образующих единую клаузу, обращение помещается после них.

IX. Постпозитивные обращения

- 1. В случаях постпозитивного употребления обращения, казалось бы, не следовало бы ожидать того, что оно будет использовано в апеллятивно-вокативной функции. Однако в трех случаях именно так и происходит, и связано это с условиями, в которых осуществляется коммуникация. Два раза говорящий обращается к духовно воспринимаемому адресату (см., например, 17), и употребление обращения в данной функции в этом случае является нормой, а еще в одном к адресату, который слышит говорящего, но не видит его:
- (70) **И** прідє Антонии кь концю²¹ по шбычаю и гла: «Блг^єви, <u>шчє</u> <u>Исакье</u>!» (6582 / 1074) говорящему важно, с одной стороны, назвать собеседника, чтобы тот понял, что обращаются именно к нему, а с другой установить межличностные отношения, показав, кем собеседник является для говорящего.
- 2. Как мы видим, обращению во фрагменте (70) свойственно использование в двух функциях одновременно. Вторая из них функция установления межличностных отношений свойственна и постпозитивному обращению в (33.2).
- 3. В качестве **средства сегментации** постпозитивное обращение маркирует переход к новому КЭ: об этом мы уже писали, рассматривая (26.3), (29.3) и (39). Та же функция обнаруживается и в следующем фрагменте:
- (71) И по кр $^{\varsigma}$ щении придва ю ц $^{\varsigma}$ рь и р $^{\varsigma}$ е ен: (1) «Хощю та понати жен $^{\varsigma}$ в». Wна же р $^{\varsigma}$ е: (2) «Како ма хощеши понати, а кр $^{\varsigma}$ стив $^{\varsigma}$ ма самъ и нарек $^{\varsigma}$ ма дщерь? А въ кр $^{\varsigma}$ тьан $^{\varsigma}$ хъ того н $^{\varsigma}$ е $^{\varsigma}$ дакона, а ты самъ в $^{\varsigma}$ си». И р $^{\varsigma}$ е ц $^{\varsigma}$ рь: (3) «Переклюка ма, $^{\varsigma}$ Млга» (6463 / 955) ответная реплика (2) княгини Ольги содержит отказ, «закрывая» отношения иллокутивного вынуждения в прескриптивном диалоге; реплика (3) представляет собой экспликатив цесарь признает свое «поражение».

Следует обратить внимание на то, что в (71) произнесение имени собеседника в самом конце диалога порождает импликатуру: говорящий не просто констатирует факт, а выказывает свое неравнодушное

²¹ Хлебн. и Лавр.: кь оконцю.

отношение к нему — княгиня Ольга удивила его, и он выражает свои смешанные чувства — уважение и обиду.

- 4. То, что употребление постпозитивных обращений порождает импликатуры, связано с оценкой формальной «избыточности» его использования в этой позиции: собеседник должен установить, опираясь на свой коммуникативный опыт, что имел в виду говорящий, обращающийся к нему в финальной стадии диалога зачастую в постпозиции последней реплики. Можно выделить несколько речеповеденческих тактик, связанных с произнесением постпозитивных обращений:
  - **А.** РПТ «борьба за внимание адресата».
- (72) Отополкъ же нача сбирати воћ, хотм на нћ. Ї рѣша ему мужи смысленѣи: (1) «Ие кушансм противу имъ, тако мало имаши вои». Wh же р^че имъ: (2) «Имѣю штрокъ своихъ.й. сотъ, иже могуть противу имъ стати». Начаша же друхии несмысленѣи молвити: (3) «Поїди, кнаже!» (6601/1093).

Князь Святополк выслушал совет *смысленных мужей*, и он ему не понравился; тогда в диалог «вклинились» *несмысленные мужи*, высказавшие противоположный по содержанию совет. Стараясь привлечь внимание князя к своим словам, они настоятельно «призывают» его в общение, используя обращение, как будто это самое начало диалога.

Б. РПТ «настоятельная просьба».

Данная РПТ была описана выше на примере фрагмента (29.3).

- **В.** РПТ «солидаризация».
- (73) И $\rho^{\vec{q}}$ е Стославъ вое^м своимъ: «(1) Оуже на^м ддѣ пасти. (2) Потмгнемъ мужьскы, <u>бра^те и дружино</u>!» И к вечеру шдолѣ Стославъ (6479 / 971).

Обращаясь к воинам, князь Святополк именует их не только *дружиной*, но и *братьями*, призывая их <u>вместе</u> совершить ратный полвиг ^{22} .

(74) Федосии бо шбычаи имаше, приходащю бо постъному времени, в недълю масленую, вечеръ бо, по шбычаю целовавъ братью и пооучивъ ихъ, како провоти постъное врема <...> Глшеть бо сице, гако: «<...>(1) Постомъ ап $^{\rm c}$ ли искорениша бъсовьское оучение; постомъ гавишаса шци наши акы свътила в миръи сигають и по смрти, показавше труды великыга и въздъръжанига, гако сеи великии Антонии, и Свъфимии, и

²² Как и в случае препозитивного и интерпозитивного употребления, коммуникант, называемый постпозитивным обращением, в большинстве случаев (9 из 12 реплик) является участником ситуации, описываемой в высказывании. При этом, как правило, обращение следует непосредственно за формой, выражающей значение 2 лица (императивы — три случая, см.: 29.3, 70, 72; местоимения — два случая, см.: 17, 75) или 1 лица, при этом имеется в виду, что собеседник и говорящий должны совершить совместное действие (2 случая; см.: 73 и 74).

Сава и прочии $w\bar{q}$ и, (2) ихже и мы поревнуємь, <u>братье</u>». Сице пооучивъ братью и цѣловавъ всм по имени <...> (6582/1074).

Феодосий Печерский наставляет своих духовных чад, рассказывая, как следует проводить время Великого поста, и в конце своего пространного монолога обращается к ним с призывом, объединяющим их и его самого — используются формы 1 лица мн. числа (мы и поревнуемь), а выбор обращения (кратье, а не возможное чада) свидетельствует о единстве говорящего и слушающих.

Следует также обратить внимание на то, что подобное строение свойственно завершающим частям **проповедей**, в которых звучит призыв к совершению совместного действия: употребление форм 1 лица мн. числа и «объединяющего» обращения маркирует этот **речевой жанр**²³. Таким образом, обращение в (74) используется также и в **жанрообразующей функции**.

Г. РПТ «оскорбление».

(75) И воевода нача Отополчь, газдж вьзл π ь въргеть, оукаржти новгородци, глж: «(1) Что приидосте с хромьцемь симь, (2) а вы, <u>плотници суще</u>? (3) А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ» (6524 / 1016).

Прежде всего следует обратить внимание на необычность конструкции (75.2): в позиции обращения используется местоимение, отделяемое от предикативной единицы союзом А, при этом за ним следует полупредикативная конструкция уточняющего характера. Возникает вопрос, насколько правомерно отнесение (75.2) к числу обращений?

В изданиях ПВЛ даются различные варианты перевода этого фрагмента: «Чего пришли с хромцем этим, вы же плотники? Мы и поставим вас хоромы рубить нам!»²⁴, «Что пришли с хромцем этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!»²⁵, «Что пришли с хромцом этим, вы, плотники? Поставим вас хоромы нам ставить!»²⁶ Колебания в переводах хорошо отражают суть проблемы: данная конструкция не представляет собой в чистом виде ни обращения, ни предикативной единицы. Однако следует заметить, что ввод существительного при помощи постпозитивного краткого

²³ Ср. с заключительными частями Слов Феодосия Печерского, в которых преимущественно используются формы 1 лица мн. числа. Наибольшее сходство при этом обнаруживается с проповедью «Въ среду 3 недъли поста слово святаго Феодосіа на часъх о терпъніи и о любви»: «<...> Тъм же, <u>братие моя</u>, дръжаще междю собою любовь истинну и въспріимъмь благаго Бога нашего законь чисть и заповъди его непорочны съблюдъмъ, тружающеся в бдъніи и въ молитвах, молящеся за весь миръ бесъпръстани, да тъмъ получим царство небесное. О Христъ Ісусъ Господъ нашемь» (цит. по [Еремин, 1947: 174]).

 $^{^{24}}$ Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; см. [Повесть временных лет, 1950: 2961.

²⁵ Перевод Д.С. Лихачева; см. [Повесть временных лет, 2007: 200]. ²⁶ Перевод О.В. Творогова; см. [Повесть временных лет, 2000: 185].

причастия характерен для тех конструкций, где оно используются в качестве уточняющего приложения: (76) Мы же, кр тыкии суще, и выздаемь поч тыки противу wного възданью (6523 / 1015). Особенное же строение конструкции связано с тем, что, употребляя такое «обращение» с уточнением, говорящий стремится дать собеседнику характеристику, в данном случае уничижительную.

Х. Использование обращений в характеризующей функции, обнаруженное в (75), свойственно, по сути, всем обращениям: выбирая то или иное слово, которым будет назван собеседник, говорящий осуществляет скрытую предикацию, сообщая, кем для него, говорящего, является его адресат. Так, в зависимости от ситуации один и тот же говорящий может по-разному называть одного и того же собеседника. Например, обращаясь к брату, князь может употребить слово «брате!» (и так происходит в подавляющем большинстве случаев; см., например, 27, 28, 29), «брате мои!» (употребление местоимения подчеркивает особо теплое, сочувственное отношение к попавшему в беду брату; см. 66) или назвать по имени (см. употребление «Стополче!» в 69). В последнем случае говорящий общается с братом, совершившим злодеяние, и обращение к нему по имени, а не именование его братом, показывает негативное отношение к нему.

Следует заметить, что имена собственные в ПВЛ в качестве обращений используются достаточно редко (11 из 95 случаев -12%). причем в более чем половине случаев произносится одно имя — Исакий (7 фрагментов). Можно отметить интересную закономерность: имя собственное произносится преимущественно тогда, когда использование нарицательного представляется неуместным. Так, в 5 случаях имя Исакий произносят бесы (см., например, 26), и сложно представить, как иначе они могли бы к нему обратиться. В одном случае Исакия зовет повар, и это та ситуация, когда реализуется исключительно апеллятивно-вокативная функция (см. 42). Еще один раз по имени к нему обращается святой Антоний, называя его при этом не просто Исакий, а отеи Исакий (см. 70), и ему действительно нужно, чтобы отеи Исакий понял, что обращаются к нему. В (71) цесарь называет отказавшую ему княгиню Ольгой, и это наиболее естественный способ номинации в такой ситуации для иноземного правителя. В (48.2) обращение Василю, произнесенное князем Святополком, воспроизводит сам поп Василий. Однако в двух случаях произнесение имени собственного имеет оценочный характер: помимо рассмотренного выше фрагмента (69) это реплика (34.2) «Брате Демьгане! Еже ти есмь шенщаль, то ти буди» — Феодосий Печерский, обращаясь по имени к духовному брату, выражает особое свое к нему отношение.

²⁷ Хлебн. и Лавр.: нє.

В большинстве же случаев в качестве обращений используются существительные, позволяющие назвать социальные роли собеседников — *брат, сын, отец, князь, дружина, гость* и др. Иногда в сочетании с ними употребляются определители, и чаще всего ими оказываются местоимения *мой* и *наш*: они свидетельствуют особо теплое, сердечное отношение к адресату. В шести из 11 случаев употребления *мой* (*наш*) адресат является духовно воспринимаемым: в трех случаях это обращение к Господу (см., например, 13а3.2) и еще в трех — к усопшим родственникам (см. 16, 226 и 40). Вообще, обращение к усопшим во всех случаях заставляет говорящего использовать особые средства, позволяющие выразить горечь утраты: определения *мой* (см. 16, 226 и 40) и *любимый* (см. 22а и 40), а также редупликацию (см. 22б).

В пяти оставшихся случаях употребления мой (наш) говорящий обращается к живущим: родственникам (два раза к сыновьям — см., например, 56; один раз к брату — см. 66), князю (см. 25) и духовным братьям (см. 45). Наиболее показательным является последний случай: обращение Феодосия Печерского является комплексным, включающим три существительных, и за каждым из них обнаруживается определение мои.

Особое внимание следует обратить на именование Господа в молитвах героев ПВЛ: помимо чаще всего произносимого обращения Γ^{ϵ} и! (девять случаев; см., например, 13a1, 13a2, 13в, 58.2, 59, 65, 68) встречаются также **Б**е великый, створивый нбо и демлю! (см. 58.1). $\mathbf{R}_{\Lambda}^{A}$ KO! (CM. 17). $\mathbf{\Gamma}^{c}$ H $\mathbf{E}_{c}$! (CM. 44). $\mathbf{\Gamma}^{c}$ H $\mathbf{I}^{c}$ Ce $\mathbf{X}^{c}$ e! (136). $\mathbf{\Gamma}^{c}$ H. $\mathbf{E}_{c}$ MOH! (13а3.2), Γ^c и, Бе мои, Γ^c съ X^c е! (см. (77): Такъ бо баше бажный кизь Mрополкъ <...> мольше Kа всегда, гль: « Γ °и, Kе мои, Γ °съ X°е! Приими млтву мою ї дан же ми смоть таку <...>» $\overline{(6595/1087)}$, Γ^c и Γ^c се X^c е, $\overline{K}$ е нашь! (см. (78): Φ едосии бо шбычаи имаше <...> по шбычаю целовавъ братью и пооучивъ ихъ <...> «<...> Да приходащаю таковыю мысли вьзбранати и знамениемь кр ^{c} тнымь, глще сице: " Γ^{c} и Γ^{c} се X^{c} е, Бе нашь, помилуи насъ, аминъ". <...>» (6582 / 1074). Возможность использования разных обращений, передающих полноту восприятия Господа молящимся, с одной стороны, отражает древнерусскую церковную традицию ^{28} , а с другой — в тех случаях, когда молитва включает цитату, может сохранять форму обращения, использованного в тексте-источнике (см. 13a1, 13a2, 13a3.2, 44, 58.1, 59, 78).

Наиболее показательным является использование обращения в $(136)^{29}$: обращение $\Gamma^{\vec{c}}$ и $\Gamma^{\vec{c}}$ сє $X^{\vec{c}}$ є распространяется пространным

²⁹ Такое же строение имеет обращение в (58.1).

²⁸ Например, в молитвах святителя Кирилла Туровского, написанных в XII в., используются обращения *Владыко Господи всеа видимыа и невидимыа тври съдътелю*, *Господи, Господи мои Господи, Господи Иисусе Христе, Господи Боже мои, Господи Иисусе Христе Сыне Божеи Преблагіи Господи, Владыко, Владыко мои Иисусе Христе* и другие (см. [Рогачевская, 1999: 91, 92, 93, 96, 104]).

определительным придаточным иже симь шеразомъ пависм на земли спению ради нашего, изволивыи своею волею пригвоздити руци свои на креть, и приемь стреть грѣхъ ради нашихъ, к которому примыкает собственно молитвенная часть тако и мене сподови пригати стреть. Подобное строение имеют обращения в различных церковных жанрах (см., например, отпуст или зачин просительной молитвы 11): характеризующая функция таких обращений связана с использованием зависимых от субстантива предикативных и полупредикативных конструкций — совокупное их использование отражает особую коммуникативную целеустановку говорящего, который, с одной стороны, свидетельствует истинность произносимого, а с другой — создает тот содержательный «фундамент», на основе которого он будет строить свое последующее высказывание.

XI. Особую коммуникативную цель преследует и князь Ярослав, произносящий в качестве отдельной реплики обращение (22а) «(1) • любимата дружино, (2) юже избихъ вчера, (3) а нынѣ быша надобъ...» Данное высказывание представляет собой распространенное обращение, и оценка релевантности произносимого (князь вспоминает о содеянном, узнав о смерти отца, убийстве Бориса и Глеба и вероломстве Святополка, и при этом произносит свою фразу в присутствии уцелевших после вчерашнего побоища новгородцев, поддержкой которых ему необходимо заручиться) в соотнесении с выбранной формой высказывания (обращение как структурная «вершина» конструкции, употребление эмотивного междометия «О!», эпитета «любимая», содержательно противопоставляемого 22а.2, равно как и содержательное противопоставление 22а.2 и 22а.3) позволяет установить иллокутивную функцию высказывания «се-

³⁰ См. подробнее: [Савельев, 2017: 17].

³¹ См., например, молитвы святителя Кирилла Туровского: Боже всемогьи безначальныи Господи. высокии и славный Царю. владъя всею тварію видъмою. съдяи на херовимъхъ, поемыи отъ Сърафимь молимъ отъ Ангелъ, и от всъхъ небесных силь покланяемь Тобъ служат горіи чинове тысящами <...> («Молитва въ неделю по часахъ святаго Кирила»; цит. по: [Рогачевская, 1999: 95]), Владыко Господи всеа видимыа и невидимыа тври съдътелю. Боже силъ въкомъ творче сътворивыи времена и лъта измъривыи день и нощь часами, разлучивыи свът от тмы, и видивь свът яко добро бысть вечеръ его же и мене смиренаго сподобиль еси достигнути и до послъдняго часа дне сего. вънже вечерннюу службу всылаю Ти. исправи молитву мою яко кадило пред Тобою <...> («Въ понедъльник вечеръ молитва преподобнаго Кирила»; цит. по: [Рогачевская, 1999: 104]), Господи Христе Боже нашь иже нашего ради спасенія от безначалнаго Ти Отца пришед от вышняго круга горняго небеси в нижная страны земля Богъ сыи не премљнен в наше естество оболкся и весь бысть человљкъ за многое и неисповљдимое Твое милосердіе да даное Ти достояніе языкы к себе приведеши изем от стараго врага мучителя діавола ему же поработихомся гръхом часть Твоя сущи и жребіи вожделенный о нихь же реченныи овця имамъ и нынъ не попусти Господи сконцати ми ся въ гръсъх <...> («Въ четвергъ по вечерніи молитва преподобнаго Кирила»: цит. по: ГРогачевская, 1999: 127]).

тование» — князь сожалеет о содеянном, признает свою ошибку в присутствии тех, перед кем он виноват. Таким образом, обращение употребляется как коммуникативная форма, позволяющая выразить иллокутивную функцию высказывания, конструктивную основу которого оно составляет.

Выводы

Подводя итоги исследования употребления обращений в прямой речи героев ПВЛ, скажем следующее.

- 1. К числу факторов, определяющих необходимость использования обращений в речи героев ПВЛ, относятся:
- а) ситуация общения (контактная vs. дистантная коммуникация);
- б) тип адресата (сенсорно vs. духовно воспринимаемый, персонифицированный vs. неперсонифицированный);
- в) социальные роли (равенство vs. неравенство в отношениях между коммуникантами);
- г) место, занимаемое репликой в диалоге (инициальная vs. реактивная);
- д) структура коммуникативного события (состоит из одного vs. нескольких коммуникативных эпизодов);
- е) место, занимаемое речевым шагом в реплике (первый vs. не первый);
- ё) место, занимаемое обращением по отношению к речевому шагу (препозиция vs. интерпозиция vs. постпозиция);
- ж) особенности субъектной перспективы высказывания (персонализованность vs. неперсонализованность);
- з) особенности просодической структуры высказывания (наличие тактовой группы, находящейся в начале речевого шага и способной к рематизации).
  - 2. К числу функций летописных обращений относятся³²:
- а) апеллятивно-вокативная (чаще всего при использовании в препозиции по отношению к первым речевым шагам инициальных реплик для привлечения внимания собеседника и «вовлечения» его в диалог);
- б) псевдоапеллятивно-вокативная (использование обращения в реактивной реплике маркирует переход к новому коммуникативному эпизоду: говорящий произносит реактивную реплику, похожую на инициальную, «имитируя» начало диалога);

³² Учитывая существующее разнообразие терминологии при определении функций языковых единиц (см., например, обзор, данный в [Демьянков, 2000]), мы указываем в скобках, к чему сводится использование обращения в каждой из перечисляемых функций.

- в) номинативная (уточнение субъектной перспективы высказывания при назывании адресата);
- г) характеризующая (использование обращения в качестве единицы, содержащей скрытую предикацию);
- д) фокусирующая (усиление фокуса внимания при произнесении важного сообщения);
- е) межличностная (установление социальных отношений между коммуникантами, поддержание социальных отношений в процессе коммуникации);
- ё) сегментирующая (средство сегментации речи на разных уровнях ее организации: просодическом, формально-синтаксическом и коммуникативном, в том числе при организации актуального членения высказывания и сегментации диалога деление на речевые шаги, речевые ходы и коммуникативные эпизоды);
- ж) иллокутивная (уточнение при помощи обращения иллокутивной функции высказывания или использование обращения в качестве высказывания с определенной иллокутивной функцией);
- з) дискурсивная (использование обращения как одного из средств оформления определенной рече-поведенческой тактики);
- и) жанрообразующая (использование обращения как одного из средств, маркирующих речевой жанр молитву, проповедь).

Таким образом, как мы видим, обращению свойственны как структурные, так и тесно связанные друг с другом семантические, прагматические и стилистические функции³³.

3. На актуализацию тех или иных функций обращения оказывает влияние «контекст» — совокупность семантических, прагматических и синтаксических условий его употребления. Так, наиболее функционально нагружены обращения, используемые в интерпозиции речевых шагов, входящих в неинициальные реплики, при общении с сенсорно воспринимаемым адресатом: например, обращение в (27.3) а) является показателем межличностных отношений: б) маркирует переход к новому речевому ходу; в) используется как средство актуального членения (находится между двумя ремами); г) указывает границу двух ПЕ; обращение в (27.5) а) является показателем межличностных отношений; б) маркирует переход к новому КЭ; в) используется как средство актуального членения в высказывании с суперпозицией ремы; г) указывает границу между актантной группой и сказуемым; д) выделяет первую тактовую группу; обращение в (32.2.2) а) является показателем межличностных отношений; б) маркирует переход к новому речевому ходу; в) используется как средство актуального членения в высказывании с суперпозицией

³³ О данных типах функций см. [Бондарко, 1987: 8, 9].

ремы; г) указывает границу между обстоятельством и сказуемым; д) наряду с другими средствами помогает реализовать РПТ «солидаризация с адресатом».

Таким образом, **обращение является языковой единицей, которой**, как и другим языковым единицам³⁴, **свойственна полифункциональность:** произнося обращение, говорящий может использовать его одновременно в нескольких функциях — именно к такому выводу приводит анализ употребления обращений в прямой речи героев ПВЛ.

Список литературы

- Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987. С. 5—39.
- Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 26–136.
- *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1947. Т. V. С. 159—184.
- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева / Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.: XI—XII века. СПб, 2000.
- Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб, 2007.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб, 1908.
- Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссиею Академии наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Издание второе. Л., 1926.
- *Рогачевская Е.Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999.
- Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2.

³⁴ См.: [Савельев, 2016].

- Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 1) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 76. М., 2017. № 6.
- *Савельев В.С.* Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 1. С. 79—105.
- Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг, 1922.
- Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.
- Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. Текст ст. подгот. М.Д. Приселков // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1940. Т. IV. С. 9–150.

Victor S. Savelyev

THE FUNCTIONS OF DIRECT ADDRESS IN "THE TALE OF BYGONE YEARS" (Article 2)

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article is devoted to features of the addresses function in oral utterances of characters in The *Tale of Bygone Years*, associated with their prepositional, interpositive and postpositive use. We examine various functions of addresses: appellative-vocative, pseudo-appeal-vocative, nominative, characterizing, focusing, interpersonal, segmenting (a means of segmentation of speech on the prosodic, formal-syntactic and communicative levels of its organization), illocutive, discursive, genre-forming. We determine that the Old Russian addresses are characterized by polyfunctionality — the possibility of simultaneous use in different functions.

Key words: The Tale of Bygone Years; functions of language units; address.

About the author: *Victor S. Savelyev* — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

References

Bondarko A.V. Vvedenie. Osnovaniya funkcional'noj grammatiki [Introduction. The foundations of functional grammar]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, 1987, pp. 5–39. (In Russ.)

- Dem'yankov V.Z. Funkcionalizm v zarubezhnoj lingvistike konca XX veka [Functionalism in foreign linguistics at the end of the 20th century]. Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': Funkcional'nye i strukturnye aspekty [Discourse, speech, speech activity. Functional and structural aspects]. Moscow, 2000, pp. 26–136. (In Russ.)
- Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Feodosiya Pecherskogo [Literary heritage of Theodosius of Pechersky]. *Akademiya nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1947, t. V, pp. 159–184. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie ehnklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008, 280 p. (In Russ.)
- Povest' vremennyh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod. Podgotovka teksta D.S. Lihacheva. Perevod D.S. Lihacheva i B.A. Romanova. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc [The Tale of Bygone Years. Part one. Text and translation. Preparation of the text by D.S. Likhachev. Translation by D.S. Likhachev and B.A. Romanov. Edited by V.P. Adrianova-Peretz]. Moscow-Leningrad, 1950, 405 p. (In Russ.)
- Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova [The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogov]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. I: XI–XII veka* [Library of the Ancient Rus literature. T. I: XI–XII centuries]. St. Petersburg, 2000, pp. 62–315, 487–524. (In Russ.).
- Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc [The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation, articles and comments by D.S. Likhachev. Edited by V.P. Adrianova-Peretz]. St. Petersburg, 2007, 669 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. T. 2: Ipat'evskaya letopis' [A complete collection of Russian chronicles, published under the Highest Command of the Imperial Archaeographic Commission. T. 2: Ipatiev Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 638 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie russkih letopisej, izdavaemoe postoyannoyu Istoriko-arheograficheskoj komissieyu Akademii nauk SSSR. Tom pervyj. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennyh let [A complete collection of Russian chronicles, published by the Historical and Archaeographic Commission of the USSR Academy of Sciences. Volume one. The Laurentian Chronicle. Issue. 1: The Tale of Bygone Years]. Leningrad, 1926, 286 p. (In Russ.)
- Rogachevskaya E.B. *Cikl molitv Kirilla Turovskogo. Teksty i issledovaniya* [Cycle of prayers of Cyril of Turov. Texts and research]. Moscow, 1999, 280 p. (In Russ.)
- Savel'ev V.S. Drevnerusskie illokutivno polifunkcional'nye vyskazyvaniya: soobshcheniya o byvshem, nastoyashchem i budushchem (na materiale

- "Povesti vremennyh let") [Old Russian illocutive polyfunctional utterances: reports about the former, present and future (on the material of "The Tale of Bygone Years")]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2016, № 2, pp. 79–105. (In Russ.)
- Savel'ev V.S. Molitva v "Povesti vremennyh let" (stat'ya 1) [Prayer in "The Tale of Bygone Years" (article 1)]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya, Literature and Language Series], 2017, t. 76, № 6, pp. 16–24. (In Russ.)
- Savel'ev V.S. Funkcii obrashchenij v pryamoj rechi geroev "Povesti vremennyh let" (stat'ya 1) [The functions of addresses in the direct speech of the heroes of "The Tale of Bygone Years" (article 1)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, № 1, pp. 79–105. (In Russ.).
- Sever'yanov S. *Sinajskaya psaltyr'*. *Glagolicheskij pamyatnik XI v*. [The Sinai Psalter. Glagolitical monument of the XI century]. Petrograd, 1922, 214 p. (In Russ.).
- Formanovskaya N.I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow, 2002, 216 p. (In Russ.).
- Shahmatov A.A. "Povest' vremennyh let" i ee istochniki. Tekst st. podgot. M.D. Priselkov ["The Tale of Bygone Years" and its sources. The text of the article was prepared by M.D. Priselkov]. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1940, t. IV, pp. 9–150. (In Russ.)

Г.В. Москвин

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

(эволюция словесного портрета романного героя М.Ю. Лермонтова — лермонтовского человека)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье «Четыре портрета» последовательно анализируются словесные портреты главных героев романов М.Ю. Лермонтова «Вадим» (1831—1834), «Княгиня Лиговская» (1836—1838), «Герой нашего времени» (1837—1841) и начатой повести «Штосс» (1841): Вадима, Жоржа Печорина, Григория Александровича Печорина и Лугина; при этом устанавливается общее художественное основание их создания — единство образа героя прозы Лермонтова. При анализе обнаруживается, что во всех рассматриваемых портретах есть базовые общие характеристики, присущие выделяемому в творчестве Лермонтова типу лермонтовского человека, литературной категории, позволяющей установить связь между идеей автора и характером ее воплощения через сюжетную деятельность главного героя в данных произведениях. В эволюции портрета романного героя Лермонтова автор замечает отражение четырех этапов развития русской прозы 1830 — начала 1841 г.: периодов позднего романтизма с его неизбежным стилевым эклектизмом; раннего реализма, объединяющего социальную проблематику и реликтовые признаки романтизма: жанрово-стилевого синтеза, позволившего в случае Лермонтова соединить основные жанровые виды романа времени (аналитического, любовного, авантюрного, психологического, философского, бытового, нравоописательного); явления литературной парадигмы 1840-х годов, где главный герой открывает галерею новых литературных типов, при этом сохраняя родство с лермонтовским человеком. Таким образом, портреты героев, помимо проявляющихся в них стилевых особенностей произведения, выполняют сюжетные функции и ориентированы на выражение идеи произведений. Автор заключает последовательный анализ словесных портретов героев выводом, что в «Штоссе» намечается начало следующего идейно-стилевого этапа творчества Лермонтова, поиска своего пути в новой русской литературе, возможной альтернативы общему направлению.

Ключевые слова: Лермонтов; проза; портрет; герой романа; стиль; характеристики; эволюция.

Москвин Георгий Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: georgii_moskvin@mail.ru).

Содержание статьи составляет последовательное рассмотрение четырех пассажей из незавершенных (вернее, оставленных автором) романов «Вадим» (1831—1834) и «Княгиня Лиговская» (1836—1838), единственного законченного романа «Герой нашего времени» (1837—1841) и начала произведения неуточненной жанровой природы — «Штосс» (1841). Объединяет выбранные тексты общее назначение — представить «наружность» героя (именно это слово употребляет автор для обозначения портретов Жоржа Печорина и Лугина; более сложное, богатое описание Григория Александровича Печорина удостоено определения «портрет»; при портретизации Вадима в первом романе нет общего слова¹). Основными объединяющими словесно-композиционными признаками названных фрагментов является описание внешности главного героя, а также общая модель, по которой они строились, а именно дополнение физического портрета социальными и психологическими характеристиками. Последнее замечание позволяет говорить об определенном дискурсе в прозе Лермонтова, содержащем чрезвычайно ценную информацию для понимания единства ее художественных целей и содержания. Е.Н. Михайлова в монографии «Проза Лермонтова» (1957) уже предпринимала попытки представить художественную прозу Лермонтова как последовательный процесс формирования образа героя времени. Так, в «Вадиме» автор «гиперболически возвеличивал самый образ героя», а «подготовительным эскизом» к образу, именем которого назовут самую эпоху <... > была "Княгиня $Лиговская" * ^2$.

Определение «лермонтовский человек», впервые предложенное Д.Е. Максимовым³, внесено в подзаголовок статьи с целью подчеркнуть нерасторжимость триады «герой» — «лермонтовский человек» — «эмпирический автор» в творчестве Лермонтова. Речь идет о системе, или о единстве, где герой являет эстетическую категорию, эмпирический автор — явление внешней жизни, и соединяющее их качество — лермонтовский человек. Высказанное положение объясняет внимание, уделяемое нами словесным портретам главных героев прозы Лермонтова, поскольку именно в них лермонтовский человек получил наиболее отчетливую, развернутую и художественно аргументированную характеристику, благодаря чему отчетливо

¹ Показательно, что портретное определение «наружность» автор выбрал для доктора Вернера и Вулича, тем самым обозначая приоритетные признаки при характеристике героев.

² *Михайлова Е.Н.* Проза Лермонтова. М., 1957. С. 127, 202.

³ «Лермонтовский человек» как герой-понятие занимает центральное место в книге Д.Е. Максимова «Поэзия Лермонтова» [Максимов, 1959].

проявилась творческая стратегия писателя в последовательном создании образа героя времени ^{4} .

При анализе темы мы учитывали, что на протяжении 10 лет прозаического творчества (1831—1841) главный герой Лермонтова последовательно сохранял неизменной самую суть своей личности, хотя и получал те характеристические черты и признаки, что были свойственны каждому этапу прозы писателя. Таким образом, обратившись к эволюции портрета, мы получаем релевантную информацию, дающую нам дополнительные возможности для реконструкции стилевых тенденций в русской литературе отмеченного десятилетия как в текстовом пространстве русской прозы, так и в индивидуальном творчестве Лермонтова. Речь идет о чрезвычайно емком по содержанию и насыщенном по стилевым характеристикам литературном десятилетии, периоде, вместившем в себя изменения стиля от позднего романтизма 1830-х годов вкупе с натуралистическими тенденциями, социальным содержанием, до утверждения реалистической поэтики 1840-х годов.

Периодизация творчества Лермонтова вполне может устанавливаться на основании четырёх «прозаических волн» (условно обозначим их: от «Вадима» до «Штосса»). Каждая из них сыграла двойную роль в отношении остального корпуса текстов Лермонтова (лирика, поэмы, драмы). Так, с одной стороны, роман «Вадим» явился произведением, обобщающим все раннее творчество (1828—1832); с другой — в нем создана художественная перспектива следующего этапа творчества (1833—1836). Подобное значение имели для последующего творчества Лермонтова «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» и «Штосс». Исходя из сказанного, можно предположить, что на «прозаическое» десятилетие приходятся четыре жанрово-стилевых этапа творчества Лермонтова. Определяющую роль в этом процессе сыграла эволюция лермонтовского романного героя⁵.

Все четыре портрета в прозе Лермонтова имеют инвариантную составляющую — комплекс качеств героя, меняющихся в зависимости от конкретной художественной задачи, обусловливающей требования, предъявляемые герою для ее выполнения. Герой одноименного романа «Вадим», чей портрет выполнен в романтической стилистике, призван предъявить миру вселенские претензии, преодолеть ненависть, утвердить любовь (эта цель вычитывается в письме Лермон-

⁴ См.: *Москвин Г.В.* Герой прозы Лермонтова (Григорий Александрович Печорин) / М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценке отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Т. 2. СПб, 2014. С. 367—384.

 $^{^5}$ См.: *Москвин Г.В.* Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007. С. 16–19.

това к М.А. Лопухиной от 28 августа $1832 \, {\rm r.}^6$). Стилевой эклектизм «Вадима», справедливо отмеченный В.В. Виноградовым⁷, имел сво-им источником применение романтических клише для выражения высокой нравственно-философской идеи на современном автору идейно-стилевом уровне.

Портрет Вадима в начале романа полностью выдержан в романтической стилистике. Первое же замечание представляет собой позиционирование героя среди остальных — «в толпе нищих был один»; далее описание состоит из двух групп характеристик — физических и имеющих отвлеченно-абстрактную природу. К первой группе относятся: «он был горбат и кривоног». Безобразию тела противопоставлена крепость его членов. При описании лица, после упоминания широкого лба героя, автор переходит ко второй группе характеристик, гиперболических и метафизических по характеру: «широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури» или «насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную». Заключает портрет Вадима рассуждение героя перед святыми вратами: «если б я был чорт, то не мучил бы людей, а презирал бы их: стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник Бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!». Именно эти мысли явились начальными для проблематики романа. И заключительным штрихом в описании героя было замечание о страсти, владевшей сердцем и чувствами героя, и согласно ей изображалась психическая подвижность его лица: «глаза блистали», «беспокойные брови», «худые щеки покрывались красными пятнами». Три цвета выделяются на его лице: желтый лоб, синяя жила, пересекающая неправильные морщины, красные пятна на щеках.

В жанрово-стилевой манере «Вадим» ориентирован на французскую прозу (Ф.Р. Шатобриан, «Рене», «Атала»; В. Гюго «Бюг-Жаргаль», «Собор Парижской Богоматери») ^{8} , однако русский сюжет романа (Пугачевское восстание, национальный быт, типы, нравы) компенсирует романтическую стилевую инерцию.

Итак, первый портрет чрезвычайно выразителен, однако страдает стилевой зависимостью, или инерцией, поэтому не конструктивен для создания образа героя времени; его характер выражает скорее смятение/смущение чувств и души юного автора. Тем не менее не-

⁶ Здесь и далее цит. по: *Лермонтов М.Ю*. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1954—1957.

⁷ См.: *Виноградов В.В.* Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. М.Ю. Лермонтов. Т. 43–44. М., 1941. С. 541–558.

⁸ Тщательное изучение вопроса рецепции Лермонтовым французской прозы имеет вековую академическую традицию начиная с работы С.И. Родзевича [Родзевич. 1914].

которые черты и качества Вадима будут переданы следующему герою прозы Лермонтова — Жоржу Печорину.

В первой главе «Княгини Лиговской» автор, представляя героя, прежде всего описывает его наружность, при этом основные конституирующие его внешний портрет черты сохраняются, хотя с тем изменением, что они переходят в класс обыденных, нейтральных характеристик. Собственно перед описанием сразу же дается общая оценка наружности Печорина — «к несчастью, вовсе не привлекательная». Романтическое безобразие Вадима сменяется замечанием иной стилистики: «Он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен», — а акцентированное качество Вадима — крепость его членов и «привычка к трудам "позорного состояния" нищего» передано Печорину уже в спокойной манере: герой «казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению» (характеристика физического плана, судя по грамматическому признаку — падежное согласование «строения, неспособного»). В обоих случаях лицо героя смуглое, «полное выразительности», хотя у Печорина более сдержанное в проявлении чувств. Отступление от романтических клише в «Княгине Лиговской» не означает тем не менее, что Лермонтов оставляет основной принцип романтизма в обрисовке главного героя, он сохраняет за ним качество исключительности: «но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека». Так, автор дает понять, что «лень и беззаботное равнодушие» лишь наружная видимость; кроме этого выделяется ряд других контрастов в характере и поведении Жоржа Печорина: осторожная походка и отрывистые жесты, недоверчивость или гордость как причина сокрытия чувств, звуки то густые, то резкие, смущение или едкая речь... Изображение противоречивости героя подготавливает обобщение: «свет не терпит в кругу своем ничего сильного, потрясающего, что бы могло обличить характер и волю». Примечательно, что Лермонтов выбирает для выделения героя в обществе разные определения: для социального контекста — свет, для романтического — толпа («толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...»).

В «Вадиме» сказано, что у героя «в глазах блистала целая будущность», это обещание сопровождается неистовыми гиперболами: «величайший порок», «безграничное несчастие», «чудесный обманщик», «бесконечная насмешка», «вечность» и т.п. Обещание будущности Жоржа Печорина развивается, но аргументируется значительно более внятно: не нищие угадывали в Вадиме величие, а Лафатер и его последователи прочли бы на лице героя «глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности...» Заметим, что

отмеченные ожидания в отношении героя заканчиваются ко времени создания «Героя нашего времени».

Таким образом, портрет героя «Княгини Лиговской» содержит следующие стилевые черты русской прозы середины 1830-х годов: реликтовые признаки романтизма в теме «личность и общество», натуралистические мотивы, социальную проблематику светской повести, мистическую атмосферу, начинающие проявляться черты реалистической поэтики.

И, наконец, в «Княгине Лиговской» появляется чрезвычайно перспективная для развития прозы Лермонтова деталь — портрет Лары, как называл его Жорж Печорин, деталь, которая получит развитие далее в портрете старика в «Штоссе».

Словесный портрет Григория Александровича Печорина в повести «Максим Максимыч» «Героя нашего времени» доверено выполнить как бы стороннему наблюдателю, главным образом, по трем соображениям: во-первых, путешествующий литератор более других способен описать Печорина, поскольку они одного круга, образования, культуры, возраста, светского опыта; во-вторых, такой ракурс портретизации позволяет сохранить целостность художественной реальности произведения; и, наконец, наблюдающий — действующее лицо романа, и может отмечать как статические черты героя, так и динамические, проявляющиеся в самый момент наблюдения. Последнее как раз и позволяет вместо замечаний о скуке, равнодушии, лени героя и проч. представить его в действии, поведении: «Господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью...» Портретный образ Печорина создается, словно бы герой находился в одном пространстве с читателем, т.е. его можно видеть живушим в настоящий момент⁹. Лермонтов еще дважды прибегает к этому приему: «Когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев» и «Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки...» В портрете есть еще подобные характеристические штрихи, их два, но они *компромиссного* свойства: «в его улыбке было что-то детское», — и о глазах: «они не смеялись, когда он смеялся!» Понятно, что у героя в эти короткие минуты не было повода улыбаться или смеяться, и поэтому настойчивость автора показывает особую важность этих наблюдений. Остальные замечания списаны как бы с неподвижного изображения на портрете. Таким образом, Лермонтов использует широкий диапазон изобразительно-выразительных средств, систему пространственно-временных, субъектных координат и повествовательных регистров, что свидетельствует о стремлении автора преодолеть стилевые зависимости.

⁹ Этот замечательный прием можно видеть у Пушкина в первом стихе четвертой строфы третьей главы «Евгения Онегина», когда Ленский по дороге от Лариных спрашивает старшего друга «Ну что, Онегин, ты зеваешь?»

Словесные портреты Вадима и Жоржа Печорина отражаются в изображении Печорина из «Героя нашего времени» по-разному: Вадима и Григория Печорина сближает обилие эпитетов, сопровождающих описание их внешности. Так, портрет последнего наследует романтическую стилистику, с той разве что разницей, что они (эпитеты) не такие броские, да и цветовая гамма далеко не столь яркая, тем более что, например, эпитеты «белый» и «черный» (цвета белья, волос, бровей, бороды) по физической природе цветообозначениями не являются. В отличие от «Вадима», где выбор эпитета для героя подчинялся стилевой логике гиперболизации (судорожный, безграничный, неземной, чудесный и т.п.), для Печорина автор использует выражения, обоснованные здравой и повседневной логикой, и лишь в одном случае замечается стилевое сближение с манерой описаний в «Вадиме»: на лице героя «по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства» — хотя при этом портрет нового Печорина значительно более выразительный, чем героя «Княгини Лиговской».

Портрет Жоржа Печорина отразился в «Герое нашего времени» более в социальных характеристиках и комментариях, отмечающих статус героя: «порядочный человек», «маленькая аристократическая рука», «благородный лоб», «признак породы»; этой же цели служит и выразительное упоминание его дорогой одежды, сочетание аккуратности («ослепительно-чистое белье») с небрежностью в дороге («пыльный бархатный сертучок», «запачканные перчатки»). Да и заканчивается портретный пассаж, подобно тексту «Княгини Лиговской», замечанием светского плана, развивавшим мотив любовных успехов Онегина: Печорин «имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским». Для *печоринского* контекста характерно обращение к дальним апелляциям и сравнениям: в одном случае к Лафатеру, в другом — бальзаковским кокеткам¹⁰.

Заметим, что и в третьем портрете сохранилась характеристика героя как человека физически одаренного: «стройный стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов...» — видимо, она представляла какую-то важную мысль автора, помимо ассоциации с некоторыми биографическими фактами. Сохраняется в трех произведениях внимание к блеску глаз героев, хотя в третьем он охарактеризован намного полнее, ср.: «в глазах блистала целая

¹⁰ Во время работы над «Героем нашего времени» Лермонтов находился под значительным творческим впечатлением от романа Бальзака «Шагреневая кожа», что могло отразиться на некоторых деталях портрета. См. подробнее [Mersereau, 1963; Найдич, 1994].

будущность», «глаза его блистали под беспокойными бровями» («Вадим»); «толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...» («Княгиня Лиговская») и «из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться <...> то был блеск подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный...» («Герой нашего времени»). Обнаруживается в трех описаниях определенная градация к убыванию сюжетной перспективы для героя: «целая будущность» — "есть что-то" — "взгляд" <...> оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса...»

«Герой нашего времени» справедливо считается психологическим романом. Посмотрим, как осуществлялся переход к психологизму в творчестве Лермонтова. При описании Жоржа Печорина: «Походка его была несколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты...»; Печорин из «Героя нашего времени», созданный предположительно через три года, характеризуется так: «... его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера». Причина осторожной походки и отрывистых жестов героя «Княгини Лиговской» видится в системе социальных мотивировок поведения: он утверждается в обществе, в то время как предположение в тексте о том, что за небрежностью походки следующего Печорина и некоторой скованностью жестов кроется внутреннее качество героя, относится к сфере психологии. Видимо, новизной этой мотивировки вызвана немедленная, в следующей фразе, оговорка: «впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу заставлять верить в них слепо».

Достижением Лермонтова в «Герое нашего времени» явилась сюжетная перспектива, функциональность портрета. Так, упоминание о крепком сложении героя играет существенную роль в рассказе Максим Максимыча о необычных противоречивых качествах своего подчиненного: «Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте, все иззябнут, устанут, — а ему ничего...» Оно предупреждает действия Печорина в разных эпизодах произведения, например в «Тамани» и др. Значительным сюжетным потенциалом обладают такие сложные характеристики, как «его кожа имела какую-то женскую нежность» или сопоставление цвета волос, усов и бровей с «черной гривой и черным хвостом у белой лошади», особенно их сближение как в портрете, так и перспективе всего текста романа 11.

¹¹ Осознание и объяснение этих характеристик представляет интеллектуальный вызов для исследователя, результаты, как правило, оказываются малоубедительными, от наивных трактовок до остроумных и глубокомысленных рассуждений в духе символического неофрейдизма. См., например, статью О. Ханзен-Леве [Ханзен-Леве, 2014].

Прогностическую роль выполняет уже упоминавшееся наблюдение о следах морщин на лбу героя. А замечание о блеске глаз Печорина, «подобном блеску гладкой стали, ослепительном, но холодном» прямо скажется в смертельной дуэли с Грушницким; «проницательный и тяжелый» взгляд героя, оставлявший «по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог казаться дерзким...» — характеристика, предсказывающая его будущие конфликты. Наиболее глубоким представляется следующее наблюдение автора портрета: «в его улыбке было что-то детское», в нем заявлена сама суть феномена Печорина, естественная чистота и доверчивость его натуры.

Портрет Григория Александровича Печорина позволяет сделать два вывода: во-первых, соединение характеристик разной стилевой ориентированности и подчинение их общим художественным целям создают эффект синкретизма стилей¹²; во-вторых, в описании героя присутствуют признаки основных жанровых видов романа времени (социального, аналитического, любовного, авантюрного, психологического, философского, бытового, нравоописательного). Таким образом, в эволюции словесных портретов романных героев Лермонтова отражаются жанрово-стилевые процессы в русской литературе 1820—1830 годов.

Герой «Штосса» Лугин открывает галерею литературных типов 1840-х годов, собственно героя новой литературной парадигмы. Хотя «Штосс» является, если судить по жанровым признакам наличного текста, повестью, а точнее, едва начатым произведением, тем не менее мы усматриваем в нем и романное начало. В образе Лугина сохраняется родство с *пермонтовским человеком*. В литературе отмечалось сходство его словесного портрета с героем «Княгини Лиговской», но черты и качества романного героя Лермонтова в «Штоссе» как персонажа переходного этапа претерпевают мутацию: «...его рефлексия представляет собой "психическую судорогу" человека, уже не выделенного акцентировано как субъекта бытия, а поглощаемого средой *одного из нас*¹³, человека растерянного, с подорванной силой к жизни и неясным томлением». В портрете Лугина отражается зыбкость и неопределенность будущего героя, в полном, заметим, контрасте с обещаниями булущности для геро-

¹² Иллюстрацией положения о синкретизме стилей может служить следующее рассуждение: в романе «Герой нашего времени» образ главного героя воплощает два типа человека — индивидуального и родового, при этом оба типа уравновешены в системе романа, отчего и портретные характеристики Печорина, с одной стороны, весьма конкретны и индивидуальны, с другой — ориентированы на создание образа исключительной личности, что говорит об уникальном стилевом сочетании романтической, реалистической и философской прозы.

¹³ См.: *Москвин Г.В.* Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007. С. 16.

ев «Вадима» и «Княгини Лиговской» и жизненными потенциями Григория Печорина; исчезло также и постоянное качество прежних героев — физическая крепость и способность переносить тяготы службы и кочевой жизни, замененное, напротив, ипохондрией и необходимостью лечиться. «Неровный цвет лица» соседствует с замечанием о «признаках постоянного и тайного недуга», в то время как красные пятна на худых щеках Вадима уж никак не представляли признаки, к примеру, скрытого туберкулеза, а чрезвычайное романтическое беспокойство. И, если Григорию Печорину, лишь присмотревшись, можно дать его настоящий возраст, то Лугин «на вид старее, чем он был на самом деле».

Утверждая, что Лугин не мыслился Лермонтовым как «"безумный художник" традиционной романтической повести», В.Э. Вацуро отмечает, что «художественный талант и острота психической жизни героя находятся в прямой связи с его физической ущербностью, в отличие от традиционно романтической и неистово романтической традиции, Лугин болезнен и некрасив, и его творческая фантазия есть плод необычайного нервно-психического напряжения» ¹⁴. Развивая наблюдения исследователя, заметим, что в портрете Лугина намечается тем не менее «будущность»: «природный талант, сжатый обязанностями службы, развился в нем широко и свободно», «он вернулся истинным художником», на его картинах «была печать той горькой поэзии, которую наш бедный век выжимал иногда из сердца ее первых проповедников». Приведенные характеристики содержат явные автобиографические следы, усиленные замечанием, что «одни только друзья имели право наслаждаться его прекрасным талантом», они подчеркивают экзистенциальный статус поздней прозы Лермонтова. Заключим, что портрет Лугина намечает начало следующего идейно-стилевого этапа творчества Лермонтова, поиска своего пути в новой русской литературе, возможно альтернативы общему направлению.

Список литературы

Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова // Вацуро В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008.

Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. М.Ю. Лермонтов. Т. 43–44. М., 1941.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1954—1957.

Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 266 с.

Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова. М., 1957.

¹⁴ *Вацуро В.Э.* Последняя повесть Лермонтова // Вацуро В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008. С. 145–175.

Москвин Г.В. Герой прозы Лермонтова (Григорий Александрович Печорин) / М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. Личность и идейнохудожественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценке отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Т. 2. СПб, 2014.

Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007. С. 16—19.

Найдич Э. Штосс / Этюды о Лермонтове. СПб, 1994.

Родзевич С.И. Проза Лермонтова. Киев, 1914.

Ханзен-Леве О. Печорин как женщина и лошадь в романе-эксперименте Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Pro et Contra. Личность и идейнохудожественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Т. 2. СПб, 2014.

Mersereau J. Lermontov and Balzac // Preprint: American contributions to the Fifth international congress of Slavics. V. 2. Sofia, 1963.

Georgy V. Moskvin

THE MAKING OF LERMONTOV MAN: FOUR CHARACTER PORTRAYALS IN M. LERMONTOV'S NOVELS

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article "Four Portraits" analyzes in chronological order the verbal portraits of the central protagonists of Mikhail Lermontov's novels *Vadim* (1831–1834), Princess Ligovskaya (1836–1838), A Hero of Our Time (1837–1841) and his unfinished novella "Stoss" (1841), specifically: Vadim, George Pechorin, Grigorii Aleksandrovich Pechorin, and Lugin. Establishing the common aesthetic roots of their creation — the singularity of Lermontov's prose hero, it is demonstrated that all of the portraits under examination build on commonalities shared by the distinctive hero of Lermontov's prose — the so-called "Lermontov man" (Lermontovskii chelovek), a literary category that links the author's central idea and its realization through the central protagonist's actions within the plots of these works. The evolution of the portrait of the main character in Lermontov's novels is illustrated to be a reflection of the four stages of the development of Russian prose from 1830 through 1841, that is, respectively, late Romanticism with its inevitable stylistic eclecticism; early realism as it combined social problematics with the stylistic vestiges of romanticism; generic-stylistic synthesis, which in Lermontov's case made it possible for him to link the basic generic types of the novel of the time (analytical, romantic, adventure, psychological, philosophical, the mundane, and the moral-didactic); and features of the literary paradigm of the 1840s, where the central protagonist led to the discovery of an entire gallery of new literary types. while at the same time preserving its heredity with the "Lermontov man". Thus, in addition to their distinctive stylistic features, the portraits of these heroes fulfill plot functions and are oriented towards expressing the central idea of each work. The article concludes its sequential analysis of the verbal portraits of Lermontov's heroes by postulating that "Stoss" evidences the initiation of Lermontov's next ideo-stylistic stage of development, his search for his own path in Russia's new literature, and possibly an alternative to the general trends of the time.

Key words: Lermontov; prose; portrait; hero of novel; style; characteristics; evolution.

About the author: *Georgy V. Moskvin* — Phd in Philology, docent of Russian Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: georgii_moskvin@mail.ru).

References

Vatsuro V.E. Poslednyaja povest' Lermontova. V.E. Vatsuro. *O Lermontove: Raboty raznyh* let, M., 2008.

Vinogradov V.V. Stil' prozy Lermontova. *Literaturnoe nasledstvo*, M.U. Lermontov, t. 43–44, M., 1941.

Lermontov M.U. Sobranije sochinenij v 6 tt., M.; L., 1954–1857.

Maksimov D.E. Poezia Lermontova, L., 1959, s. 266.

Michailova E.N. Proza Lermontova, M., 1957.

Moskvin G.V. Geroi prozy Lermontova (Grigorii Aleksandrovich Pechorin), M.U. Lermontov. Pro et contra. Lichnost' I ideino-hudozhestvennoe nasledije M.U. Lermontova v otsenke otechestvennyh I zarubezhnyh issledovatelej I myslitelej, t. 2, SPb, 2014.

Moskvin G.V. *Smysl romana M.U. Lermontova "Geroj nashego vremeni"*, M., 2007, ss. 16–19.

Naidich E. Shtoss. Etudy o Lermontove. SPb, 1994.

Rodzevich S.I. Proza Lermontova. Kiev, 1914

Hanzen-Leve O. *Pechorin kak zhensh'ina I loshad' v romane-eksperimente Lermontova. M.U. Lermontov: Pro et contra.* Lichnost' I ideino-hudozhestvennoe nasledije M.U. Lermontova v otsenke otechestvennyh I zarubezhnyh issledovatelej I myslitelej, t. 2, SPb, 2014.

Mersereau J. Lermontov and Balzac. *Preprint: American contributions to the Fifth international congress of Slavics*, v. 2, Sofia, 1963.

О.Б. Боброва

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОГНИТИВНОЙ, ЯЗЫКОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере языковых метафор АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ в тексте "Ταξιδεύοντας. Σινά" Никоса Казандзакиса)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Языковая картина мира — сложный ментально-лингвальный комплекс, являющийся результатом взаимодействия индивидуального сознания и окружающего мира, отраженным в языке. Картина мира и языковая картина мира изоморфны, но не равны друг другу, и одним из важных средств концептуализации мира является метафора.

Определенную роль в описании языковой картины мира играют и концептуальные, и языковые, и художественные метафоры. Концептуальные метафоры тесно связаны с «глубинными структурами» восприятия автора текста, художественные метафоры отражают авторское видение мира, а языковые метафоры, являясь стереотипным элементом лексической системы языка, занимают промежуточное положение, поскольку их употребление обусловлено как картиной мира того или иного языка в целом, так и конкретными целями и задачами автора текста.

В настоящей статье рассматривается роль языковых метафор типа АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ в тексте "Ταξιδεύοντας. Σινά" греческого прозаика XX в. Никоса Казандзакиса. Лексемы, метафорически употребленные в тексте, анализируются с помощью методов лексической семантики. Данные, полученные в результате такого анализа, предоставляют возможность описать картину мира автора и установить его отношение к излагаемым событиям.

Основное свойство метафор АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ заключается в переосмыслении явлений мира абстракций и человеческих переживаний в терминах, описывающих окружающий предметный мир. В тексте " $\text{Т}\alpha\xi$ ιδεύοντας. Σινά" оно используется автором для описания кризиса современной промышленной цивилизации, которая метафорически описывается как болото или пустыня, а также для описания места человека в современном мире.

Боброва Ольга Борисовна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: boberdober88@mail.ru).

Κлючевые слова: метафорология; когнитивная метафора; языковая метафора; языковая картина мира; путевые заметки; авторская журналистика; Никос Казандзакис; "Ταξιδεύοντας. Σινά".

Понятие картины мира введено в научный обиход Л. Виттенштейном и определяется им как «модель действительности», которая создает представление о ней [Витгенштейн, 1994: 8, 10]. Будучи отражением взаимодействия мира и человека, картина мира является способом хранения знаний об окружающей действительности [Красных, 2016: 135].

Картина мира находит выражение в языке, создавая языковую картину мира — «информацию об окружающей действительности ... репрезентирующуюся средствами языка» [Гончарова, 2009: 400].

Картина мира, возникающая в результате взаимодействия субъективных и объективных факторов, представляет собой принадлежность и индивидуального, и общественного сознания [Шевченко, 2006: 42]. Это, в свою очередь, оказывает очевидное влияние на языковую картину мира, которая также может быть индивидуальной или коллективной. Индивидуальная и коллективная языковая картина мира соотносятся между собой как часть и целое, поскольку каждая языковая личность, будучи субъектом своей индивидуальной языковой картины мира, входит в соответствующее национальнолингвокультурное сообщество [Красных, 2016: 143]. Коллективная языковая картина воплощается в дискурсе, индивидуальная картина мира представлена прежде всего в авторском тексте.

Интерес к связи между языком и мышлением, характерный для лингвистики XX столетия, привел к тому, что метафора стала рассматриваться как важнейший механизм человеческого мышления и один из способов отражения картины мира человека в языке. Согласно теории когнитивной/концептуальной метафоры, метафора как таковая и есть элемент картины мира человека и языкового коллектива в целом, при этом способом материального воплощения данного элемента являются средства национального языка [Лакофф, Джонсон, 2004: 27].

В отечественной лингвистике более распространен подход, рассматривающий метафору как механизм вторичной номинации в языке. Метафоры при этом делятся на языковые (стереотипные) и художественные (уникальные). Оба типа метафор имеют лексическую природу и потому связаны с картиной мира субъекта опосредованно.

Более очевидной эта связь представляется в случае с художественной метафорой — способом фиксации в языке индивидуальных авторских ассоциаций и семантических отношений [Шевченко, 2012: 79]. Языковая же метафора рассматривается как элемент лексической системы языка, обусловленный антропоцентричностью и антропометричностью человеческого мышления в целом и потому

опосредованно отражающий общеязыковую картину мира [Телия, 1977: 174].

И концептуальная, и языковая, и индивидуально-авторская метафоры соотносятся с картиной мира человека. Когнитивная метафора наиболее тесно связана с картиной мира субъекта, являясь ее элементом, и обозначает основополагающие элементы его картины мира [Хамитова, 2011: 156], в силу чего обладает наибольшей степенью абстракции и не соотносится с конкретными предметами окружающей действительности. По этой причине число концептуальных метафор достаточно велико, но конечно.

Языковая и художественная метафоры характеризуют *языковую* картину мира субъекта, более конкретны и относятся к дискретным явлениям окружающей действительности, а потому потенциально неисчерпаемы [там же].

Иными словами, когнитивная метафора составляет «глубинную структуру» (термин Н. Хомского) человеческого мышления, которая в зависимости от ситуации и типа дискурса реализуется в соответствующих «поверхностных структурах», выражаемых средствами языка, в том числе языковыми или индивидуально-авторскими метафорами.

Исследование роли языковой метафоры в авторском тексте представляет особый интерес. Рассматриваемая с традиционной для отечественной лингвистики лексико-семантической точки зрения как лексический стереотип, воспроизводимый в речи, языковая метафора не в меньшей степени, чем индивидуально-авторская, характеризует языковую личность автора, поскольку также является «средством создания языковой картины мира в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-санкционированном)» [Телия, 1977: 182].

С целью продемонстрировать то, как изучение метафоры в авторском тексте может помочь в исследовании картины мира автора и языкового коллектива в целом, нами были проанализированы метафорические переносы АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ в тексте путевых заметок "Тαξιδεύοντας. Σινά" H. Казандзакиса.

Выбор объекта исследования обусловлен, во-первых, тем, что путевые заметки Н. Казандзакиса, написанные им в 1927 г. после поездки на Синайский полуостров, являются живым откликом на важнейшие события XX в. и могут рассматриваться как пример «качественной» греческой журналистики. Во-вторых, до настоящего момента цикл "Ταξιδεύοντας", хоть и привлекал внимание ученых, исследовался с точки зрения истории литературы, а не как объект лингвистического анализа. Предполагается, что анализ языковой метафоры в тексте не только позволит прояснить позицию автора по тем или иным вопросам, но и даст возможность выявить логику отбора автором языковых средств.

Предметом исследования являются языковые метафорические переносы в сборнике "Таξιδεύοντаς. Σινά". Для анализа были отобраны метафоры, выраженные в тексте именами существительными, поскольку именно существительное в языке передает идею объекта, который относится к первичным онтологическим категориям человеческого мышления [Кубрякова, 2004: 241]. С семантической точки зрения анализируемые метафоры представляют собой перенос типа АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ, где сфера-источник представлена существительным с семантикой предмета, а сфера-цель — существительным с абстрактной семантикой. С предметом может быть сопоставлен «не только другой предмет, человек, ощущение, процесс, чувство, мысль, факт, но также и элементы невидимого мира и абстракции» [Скляревская, 1993: 87], в силу чего анализ именно такого метафорического переноса является эффективным средством описания картины мира автора.

Конкретная реализация метафорического переноса в тексте представляет собой генитивное (например, το κατώφλι του νου μου «порог моего разума») или предикативное (например, ο αληθινός θεός...ο γρανίτης «истинный бог... гранит») словосочетание, а также единичную лексему с согласованным определением (η σημερινή έρημος «современная пустыня»).

Лексемы, обозначающие сферу-источник метафор в тексте "Тαξιδεύοντας. Σινά", объединены в группу ПРЕДМЕТ на основании широкой трактовки данного понятия, в соответствии с которой в качестве предмета может рассматриваться «все бесконечное многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию» [Скляревская, 1993: 67].

В основе распределения метафор типа АБСТРАКЦИЯ-ПРЕД-МЕТ по семантическим группам лежит семантика лексемы, обозначающей сферу-источник, которая, отражая знание, получаемое человеком в результате взаимодействия с действительностью и в этом смысле первичное, определенным образом структурирует сферу-цель [Лакофф, Джонсон, 2004: 28].

Лексемы, относящиеся к категории ПРЕДМЕТ в рамках переносов АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ, в тексте "Ταξιδεύοντας. Σινά" формируют следующие семантические группы: 1) географический объект, локация, в том числе мифическая; 2) артефакт; 3) нерукотворный природный объект. Для того чтобы показать связь языковых метафор с картиной мира автора в авторском тексте, рассмотрим метафоры, отнесенные нами к первой семантической группе (географический объект, локация).

К категории лексем сферы-источника с семантикой географического объекта или локации нами отнесены следующие: *έρημος*

'пустыня' βούρκος 'болото, стоячая вода', νησί 'остров', δρόμος 'дорога, путь', βουνό 'гора'.

Лексема έρημος 'пустыня', описывая в прямом значении природную зону без растительности, метафорически обозначает пустынное, удаленное или заброшенное пространство (ср. глас вопиющего в пустыне) [Δ ημητράχος, 2008: 2951]. Основанием для метафорического употребления данной лексемы становится актуализация сем 'уединение', 'одиночество', 'запустение'. Так, например, метафора пустыни употребляется для описания молитвенного экстаза, в который впадают мусульмане при чтении Корана: "...οι Ανατολίτες... μεταδίνουν στην ψυχή τους... κίνηση που θα τους φέρει στη μεγάλη μυστικήν έρημο — την έκσταση" 1. Кроме того, пустыней представляется автору вся современная цивилизация в целом: "Μα η σημερινή έρημος...Είναι πολύ σκληρότερη — είναι γεμάτη μηχανές, πολιτείες κι ανθρώπους" 2.

Для описания современного состояния человечества автором также используется метафора болота: " $H \zeta \omega \eta \acute{\epsilon} \chi \epsilon \iota \pi \iota \alpha \kappa \alpha \tau \alpha \nu \tau \eta \sigma \epsilon \iota \sigma \tau \epsilon \kappa \acute{\epsilon} \mu \epsilon \nu o \beta o \upsilon \rho \nu o$ ". Лексема $\beta o \upsilon \rho \nu o \varsigma$ используется в новогреческом языке для описания морального разложения, падения [$\Delta \eta \mu \eta \tau \rho \acute{\epsilon} \nu \sigma \varsigma$, 2008: 1474]. Ее употребление показывает, что, по мнению автора, современная цивилизация находится в глубоком кризисе.

Как видим, метафора АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ используется Н. Казандзакисом в тексте "Ταξιδεύοντας. Σινά" как своеобразный способ «визуализации» его философских конструктов. С той же целью употребляется в тексте лексема νησί 'остров', используемая для описания внутренней жизни человека: "Βρισκόμαστε σ'ένα νησί. Όλα τούτα που δημιουργούμε με τις αισθήσεις μας και συλλογιζόμαστε... είναι ένα μικρό νησί..." Данная метафора мотивирована представлением об изолированности, удаленности острова, его отделенности от остальной части суши.

Жизнь представляется Н. Казандзакису бесконечным путешествием, дорогой, которая никуда не ведет: "τούτος πια ο δρόμος δεν έχει τελειωμό"5. Метафора ЖИЗНЬ-ДОРОГА зафиксирована во многих языках [Лакофф, Джонсон, 2004: 11; Красных, 2016: 337]. В новогреческом языке метафора пути также описывает жизнь человека,

 $^{^1}$ «...жители Востока... придают своей душе... движение, которое приведет их в огромную мистическую **пустыню** — **экстаз**». Все переводы, кроме особо оговоренных, выполнены автором статьи. Текст цитируется по изданию "Ταξιδεύοντας. Ιταλία-Αίγυπτος-Σινά-Ιερουσαλήμ-Κύπρος-ο Μοριάς". Αθήνα, Εκδόσεις Καζαντζάκη, 2011 с сохранением орфографии.

 $^{^2}$ «Но современная **пустыня**... Она намного суровее и полна машин, городов и людей».

³ «Жизнь превратилась в стоячее **болото**».

 $^{^4}$ «Мы находимся на острове. Все то, что мы создаем нашими чувствами... — маленький остров».

 $^{^{5}}$ «У этой дороги нет конца».

что проявляется во фразеологизмах, например, $\pi \eta \rho \epsilon \kappa \alpha \lambda \delta / \kappa \alpha \kappa \delta \delta \rho \delta \mu o$ (букв. «он встал на хороший/плохой путь»).

Последней в списке метафор с семантикой географического объекта или локации является метафора горы, которая используется автором для описания рая: "Εγώ φαντάζομαι τον Παράδεισο ένα βουνό ψηλό". Языковая метафора βουνό 'гора' описывает в новогреческом языке как определенную локацию, связанную с рельефом местности, так и, метафорически, большое количество чего-либо [<math>Δημητράχος, 2008: 1471]. Семы 'локация' и 'огромный размер' и объясняют факт употребления именно этой лексемы для описания рая. Рай не существует в реальности, поэтому представляется человеку чем-то невероятно огромным, недостижимым ('огромный размер'); в то же время любому христианину известно, что там обитают после смерти души праведников ('локация').

Как видим, метафора типа АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ со сферойисточником, обозначенным лексемой с семантикой географического объекта/локации, конкретизирует понятия, недоступные непосредственному человеческому восприятию, и используется Н. Казандзакисом для иллюстрации собственных философских взглядов на современную эпоху и роль человека в ней. Так, промышленная цивилизация, по мнению автора, зашла в тупик и потому представляется автору стоячим болотом ($\beta oύρκος$) или пустыней ($\epsilon \rho \eta \mu o c$). Ту же мысль о том, что человек одинок в современных «джунглях», выражает метафора острова ($\nu \eta o c$). Сама жизнь человека при этом описывается с помощью метафоры дороги ($\delta \rho o \mu o c$) как путь в никуда без начала и конца.

Таким образом, метафоры, отражая принципиально важные, «пиковые» фрагменты языковой картины мира автора, позволяют восстановить соотношение ее элементов, т.е. концептов, между собой и на этом основании определить свойственные для мышления и восприятия автора образы. Это свидетельствует о том, что языковая метафора в рамках авторского текста не в меньшей степени, чем индивидуально-авторская и концептуальная, характеризует картину мира автора и может рассматриваться как эффективное средство ее изучения.

Список литературы

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396—405.

 $^{^{6}}$ «Рай мне представляется высокой горой».

- *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М., 2016.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М., 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб, 1993. 152 с.
- *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. М., 1977. С. 129—221.
- *Хамитова Э.Р.* К вопросу о соотношении индивидуально-авторских, языковых и концептуальных метафор // Вестник Башкирского университета. 2011. Вып. № 1. Т. 16. С. 155—157.
- Шевченко Л.Л. Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора (на материале произведений Айрис Мердок): Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
- Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης. Τ. Α–ΙΕ. Αθήνα, 2008. 8056 p.

Olga B. Bobrova

THE 'ABSTRACTION IS OBJECT' METAPHOR IN NIKOS KAZANTZAKIS' Ταξιδεύοντας, Σινά: THE IMPACT OF METAPHOR IN THE DESCRIPTION OF A WORLDVIEW

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The language picture of the world is a mental and language complex that reveals the interaction between the individual perception and the world. The picture of the world and the language picture of the world are isomorphic with each other but are not always congruent. One of the most important means of conceptualization is the metaphor.

All the types of metaphor shift (conceptual, language, poetic) reflect the author's language picture of the world. The conceptual metaphor is closely connected with the "deep structures" of the author's thinking, while the poetic metaphor indicates the author's creativity. The language metaphor, however, is a stereotypical element of a language's lexical structure and occupies an intermediate position while its use is determined by the language picture that the speakers of a certain language have, as well as by the intentions that the author of the text has.

This paper analyzes the role of the ABSTRACTION-OBJECT language metaphors in «Taξιδεύοντας. Σινά» by the modern Greek prose writer Nikos Kazantzakis. The nominal metaphors of the text are analyzed using the methods of lexical semantics. The results of the analysis are used to describe the author's language picture of the world and to find out his attitude towards the events described.

The ABSTRACTION-OBJECT metaphors describe human feelings and other abstractions as objects. In the text of 'Ταξιδεύοντας. Σινά' this feature is mainly used to describe modern industrial civilization, which is viewed as a bog and a desert. Besides that, the metaphors of this type characterize the position of the man in the modern world, his loneliness and isolation.

Key words: metaphorology; cognitive metaphor; language metaphor; language picture of the world; Nikos Kazantzakis; "Ταξιδεύοντας. Σινά".

About the author: Olga B. Bobrova — postgraduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: boberdober88@mail.ru).

References

- Vitgenshtein L. *Filosofskiye raboty*. Chast 1 [Philosophical works. Part 1], Moscow, 1994, 612 p.
- Goncharova N.N. Yazikovaya kartina mira kak object lingvisticheskogo opisaniya [Language picture of the world as on object of linguistic description], *Izvestiya TulGU. Gumanitarniye nauki* [Papers of TulGU. Liberal arts], 2012, № 2, pp. 396–405. (In Russ.)
- Krasnykh V.V. *Slovar i grammatika lingvolultury; Osnovy psikholingvokulturologii* [Dictionary and grammar of language culture. Basic psycolinguoculturology], Moscow, 2016, 496 p.
- Kubryakova Ye.S. *Yazik i znaniye: Na puti polycheniya znaniy o yazike: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya*. Rol yazika v poznanii mira [Language and knowledge. Getting knowledge of the language. Parts of speech from the cognitive point of view. The role of the language in world cognition], Moscow, 2004, 560 p.
- Lakoff J., Johnson M. *Metafory*, *kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by], Moscow, 2004, 256 p.
- Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazika* [Metaphor in language system], SPb, 1993, 152 p.
- Teliya B.N. Vtorichnaya nominatsyya i ee vidy [Secondary nomination and its types], *Language nomination. Types of nominations*, Moscow, 1977, pp. 129–221.
- Khamitova E.R. K voprosu o sootnoshenii individualno-antorskikh, yazikovykh i kontseptualnykh metaphor [On the relations of poetic, language and conceptual metaphors]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2011, 16, № 1, pp. 155–157. (In Russ.)
- Shevchenko L.L. *Metafora kak sredstvo modelirovaniya kontseptualnoi sistemy avtora* (na materiale proiznedeniy Iris Murdock) [Metaphor as a means of author's concept system modelling (in Iris Murdock's works)], Barnaul, 2006. 197 p.
- Dimitrakos D. *Mega leksikon olis tis ellinikis glossis*, tt. A-IE [Great dictionary of all Greek language. Vol. 1–16], Athens, 2008, 8056 p. (In Greek).

А.П. Уракова

СМЕРТЬ, ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ И ПРОБЛЕМАТИКА ДАРА В АМЕРИКАНСКОМ СЕНТИМЕНТАЛЬНОМ РОМАНЕ XIX в.

(«Широкий, широкий мир» С. Уорнер и «Приотворенные врата» Э. Стюарт Фелпс)

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25A

В статье рассматриваются два американских романа середины и второй половины XIX в., которые можно отнести одновременно к религиозноназидательной литературе и сентиментальной прозе — «Широкий, широкий мир» (1850) С. Уорнер и «Приотворенные врата» (1867) Э. Стюарт Фелпс. Статья обращается к проблеме изображения смерти и вечной жизни в романах; на примере данной темы показывается важное различие в мировидении писательниц, а также прослеживается связь поэтики сентиментального романа и проблематики дара/дарения. Если Уорнер ориентировалась на кальвинисткое прошлое американской культуры, которое в ее романе вступает в сложные отношения с сентиментальной «религией чувства», то роман Фелпс во многом отражает секулярные тенденции послевоенного времени.

Ключевые слова: США; XIX век; религиозный роман; сентиментальная традиция; смерть; загробная жизнь; Бог; благодать; кальвинизм; унитаринство; вера; секуляризация; консюмеризм; С. Уорнер; Э. Стюарт Фелпс.

В 1850 г. в США вышел беспрецедентный по своей популярности сентиментальный бестселлер «Широкий, широкий мир» (*The Wide, Wide World*) Сьюзен Уорнер¹; его небывалые для того времени тиражи побила только «Хижина дяди Тома» Хэрриет Бичер-Стоу. В 1867 г. после окончания Войны между Севером и Югом увидел свет и сразу же стал сенсацией роман «Приотворенные врата» (*The Gates Ajar*) Элизабет Стюарт Фелпс²; сокрушительный успех по обе стороны

Уракова Александра Павловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (e-mail: alexandraurakova@yandex.ru).

¹ Susan Warner, 1819—1885. Американская писательница, представляющая сентиментальное направление в литературе XIX в.; автор многочисленных романов на религиозные темы, в том числе в соавторстве с сестрой Анной.

² Elizabeth Stuart Phelps, 1844—1911. Американская писательница, вошедшая в историю литературы, в первую очередь благодаря своей религиозно-визионерской прозе, а также рассказам; известна своими протофеминистскими взглядами.

Атлантики побудил автора написать еще два романа-продолжения, составивших трилогию³. Рассмотреть эти произведения вместе представляется уместным не только потому, что оба снискали читательскую популярность и были успешными художественными проектами середины и последней трети XIX в. — в период расцвета сентиментальной женской прозы и на ее излете. Прежде всего романы объединяет жанровая специфика. Вопреки романной форме и вымышленным сюжетным перипетиям, Уорнер относила свой литературный продукт к назидательной религиозной литературе: она отказывалась даже называть «Широкий, широкий мир» романом, примыкая тем самым к влиятельному в США антироманному движению (anti-novel movement), которое усматривало в романах легком чтиве — источник разных опасностей нравственного толка⁴. «Приотворенные врата» Фелпс еще в большей степени размывают границы романного жанра: в книге мало сюжетных коллизий, а основную канву повествования занимают визионерские откровения резонирующей героини, тети Уинфрид. Это произведение, написанное с целью помочь потерявшим на войне мужей и братьев новоанглийским женщинам преодолеть душевную травму, находится на стыке художественной и визионерской литературы, вымышленной истории и религиозно-мистического трактата. Потому неудивительно, что и в «Широком, широком мире», и в «Приотворенных вратах» религиозно-дидактическая составляющая выходит на первый план. Оба романа ставят перед собой задачу подготовить читателей к смерти, которая понимается как начало вечной жизни, залог встречи с близкими и друзьями и, наконец, как сакральный, божественный дар. Одновременно произведения выражают две глубоко различные мировоззренческих модели, коррелирующие с религиозными взглядами их авторов — евангелистскими и кальвинистскими в одном случае и унитарианскими в другом. И в «Широком, широком мире», и в «Приотворенных вратах» важнейшим топосом является дом. Но если Уорнер трактует этот образ метафорически, Фелпс понимает его буквально, призывая заниматься обустройством другого дома здесь и сейчас. Если Уорнер относится к Библии как к зашифрованному посланию, иносказательно говорящему о «несказанном», Фелпс предлагает читать ее как текст, приглашающий к активному сотворчеству и дописыванию. Настоящее исследование ставит своей

³ Романы «По ту сторону врат» (*Beyond the Gates*, 1883) и «Между вратами» (*The Gates Between*, 1887).

⁴ См. об этом: *Fekete Trubey E.* Imagined Revolution: The Female Reader and The Wide, Wide World / *Modern Language Studies*. 2001. Vol. 31. P. 57–74. Герой-резонер «Широкого, широкого мира», Джон Хэмфриз запрещает своей нареченной сестре и будущей невесте Эллен Монтгомери читать романы.

задачей выявить различия в интерпретации тем смерти и вечной жизни у Уорнер и Фелпс, а также проследить связь между поэтикой сентиментального романа и (по-разному трактуемой) проблематикой дара и дарения⁵.

Религиозный Bildungsroman Сьюзен Уорнер и «неизреченный дар» *смерти*. «Широкий, широкий мир» — один из наиболее значительных сентиментальных романов XIX в. — долгое время вызывал пренебрежительное отношение у американских критиков, что нашло отражение и в отечественной традиции; так, в академической «Истории литературы США» о нем говорится как об образце «формульной» сентиментальной прозы с сомнительными художественными достоинствами⁶. Одной из первых такую точку зрения попыталась оспорить Дж. Томкинс. В частности, известная исследовательница обратила внимание на паралокс. В реалистическом романе Марка Твена «Приключения Гекльберри Фина» подросток Гек Фин сбегает от жестокого отца, имитируя собственную смерть, и отправляется в путешествие на плоту, воплощая романтическую мечту о свободной жизни. Героиню Уорнер, одиннадцатилетнюю Эллен Монтгомери, равнодушный отец разлучает с умирающей от чахотки матерью и отправляет из Нью-Йорка в новоанглийскую деревню к тетушкесадистке; в дальнейшем Эллен вынуждена жить с еще менее симпатичными родственниками матери в Шотландии. Роман Уорнер учит о том, как выжить в непростых жизненных обстоятельствах, как приспособиться к существующей реальности, и, однако, именно «Широкий, широкий мир», а не «Приключения Гекльберри Фина» называют «эскапистским»⁷. Несмотря на то, что «Широкий, широкий мир» — это прежде всего религиозный Bildungsroman, в основе которого лежит «Путь паломника» Дж. Беньяна, а также роман, охотно прибегающий к сентиментальным конвенциям и формулам он подчас с поистине реалистической точностью изображает жизнь среднего класса в Соединенных штатах середины XIX в.

⁵ Данная статья продолжает исследовательскую традицию изучения религиозной составляющей в американской сентиментальной литературе XIX в. Среди важнейших работ на эту тему отметим: *Douglas A*. The Feminization of American Culture. N.Y., 1988; *Reynolds D.S.* Faith in Fiction: The Emergence of Religious Literature in America. Cambridge, 1981. Из отечественных исследователей, писавших на эту тему, мы хотели бы отметить предисловие В.М. Толмачева к первому полному переводу «Хижины дяди Тома» Х. Бичер-Стоу на русский язык: *Толмачев В.М.* Хэрриет Бичер-Стоу и ее роман «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» // Бичер-Стоу X. Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных / Пер. Н.А. Волжиной; под ред. В.М. Толмачева. М., 2010. С. 5–40.

 $^{^6}$ См.: *Стеценко Е.А.* Массовая беллетристика // История литературы США. Т. IV / Отв. ред. П.В. Балдицын, М.М. Коренева. М., 2003. С. 844—845.

⁷ *Tompkins J.* Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction, 1790–1860. Oxford; N.Y., 1985. P. 174–175.

По замечанию X. Хоэллер, один из центральных, стоящих перед главной героиней «Широкого, широкого мира», вопросов — как выжить и при этом остаться праведной христианкой. Этот вопрос не столь празден, как может показаться, потому что, как непрестанно подчеркивается в романе, истинная цель верующего — его единение с Богом, а главное назначение жизненного пути — Небесная Обитель. Религиозных персонажей занимают мысли о смерти как о предстоящем духовном опыте: они рассуждают о мире ином, читают соответствующие выдержки из Библии и поют псалмы. Смысл смерти и отношения к ней Уорнер, согласно Хоэллер, раскрывается в символически значимом, хотя и второстепенном эпизоде — сцене у смертного одра маленького мальчика из бедной ирландской семьи, о которой Эллен и других героям повествует пастор мистер Хэмфриз.

Умирая, маленький Джон Долан произносит слова апостола Павла из второго Послания коринфянам «Thanks be unto God for his unspeakable gift!» (в русском переводе: «Благодарение Богу за неизреченный дар Его!» 2 Коринфяне 9.15)⁹. Заметим, что в оригинальном тексте речь не идет о смерти; Павел говорит о благодати. Контекстуальный смысл смерти как дара возникает оттого, что мальчик произносит эти слова в момент экстатического слияния с Богом. Не менее важным представляется и то, что мальчик умирает в самый канун Рождества. Эллен и Элис Хэмфриз обсуждают рождественские подарки, когда возвращается пастор и рассказывает печальную историю. В следующих, посвященных праздникам главам герои предсказуемым образом только и занимаются тем, что обмениваются дарами: дети мастерят подарки взрослым, а в рождественское утро сами находят ломящиеся от гостинцев чулки. Смерть ирландского мальчика из бедной семьи соседствует и контрастирует с миром рождественского изобилия: Джон Долан — единственный ребенок в романе, который получает смерть вместо или взамен рождественского подарка.

Казалось бы, Уорнер обращается к конвенциональному сентиментальному сюжету — смерти младенца; невинная вера Джона Долана есть высшее проявление мудрости; как замечает пастор Хэмфриз, он преподносит урок собравшимся у одра взрослым. Однако суровая простота этой сцены отличает ее, например, от знаменитой сцены ангельской смерти маленькой Евы в «Хижине дяди Тома» Х. Бичер-Стоу. Когда умирает Ева, вся плантация утопает в слезах. Окружившие смертный одр Джона Долана бедные ирландцы, напротив, безмолвны; «они замерли в молчании; пораженные

⁸ Hoeller H. From Gift to Commodity: Capitalism and Sacrifice in Nineteenth-Century American Fiction. New Hampshire, 2012. P. 105–111

⁹ Warner S. The Wide, Wide World. N.Y., 1993. P. 276.

(awed), думаю я, исповеданием веры, которые они никогда прежде не слышали» ^{10} . Только когда смиренная смерть Джона Долана становится рассказом, связным нарративом, она вызывает слезы у слушателей. Но и тогда пастор, свидетель и рассказчик, использует ее в назидательных целях, обращаясь к Эллен с вопросом: «Знаешь ли, что значит быть грешником? — и что значит быть ребенком, прощенным дитем Божьим?» (a forgiven child of God?) ^{11} .

Роман Уорнер традиционно читают как евангелистское произвеление: именно этой конфессии придерживалась сама писательница, и «Широкий, широкий мир» решает задачи, стоявшие перед евангелистами, — прежде всего, исповедование слова Божьего. Но бесспорно и то, что роман Уорнер отдал немалую дань кальвинизму. По наблюдению Ш. Ким, кальвинизм повлиял на повествовательные и риторические особенности романа, среди которых — провиденциалистский сюжет, пространное цитирование Библии и аллегоризм. Ким отмечает любопытный парадокс: кальвинистские элементы «Широкого, широкого мира» вступают в противоречие с его сентиментальной эстетикой. «... Сентиментальный роман был в основном некальвинистским или антикальвинистским. В самом деле, американская сентиментальная литература возникла в среде либеральных и унитарианских священников, которые использовали ее для того, чтобы низвергнуть кальвинизм и продвинуть свои идеи»¹². О сентиментальном кальвинизме романа Уорнер пишет и М. Ноубл, хотя сама признается, что это оксюморон, своего рода contradictio in adjecto¹³.

Сентиментальная и в этом смысле антикальвинистская чувствительность исходила из того, что всякий ребенок невинен. В начале романа Эллен говорит, что у нее «черствое сердце» (hard heart) и поэтому не может любить Бога сильнее, чем она любит мать ¹⁴; в свою очередь, миссис Монтгомери надеется на то, что на ее дочь снизойдет благодать, если на это будет Его воля. Ирландский мальчик — образец смирения и веры — это не маленький ангел, как Ева Сент-Клер, но «прощенное дитя Божие». Его смерть — знак его избранничества, нисшедшей на него благодати — «неизреченного дара», принятого из рук самого Бога.

В то время как современная Уорнер сентиментальная литература делала акцент на безграничном милосердии Бога, в «Широком,

¹⁰ Warner. Op. cit. P. 278.

¹¹ Op. cit

¹² *Kim Sh.* Puritan Realism: The Wide, Wide World and Robinson Crusoe // American Literature. 2003. Vol. 75. N 4. P. 785.

¹³ *Noble M.* The Masochistic Pleasures of Sentimental Literature. Princeton, 2000. P. 62.

¹⁴ Warner. Op. cit. P. 71.

широком мире» Бог — это не только и не столько добрый Друг, сколько отцовская фигура, требующая полного, безоговорочного подчинения Своей воле. Вера для Эллен означает беспрекословное подчинение обстоятельствам, в которых она оказывается, и людям, предъявляющим на нее свои права — сколь бы чужды и неприятны они ей ни были. Каждое новое испытание, в том числе потерю дорогих ей людей, должно принимать как благо, приближающее христианина к Богу и его собственной праведной смерти. На вопрос Джона, любит ли она Бога больше или меньше, узнав, что осиротела, Эллен со слезами отвечает, что больше. Мистер Маршман объясняет безутешной Эллен, что Бог «забирает у нас любимых, чтобы мы свои сердца целиком отдавали Ему» 15.

Французский антрополог Марсель Энафф высказал интересную мысль об асимметричности кальвинистского дара благодати. По Энаффу, это дар, который не предполагает ответного жеста, например, в форме пожертвований или благотворительности, как это происходит в католической традиции. Исповедующий кальвинизм христианин оказывается в положении пассивного реципиента: что бы он ни делал, он никак не может повлиять на свое спасение, которое целиком зависит от божественного Провидения. Ему остается жить в ожидании и готовности следовать своему предназначению ^{16} . Верующий не знает, сойдет на него благодать или нет, однако всю свою жизнь готовится смиренно и радостно принять этот дар. Он живет в неведении — и потому смерть для него — это не только обещание вечных благ и возвращение Домой, но и, прежде всего, mysterium tremendum. Если это дар, то он неизречен. Смерть — последний пункт земного путешествия — остается главным таинством и тайной. В отличие от многих современниц, Уорнер не пыталась смягчить кальвинистские догмы, но, причудливо соединения их с сентиментальной «религией чувства», написала свою инструкцию по выживанию в «широком, широком мире»; жизнь в ожидании смерти становится способом преодоления реальных жизненных невзгод, с одной стороны, и мирских соблазнов — с другой.

Консюмеристский рай в романе Элизабет Стюарт Фелис. Иных взглядов на смерть и вечную жизнь придерживалась дочь унитарианского священника Элизабет Стюарт Фелпс, в двадцать четыре года прославившая себя романом, который остался непревзойденной вершиной ее карьеры. Потерявшая на войне возлюбленного, опечаленная смертью матери, Фелпс написала произведение с ярко выраженными терапевтическими интонациями: «Приотворенные

¹⁵ Op. cit. P. 70.

¹⁶ Hénaff M. Religious Ethics, Gift Exchange, and Capitalism // European Journal of Sociology. 2003. Vol. 44. N 3. P. 293–324.

врата» — это роман о травме и ее преодолении с помощью веры; не случайно одну из героинь — маленькую дочку главной героинипроповедницы тети Уинфрид — зовут Faith (Вера). Временной промежуток в семнадцать лет между романами существенен для понимания их идеологических и стилистических различий. Фелпс принадлежала ко второму поколению сентиментальных писательниц, для которых актуальное для старшего поколения кальвинистское наследие стало достоянием истории. Она идет по другому пути, чем Уорнер, развивая в своем романе влиятельную традицию «доместикации» рая, которая с начала 1850х годов заявила о себе в унитарианской среде¹⁷. Взгляды о том, что в раю будут сохранены сентиментальные привязанности, воссозданы семейные и дружеские связи разделяли такие проповедники и публицисты, как Эндрю Пибоди, Чарльз Фоллен, Уильям И. Чэннинг и отец Элизабет, Остин Фелпс.

В отличие от Эллен Монтгомери, Мэри Кэбот — героине Фелпс, потерявшей на войне брата и безутешно о нем скорбящей, — не нужно вступать на путь жесточайшего самоконтроля, чтобы прийти к Богу; достаточно просто поверить в предлагаемую ей апокрифическую картину рая. «Приотворенные врата» — это не роман воспитания, а роман-откровение (на Фелпс, безусловно, оказало влияние сведенборгианское учение) и, если можно так сказать, роман-утешение. По сюжету, ангелом-утешителем отчаявшейся Мэри становится ее тетя Уинфрид, вдова, которая приехала к ней погостить. Уинфрид заставляет Мэри обратиться к Богу, убеждая ее в реальности иного, вечного мира, причем эффект реальности создается, в основном, благодаря авторитетному «знанию» конкретных подробностей и деталей об устройстве райской жизни. Знание основывается на интерпретации Библии, но интерпретации весьма специфической.

Если персонажи Уорнер зачитывают пространные библейские пассажи, полные аллегорий и иносказаний, Уинфрид прямо заявляет: «Тайна Библии заключается не в том, что она говорит, но в том, что она не говорит» 18. Библейские темноты и абстракции конкретизируются, пробелы заполняются и проверяются здравым смыслом. Мэри спрашивает, увидит ли она *там* своего брата Роя; тетя не только отвечает утвердительно, но и уточняет, что Рой будет также смотреть ей в глаза, брать за руку, встретит ее у порога нового дома и отведет туда, где свет и тепло. «Но я думала, что на небесах мы будем славить Бога...» возражает было Мэри. Уинфрид ласково перебивает ее: «Будешь ли ты славить Его меньше или больше, когда

¹⁷ Douglas. Op. cit. P. 223

¹⁸ *Phelps E. Stuart.* The Gates Ajar. Boston, 1869. P. 93.

он вернет тебе Роя?»¹⁹. Бог даст Мэри то, что ей нужнее всего — умершего брата, его общество, любовь и заботу, а самой Уинфрид вернет мужа и тихий семейный очаг. В основе мира иного лежат семейные и родственные связи и сентиментальные привязанности; это зеркальное отражение здешней жизни, но только без ее бед и горестей. По остроумному замечанию Энн Дуглас, Фелпс занимается ничем иным, как колонизацией загробного мира (colonization of the afterlife)²⁰.

Фелпс полностью отвергает традиционную библейскую систему воздаяния и наказания. В раю действует компенсаторная логика, но каждый получает не то, что заслужил, а то, чего ему не хватает. Например, тетя Уинфрид обещает юной Кло, что в раю у нее будет пианино, которое она не может себе позволить. Обещание вызывает возмущение у местного священника; диакон-кальвинист Кверк говорит Уинфрид, что мы не вправе рассуждать о том, что будет после смерти, и что ее слова противоречат Писанию, где говорится об арфах, но ни слова не сказано о пианино: «По моему разумению, это чудовищно материальный способ рассуждать о том дивном мире». Уинфрид отвечает Кверку: «Если вы мне объясните, почему пианино материальное, а арфы нет, я, пожалуй, соглашусь с вами»²¹. У героини иная логика: «... неужели вы верите, что Бог заберет такую бедную, разочарованную в жизни девушку, как Кло, которой всю ее жизнь отказывали в маленькой и невинной радости и будет держать ее в раю целую вечность, ничем не наградив ее? Я так не думаю»²². Совершенно неважно, заслуживает награды Кло или нет, она непременно получит и пианино, и возлюбленного, ее покинувшего: и даже если не того же самого возлюбленного, то другого, который сможет его заменить. Компенсаторная логика — это в сущности логика исполнения желаний. Библия читается тетей Уинфрид как путеводитель по райским кущам, который она дополняет и дописывает при помощи воображения и здравого смысла; именно в таком, инструментальном, практическом качестве она нужна верующим.

Характерно, что и в романе Фелпс возникает тема божественного дара, но понимается совсем иначе. Бог сравнивается с другом; уезжая, он «оставляет нам маленькие подарки (little keepsakes): локон, который можно обвивать вокруг пальца; картину, которую он заметил или которая вызвала его улыбку; книгу, цветок, письмо... Люди рисковали жизнью ради этих памятных вещей (mementos). Но кто любит бездушный дар больше, чем дарителя — локон больше, чем

¹⁹ Op. cit. P. 53

²⁰ *Douglas*. Op. cit. P. 225.

²¹ *Phelps E. Stuart*. Op. cit. P. 154.

²² Op. cit. P. 153.

юное чело, с которого он был срезан, письмо больше руки, которая его написала? Перед нами — образцовый список сентиментальных даров: локон, письмо, цветок, книга и картина. «Бога рапсодий» Фелпс противопоставляет чувствительному возлюбленному или другу, который оставляет нам кипсеки — залоги будущей встречи. Фактически это обещание иных, еще больших даров, потому что Бог выражает свою любовь через конкретно-представимое, вещное, материальное. Рай, где души получат сразу все, о чем они мечтали — соединение с любимыми или новых любимых, уютные дома, милые вещи, доставляющие им невинные радости, это и есть материальное воплощение Бога, его эманация.

Тайне кальвинистского «дара смерти», который мы встречаем у Уорнер, в романе Фелпс противопоставляется конкретика памятных даров, несказанному противостоит высказываемое. В конце романа сама Уинфрид заболевает раком (Фелпс также отходит от сентиментального и романтического топоса болезни — чахотки); но ее болезнь и смерть — это словно закономерный итог и исход ее откровений; смертью, которую она встречает спокойно и радостно, она подтверждает истинность своего учения. «Приотворенные врата» можно назвать универсальным пособием для всех скорбящих. Неудивительно, что роман стал не менее популярным в Англии, не пережившей масштабную катастрофу, которой стала Гражданская война для Соединенных штатов.

Ожидаемо, «Приотворенные врата» вызвали противоречивую реакцию и были восприняты как ересь ортодоксальным духовенством по обе стороны Атлантики; причем английские критики обрушивались еще и на «американскость» романа, приписывая его приземленность и «материализм» прагматичному американскому сознанию. Помимо ереси, «Приотворенные врата» обвиняли в сенсационности, подчеркивая его коммерческий характер. Так, один английский критик называет «Приотворенные врата» «второсортным сенсационным романом», написанным в угоду популярному вкусу. «Скорбящие получат утешение... за счет того, что небо превратится в землю, рай материализуется, гуманизируется, рационализируется, чтобы стать приемлемым для обывателя...»²⁴

В самом деле, удовлетворение всех мыслимых желаний после смерти делает рай в романе Фелпс откровенно, недвусмысленно консюмеристским, что не могло не скандализировать его читателей среди английского и американского духовенства. Неудивительно, что критики Фелпс, уже в 1870-е годы, когда сентиментальность стала нарицательным обозначением аффектации, безвкусия и фальши,

²³ Op. cit. P. 199

²⁴ [*Anon.*] "The Gates Ajar" Critically Examined. By a Dean. L., 1871. P. 9.

обвиняли ее в том, в чем обвиняли сентиментальных авторов еще до войны, но не столь откровенно и последовательно — в тесной связи с коммерческой культурой потребления; из божественной тайны Фелпс превращает рай в китч, как сказали бы сегодня — заманчивый продукт, угождающий незатейливым вкусам потребителя. Это обвинение симптоматично: место сентиментальной литературы смещается на этаж ниже; если до войны понятия «сентиментальный автор» и «гений» были взаимозаменяемы²⁵, то после нее — сентиментальная эстетика станет непосредственно участвовать в зарождении популярной литературы²⁶. Вместе с тем роман Фелпс, невзирая на свое религиозное, визионерское содержание, свидетельствует об углублении процесса секуляризации, характерного для послевоенного поколения. Отчасти эта тенденция выразилась, как мы попытались показать выше, в прагматическом, инструментальном отношении к библейскому тексту, психологизации религиозного переживания и консюмеризации вечных благ. Если в «Широком, широком мире» Уорнер смерть — это mysterium tremendum кальвинистского вероисповедания — дар благодати, дарованный избранным, то в «Приотворенных вратах» Фелпс мы имеем дело с милыми сердцу «загробными» подарками и наградами, которые становятся доступными без каких-либо усилий, причем всем без исключения. Если Уорнер пыталась противопоставить религиозный дискурс культуре потребления, то Фелпс делает сам визионерский опыт консюмеристской фантасмагорией, стирая границы между сакральным и профанным, религиозным и мирским.

Список литературы

Стеценко Е.А. Массовая беллетристика // История литературы США. Т. IV. М., 2003. С. 844-45.

Толмачев В.М. Хэрриет Бичер-Стоу и ее роман «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» // Бичер-Стоу Х. Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных / Пер. Н.А. Волжиной; под ред. В.М. Толмачева. М., 2010. С. 5–40.

[Anon.] "The Gates Ajar" Critically Examined. By a Dean. L., 1871.

Douglas A. The Feminization of American Culture. N.Y., 1988.

Hoeller H. From Gift to Commodity: Capitalism and Sacrifice in Nineteenth-Century American Fiction. New Hampshire, 2012.

²⁵ *Douglas*. Op. cit. P. 17.

²⁶ По-видимому, не случайно на «Приотворенные врата» была написана известная пародия Марка Твена, «Путешествие капитана Стормфилда в рай» (1907—1908), которая в свою очередь отражала как его резкое неприятие сентиментальной этики и викторианской религиозности, так и сложное отношение самого Твена к религии.

Fekete Trubey E. Imagined Revolution: The Female Reader and The Wide, Wide World // Modern Language Studies. 2001. Vol. 31. P. 57–74.

Kim Sh. Puritan Realism: The Wide, Wide World and Robinson Crusoe // American Literature. 2003. Vol. 75. N 4. P. 783–811.

Noble M. The Masochistic Pleasures of Sentimental Literature. Princeton, 2000.

Phelps E. Stuart. The Gates Ajar. Boston, 1869.

Reynolds D.S. Faith in Fiction: The Emergence of Religious Literature in America. Cambridge, 1981.

Tompkins J. Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction, 1790–1860. N.Y., 1985.

Warner S. The Wide, Wide World. N.Y., 1993.

Alexandra P. Urakova

DEATH AND AFTERLIFE IN THE 19th-CENTURY AMERICAN RELIGIOUS NOVEL (S. Warner's The Wide, Wide World and E.S. Phelps' The Gates Ajar)

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences 25A Povarskaya, Moscow, 121069

The essay examines two American novels written in the mid-/ second half of the nineteenth century; both belong to religious and didactic literature, on the one hand, and sentimental fiction on the other, Susan Warner's *The Wide*, *Wide World* and *The Gates Ajar* by Elizabeth Stuart Phelps. The essay's major interest lies in examining the problem of representing death and afterlife in both novels. This theme enables us to demonstrate the important difference in the religious outlook of the two authors as well as to draw parallels between the poetics of the sentimental novel and the problem of gift/gift-giving. While Warner looked back to the Calvinist past of the American culture, the novel by Phelps reflected a tendency towards secularization that would manifest itself in the postbellum time.

Key words: USA; nineteenth century; religious novel; sentimental tradition; death; afterlife; God; Grace; Calvinism; Unitarian Church; faith; secularization; consumerism; Susan Warner; Elizabeth Stuart Phelps.

About the author: *Alexandra P. Urakova* — PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (e-mail: alexandraurakova@yandex.ru).

References

Stetsenko E.A. Massovaya belletristika [Mass Fiction]. *Istoria literaturi SSHA* [History of American Literature]. Vol. IV. Moscow, 2003, pp. 844–45.

- Tolmachoff V.M. Heriet Bicher-Stou i eyo roman "Hizhina dyadi Toma, ili zhizn' sredi unizhennih." [Harriet Beecher Stowe and her Novel *Uncle Tom's Cabin*; *or, Life among the Lowly*.] Bicher-Stou H. Hizhina dyadi Toma, ili zhizn' sredi unizhennih. [Beecher-Stowe H. *Uncle Tom's Cabin*; *or, Life among the Lowly*.] Trans. N.A. Volzhina. Ed. V.M. Tolmachoff. Moscow, 2010, pp. 5–40.
- [Anon.] "The Gates Ajar" Critically Examined. By a Dean. L., 1871.
- Douglas A. The Feminization of American Culture. N.Y., 1988.
- Hoeller H. From Gift to Commodity: Capitalism and Sacrifice in Nineteenth-Century American Fiction. New Hampshire, 2012.
- Fekete Trubey E. Imagined Revolution: The Female Reader and *The Wide*, *Wide World. Modern Language Studies*. 2001. Vol. 31, pp. 57–74.
- Kim Sh. Puritan Realism: The Wide, Wide World and Robinson Crusoe. *American Literature*. 2003. Vol. 75. N 4, pp. 783–811.
- Noble M. The Masochistic Pleasures of Sentimental Literature. Princeton, 2000.
- Phelps E. Stuart. The Gates Ajar. Boston, 1869.
- Reynolds D.S. Faith in Fiction: The Emergence of Religious Literature in America. Cambridge, 1981.
- Tompkins J. Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction, 1790–1860. N.Y., 1985.
- Warner S. The Wide, Wide World, N.Y., 1993.

К 80-летию В.С. ВЫСОЦКОГО

В.А. Гавриков

КАКИЕ ПЕСНИ ЧАЩЕ ВСЕГО ПЕЛ ВЫСОЦКИЙ? (а также о восприятии творчества поэта в современной России)

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 241050, Брянск, ул. Горького, 18

В статье с нескольких позиций исследуется частотность исполнения песен Высоцкого. Как показывает статистика, большинство самых часто исполняемых песен содержит множество реалий советской эпохи, не понятных для современной молодежи. Выдвигается гипотеза, что этот факт обусловил снижение интереса к творчеству Высоцкого. Делается попытка выявить наиболее востребованные современным слушателем песни Высоцкого.

Первый рейтинг песен строится по принципу относительной частности, т.е. автор статьи считает количество исполнений, не обращая внимания на год появления песни. При таком подходе ранние композиции имеют больше шансов «набрать очки». В ходе исследования выясняется, что 50 раз и более исполнены 60 произведений. Среди них преобладают юмористические песни и песни о Великой Отечественной войне. Статистика показывает, что Высоцкого безосновательно называли «блатным певцом» — среди 60 самых исполняемых песен нет ни одной с явной криминальной тематикой. В статье составлена диаграмма абсолютной частотности, которая показывает, что Высоцкий с каждым годом поет всё больше шуточных песен, а доля серьезных снижается. Причина тому — выход на массовую публику, оглядка на цензуру.

Второй рейтинг назван абсолютным. Здесь определяется частотность исполнения, исходя из «коэффициента давности»: чем дольше существует песня, тем меньше ее коэффициент. Далее автор статьи определяет семь песен, вошедших в первую десятку обоих рейтингов. Эти композиции сравниваются с теми песнями Высоцкого, которые востребованы публикой сегодня. Оказывается, то что пел Высоцкий наиболее часто, для современного слушателя по тем или иным причинам неактуально.

Ключевые слова: Владимир Высоцкий; песенная поэзия; авторская песня; частотность исполнений; статистика; популярность Высоцкого.

Тема этой статьи может показаться немного странной: какое отношение к популярности песен Высоцкого в современной России

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: yarosvettt@mail.ru).

имеет частотность их исполнения? На самом деле, зависимость прямая, хотя и не абсолютная, потому что то, к чему привыкли слушатели на концертах, то, что разошлось в наибольшем числе фонограмм, именно это, как правило, и образует ядро слушательского интереса. Только знатоки и ценители творчества Высоцкого знакомы с такими композициями, как, например, «Песня конченого человека», которую Высоцкий почти не исполнял, хотя она «прижизненно» существовала почти 10 лет. А вот «рядовой» любитель вряд ли слышал эту композицию.

Есть и второй момент, который здесь представляется более важным. Среди чаще всего исполнявшихся песен можно найти композиции, посвященные разным темам и выполненные в разных техниках. Современный человек явно будет ориентирован на то, что ему более близко, что актуально для нерва эпохи. Не так давно я провел небольшое социологическое исследование среди своих студентов [Гавриков, 2017: 8–10]. Хотел узнать, как воспринимает песенное (да и не только) творчество Высоцкого современная молодежь. Главный результат этого исследования заключается в том, что песни поэта нынешние студенты знают плохо, Высоцким, как правило, не интересуются. Почему же поэт неинтересен поколению, родившемуся после крушения СССР?

Видимо, виной тому — жесткая прикрепленность песен Высоцкого к сиюминутному, к злободневному, к тому, что являлось важной составляющей бытия советского человека 1960—1970-х годов. Творчество Высоцкого мои коллеги верно назвали «энциклопедией» эпохи [Крылов, Кулагин, 2010], но это безвозвратно ушедшая эпоха.

И я решил проверить гипотезу о «незлободневности» Высоцкого в России XXI в. Как это сделать? Один из путей — рассмотреть самые популярные песни Высоцкого в контексте современности: актуальны ли темы, поднятые поэтом; понятны ли молодым людям реалии, отраженные в песнях?

Чтобы изучить частотность исполнения, я обратился к индексу фонограмм на сайте vis.aruni.eu [В. Высоцкий: индекс...]. Сегодня это наиболее авторитетный источник, разработкой которого занимаются десятки ученых и энтузиастов. Я выбрал тексты, которые Высоцкий исполнял 50 раз и более. Таковых оказалось 60. Из них от 50 до 99 раз исполнены 37 песен, т.е. более половины. От 100 до 200 раз исполнено 18 песен, наконец, больше 200 раз было спето пять композиций. Вот частотный список (датировки даны согласно указанному индексу фонограмм):

- 050 «Рвусь из сил и из всех сухожилий...» (1968);
- 051 «Едешь ли в поезде, в автомобиле...» (1966);
- 052 «Я стою, стою спиною к строю...» (1970);
- 053 «Если друг оказался вдруг...» (1966);

```
053 «Ты идёшь по кромке ледника...» (1976);
055 «В королевстве, где всё тихо и складно...» (1966);
056 «Солдат всегда здоров...» (1965);
057 «Наверно, я погиб — глаза закрою — вижу...» (1966);
057 «Я спросил тебя: "Зачем идёте в гору вы?"...» (1966);
058 «Здесь вам не равнина, здесь климат иной...» (1966);
059 «Десять тысяч — и всего один забег остался...» (1966);
059 «Змеи, змеи кругом — будь им пусто!...» (1971);
060 «В Ленинграде-городе у Пяти Углов...» (1967);
061 «Всего лишь час дают на артобстрел...» (1964);
061 «Как призывный набат...» (1967);
065 «Я вам, ребята, на мозги не капаю...» (1978);
066 «Чтоб не было следов — повсюду подмели...» (1971);
067 «В который раз лечу Москва — Одесса...» (1968);
068 «Я — "Як", истребитель — мотор мой звенит...» (1967);
070 «Произошел необъяснимый катаклизм...» (1971);
071 «Всю войну под завязку...» (1975);
071 «Мне этот бой не забыть нипочем...» (1964):
073 «Чем славится индийская культура...» (1967);
074 «А ну отдай мой каменный топор...» (1969):
075 «Я вчера закончил ковку...» (1974);
075 «Я скачу, но я скачу иначе...» (1969);
076 «Ой, где был я вчера...» (1967);
082 «Я раззудил плечо — трибуны замерли...» (1968);
085 «Есть телевизор — подайте трибуну...» (1967);
087 «В заповеднике, вот в каком — забыл...» (1973);
088 «Только прилетели — сразу сели...» (1972);
090 «Я кричал: Вы что там, обалдели?..» (1972);
091 «Сам виноват, и слёзы лью...» (1972);
094 «Был шторм — канаты рвали кожу с рук...» (1968);
094 «Что случилось? Почему кричат...» (1971);
097 «В ресторане по стенкам висят тут и там...» (1967);
099 «Себя от надоевшей славы спрятав...» (1974);
101 «Не хватайтесь за чужие талии...» (1972);
106 «Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...» (1975);
107 «Жил я с матерью и батей...» (1964);
110 «Кто кончил жизнь трагически...» (1971);
112 «Дорогая передача!..» (1977);
112 «Сейчас взорвусь, как триста тонн тротила...» (1969);
113 «Я самый непьющий из всех мужиков...» (1969);
117 «От границы мы Землю вертели назад...» (1972);
117 «Удар, удар... Еще удар...» (1966);
126 «Разбег, толчок — и стыдно подыматься...» (1969)
129 «В желтой жаркой Африке...» (1968);
```

```
131 «Товарищи ученые, доценты с кандидатами!..» (1972);
132 «Считай по-нашему, мы выпили немного...» (1971);
141 «Сколько слухов наши уши поражает...» (1969);
162 «Я вышел ростом и лицом...» (1972);
173 «Ой, Вань, гляди, какие клоуны...» (1973);
177 «А v дельфина ...» (1966);
194 «На братских могилах не ставят крестов...» (1965):
201 «Я вам мозги не пудрю...» (1972);
206 «Вдох глубокий, руки шире...» (1968);
```

214 «Кто верит в Магомета...» (1969);

223 «Я бегу, бегу, бегу...» (1971);

259 «Я не люблю фатального исхода...» (1969).

Эти 60 песен можно условно разделить на несколько тематических групп, конечно, понимая, что всякая классификация имеет свои погрешности. Тем не менее в этом массиве песен условно можно обозначить следующие «серии»:

- песни о войне 12;
- песни о жизни (сюжетные реалистические композиции) 5;
- экстремально-романтические песни 7;
- юмористические песни 22;
- бессюжетные (условно говоря философские) песни 6;
- спортивные песни 8.

Конечно, некоторые произведения можно «прописать» по нескольким «адресам», однако точной статистики здесь и не нужно интересно увидеть общую тенденцию. А она, бесспорно, состоит в том, что с большим отрывом лидируют песни юмористические, на втором месте — военные, на третьем — спортивные композиции, которые тоже чаше всего являются, скажем так, облегченными. Иначе говоря, в принципе их можно прибавить к юмористическим. Получится, что среди самых исполняемых песен примерно половина — «смеховые». Кстати, в десятке самых популярных та же тенденция: пять юмористических (из них лишь одна — спортивная); две — военные; две — бессюжетные-философские (правда, с отчетливым надрывом); одна — «жизненная» или экстремально-романтическая («Я вышел ростом и лицом...»).

Понятно, что очень важным является год создания песни. Самые ранние имеют больше шансов на то, чтобы из года в год набирать «очки». Если рассмотреть самые популярные песни по годам написания, то окажется, что большинство из них написано в 1966 г. Вот полная статистика: 1964 - 3; 1965 - 3; 1966 - 9; 1967 - 7; 1968 - 6; 1969 - 8:1970 - 1:1971 - 7:1972 - 8:1973 - 2:1974 - 2:1975 - 2:1976 - 1; 1977 - 1; 1978 - 1.

На диаграмме 1 черным закрашены песни с серьезным содержанием, пустые кубики — шуточные композиции.

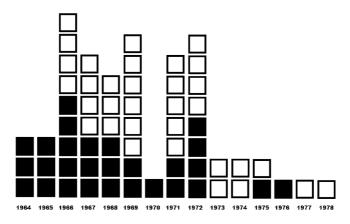

Диаграмма 1. Наиболее исполняемые песни с разбивкой по годам

Прежде чем сказать несколько слов о диаграмме 1, напомню, что речь идет о самых исполняемых, но не о самых качественных или самых любимых песнях Высоцкого. На суд массовой аудитории некоторые песни поэт не выносил, и это, как правило, были именно трагические, интимные вещи.

Что касается диаграммы, то показательно, что Высоцкий движется от серьезных песен к шуточным: 1964 и 1965 гг. — это исключительно военные песни. Правда, в 1966 г. уже нет ни одной композиции о Великой Отечественной: соседствуют юмористические и «жизненные».

Кроме того, наша статистика показывает, что Высоцкого совершенно безосновательно называли «блатарём» — среди 60 самых исполняемых нет ни одной отчетливо криминальной песни (шуточные вещи типа «Я вам, ребята, на мозги не капаю...» — не в счет).

Часто исполняемые военные песни написаны в 1967, 1972 и одна — в 1975. Показательно, что песни той же тематики вообще не встречаются в другие годы. С 1969 г. начинают появляться абстрактно-философские композиции, раньше их не было. А после 1972 г. преобладают шуточные песни, хотя именно в период с 1972 г. Высоцкий пишет свои лучшие — с точки зрения «бумажной поэзии» — серьезные песни, такие как «Памятник», «Трилогия ошибок», «Гербарий», дилогия «Очи черные» и т.д. Но ни одна из них в наш рейтинг не вошла. Даже такие «визитные карточки» Высоцкого, как «Кони привередливые» или «Охота на волков», не набрали 50 исполнений. Трудных песен в нашем количественном рейтинге частотности почти нет.

Если же обратиться к обобщенным данным, то «смеховые» песни исполнены 3427 раз, а серьезные — 2636 раз (77% на фоне 100% серьезных). Разница — менее чем на четверть.

Конечно, наша статистика грешит тем, что песни, созданные в начале творческого пути Высоцкого, имели больше шансов быть спетыми. Ведь их более поздние «конкуренты» не могли «набирать очки» до своего появления. В связи с этим, чтобы выйти на абсолютные показатели, необходимо дифференцировать песни на основании года их написания. А этого не сделать без статистики концертов, которую я беру из указанного индекса фонограмм. На сегодняшний день известно 899 концертов Высоцкого:

```
1962 - 3; 1963 - 6; 1964 - 7; 1965 - 23; 1966 - 35; 1967 - 82; 1968 - 49; 1969 - 27; 1970 - 56; 1971 - 59; 1972 - 86; 1973 - 63; 1974 - 69; 1975 - 32; 1976 - 58; 1977 - 47; 1978 - 73; 1979 - 85; 1980 - 39.
```

А теперь составим «накопительный рейтинг», где покажем, на каком количестве концертов могла бы быть спета песня, появись она в следующие годы:

```
1962 — 899; 1963 — 896; 1964 — 890; 1965 — 883; 1966 — 860; 1967 — 825; 1968 — 743; 1969 — 694; 1970 — 667; 1971 — 611; 1972 — 552; 1973 — 466; 1974 — 403; 1975 — 334; 1976 — 302; 1977 — 244; 1978 — 197; 1979 — 124; 1980 — 39.
```

Остается поделить указанные выше коэффициенты на число исполнений песни, чтобы получить «абсолютное число», т.е. «абсолютную исполняемость». Предлагаю читателю таблицу частотности (на основании тех же 60 композиций):

```
0,059 «Едешь ли в поезде, в автомобиле...» (1966);
0,061 «Если друг оказался вдруг...» (1966);
0,063 «В королевстве, где всё тихо и складно...» (1966);
0,063 «Солдат всегда здоров...» (1965);
0,066 «Наверно, я погиб — глаза закрою — вижу...» (1966);
0,066 «Я спросил тебя: "Зачем идёте в гору вы?"...» (1966);
0,067 «Здесь вам не равнина, здесь климат иной...» (1966);
0,067 «Рвусь из сил и из всех сухожилий...» (1968);
0,068 «Всего лишь час дают на артобстрел...» (1964):
0.068 «Десять тысяч — и всего один забег остался...» (1966);
0,072 «В Ленинграде-городе у Пяти Углов...» (1967);
0.073 «Как призывный набат...» (1967):
0,077 «Я стою, стою спиною к строю...» (1970);
0.079 «Мне этот бой не забыть нипочем...» (1964):
0.082 \text{ «Я} - \text{"Як", истребитель} - \text{мотор мой звенит...} (1967);
0,088 «Чем славится индийская культура...» (1967);
0,090 «В который раз лечу Москва-Одесса...» (1968);
0,092 «Ой, где был я вчера...» (1967);
0,096 «Змеи, змеи кругом — будь им пусто!...» (1971);
0,103 «Есть телевизор — подайте трибуну...» (1967);
0,106 «А ну отдай мой каменный топор...» (1969);
0,108 «Чтоб не было следов — повсюду подмели...» (1971);
```

```
0,108 «Я скачу, но я скачу иначе...» (1969);
0,110 «Я раззудил плечо — трибуны замерли...» (1968);
0,114 «Произошел необъяснимый катаклизм...» (1971);
0,117 «В ресторане по стенкам висят тут и там...» (1967);
0,120 «Жил я с матерью и батей...» (1964);
0,126 «Был шторм — канаты рвали кожу с рук...» (1968);
0,136 «Удар, удар... Еще удар...» (1966);
0,153 «Что случилось? Почему кричат...» (1971);
0,159 «Только прилетели — сразу сели...» (1972);
0,161 «Сейчас взорвусь, как триста тонн тротила...» (1969);
0,162 «Я самый непьющий из всех мужиков...» (1969);
0,163 «Я кричал: Вы что там, обалдели?..» (1972);
0,164 «Сам виноват, и слёзы лью...» (1972);
0,173 «В желтой жаркой Африке...» (1968);
0,175 «Ты идёшь по кромке ледника...» (1976);
0,180 «Кто кончил жизнь трагически...» (1971);
0,181 «Разбег, толчок — и стыдно подыматься...» (1969);
0,182 «Не хватайтесь за чужие талии...» (1972);
0,186 «В заповеднике, вот в каком — забыл...» (1973);
0.186 «Я вчера закончил ковку...» (1974):
0,203 «Сколько слухов наши уши поражает...» (1969);
0,205 «А у дельфина ...» (1966);
0,211 «От границы мы Землю вертели назад...» (1972);
0,212 «Всю войну под завязку...» (1975);
0,216 «Считай по-нашему, мы выпили немного...» (1971);
0,219 «На братских могилах не ставят крестов...» (1965);
0,237 «Товарищи ученые, доценты с кандидатами!..» (1972);
0,245 «Себя от надоевшей славы спрятав...» (1974);
0,277 «Вдох глубокий, руки шире...» (1968);
0,293 «Я вышел ростом и лицом...» (1972);
0,308 «Кто верит в Магомета...» (1969);
0,317 «Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...» (1975);
0,329 «Я вам, ребята, на мозги не капаю...» (1978);
0,364 «Я бегу, бегу, бегу...» (1971);
0,364 «Я вам мозги не пудрю...» (1972);
0,371 «Ой, Вань, гляди, какие клоуны...» (1973);
0,373 «Я не люблю фатального исхода...» (1969);
0,459 «Дорогая передача!..» (1977).
```

Как понимать эти коэффициенты? Например, песня «А у дельфина ...» имеет коэффициент 0,205, это означает, что ее частотность — примерно 0,2 к единице, т.е. 20%. А значит — эту песню Высоцкий пел на каждом пятом своем концерте.

В представленном рейтинге есть два недостатка: я не учитывал месяц создания композиции, понятно, что декабрьская песня не

имеет шансов набрать много очков в «родном» году. И второе. Ряд песен, не дотянувших до 50 исполнений, в абсолютных цифрах явно перегонят аутсайдеров-долгожителей, которые за полтора десятилетия перешагнули-таки через черту в 50 исполнений. Иначе говоря, оптимальный вариант — просчитать по нашей формуле все песни Высоцкого, но это достаточно трудоемко.

И вот теперь, когда мы увидели абсолютные цифры, можно сделать окончательные (в рамках нашей методологии) выводы. Самой исполняемой песней с позиции «усредненных показателей» стала композиция «Дорогая передача!..»: встречается примерно на каждом втором концерте. Остальные — на трети концертов или реже. В десятке популярнейших — семь песен, написанных в 1970-е годы, и лишь три — в 1960-е (причем речь идет о 1968 и 1969 гг.). Значит, среди ранних выдержали испытание временем, по большому счету, только две композиции: «На братских могилах не ставят крестов...» (1965) и «А у дельфина ...» (1966). В первой тридцатке ранний период представляют только они.

Что касается тематики, то из 10 самых популярных — семь можно назвать шуточными. В первой тридцатке таковых — 20, и лишь треть от самых поющихся — серьезные. Получается, что исполнитель Высоцкий (в отличие от поэта Высоцкого) — это, условно говоря, бард-юморист, по крайней мере, такова его доминанта.

В одной из статей я рассматривал два концерта Высоцкого на наличие микроциклов и на смеховую/серьезную «валентность» песен (это были концерты 1975 г.) [Гавриков, 2016: 40—52]. Статистически выводы оказались очень похожими на нынешний график абсолютной частотности: на две шуточных песни приходилось по одной серьезной. Отсюда понятно, что первый график, составленный в данной статье, далеко не отражает реальной частотности исполнения в масштабах всего песенного наследия Высоцкого.

Однако сопоставить оба рейтинга всё же интересно. В первой десятке совпало семь текстов, из них четыре — отчетливо шуточные, а три — серьезные. Эти семь песен в таблице выделены полужирным — их можно назвать «самыми проверенными» песнями (таблица).

Обратим внимание, что лидер «абсолютного рейтинга» — песня «Дорогая передача!..» — вообще не попала в десятку первого «количественного» рейтинга (всего лишь 19-я позиция здесь!). Кто знает, может быть, это произведение, написанное в 1977 г., за следующее десятилетие растеряло бы свою популярность — поэт перестал бы ее исполнять? А по сумме двух рейтингов (условно говоря, «окончательным победителем») можно признать композицию «Я не люблю» (1-е место в одном рейтинге и 2-е — в другом). 2-е суммарное место — песня «Я бегу, бегу, бегу...», 3-е — «Я вам мозги не пудрю...».

Возвращаясь к началу статьи, повторю, что наиболее исполняемые песни (согласно первому рейтингу) имеют больше шансов

1.	«Я не люблю фатального исхода» (1969)	«Дорогая передача!» (1977)
2.	«Я бегу, бегу, бегу» (1971)	«Я не люблю фатального исхода» (1969)
3.	«Кто верит в Магомета» (1969)	«Ой, Вань, гляди, какие клоуны» (1973)
4.	«Вдох глубокий, руки шире» (1968)	«Я вам мозги не пудрю» (1972)
5.	«Я вам мозги не пудрю» (1972)	«Я бегу, бегу, бегу» (1971)
6.	«На братских могилах не ставят крестов» (1965)	«Я вам, ребята, на мозги не ка- паю» (1978)
7.	«А у дельфина» (1966)	«Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу» (1975)
8.	«Ой, Вань, гляди, какие клоуны» (1973)	«Кто верит в Магомета» (1969)
9.	«Я вышел ростом и лицом» (1972)	«Я вышел ростом и лицом» (1972)
10.	«Сколько слухов наши уши поражает» (1969)	«Вдох глубокий, руки шире» (1968)

быть услышанными и соответственно стать популярными. Если мы возьмем, допустим, 20 самых часто исполняемых композиций, то можно увидеть, что многие из них отражают безнадежно устаревшие общественные реалии. Это «Вдох глубокий, руки шире...» (утренняя или производственная гимнастики, транслировавшиеся по радио, ушли в прошлое), «На братских могилах не ставят крестов...» (сейчас, наоборот, активно их ставят и проводят заупокойные богослужения), «Ой, Вань, гляди, какие клоуны...» (цирк по телевизору сегодня не показывают — по крайней мере, на главных каналах), «Я вышел ростом и лицом...» (в условиях мобильной связи и современных средств спутниковой навигации ситуация с героями Высоцкого вряд ли может повториться, да и нынешние дальнобойщики используют не «МАЗы», а «КАМАЗы» и зарубежные грузовики [Автовести]), «Товарищи ученые, доценты с кандидатами!..» (ныне ученых не отправляют на сельхозработы). «Я самый непьющий из всех мужиков...» («за колбасой» в Москву нынче не ездят, и с валютой «нет проблем»), «Дорогая передача!..» (НЛО уже не так будоражат умы граждан, да и в редакцию передач письма не пишут, а сама программа «Очевидное — невероятное» ныне не существует).

Даже такие относительно вневременные песни, как «Считай по-нашему, мы выпили немного...», «Сколько слухов наши уши поражает...», воспринимаются всё же в контексте советской эпохи, поскольку содержат ее «маркеры»: сегодня в такси до Химок уже «содят» без проблем — были бы деньги, и соседа люди из ФСБ не заберут, «потому что он на Берию похож». Даже песня «В желтой жаркой Африке...» советскими слушателями воспринималась как злободневная и остросоциальная — с критикой власть предержащих.

Об этом свидетельствуют вопросы из зала в адрес Высоцкого и его отговорки, что он, мол, ни на что такое не намекает... Поэт даже написал текст «Я все вопросы освещу сполна...», где в том числе пытается избавиться от «острых подтекстов»: «Эзоп во мне не воскресал, // Подтекстов нет — друзья, не суетитесь» [Высоцкий, 2011: 244]. Но подтексты-то были. Собственно, это отрефлексировано и самим Высоцким: в произведении «Прошла пора вступлений и прелюдий...» устами одного из героев он говорит о знаменитой «Охоте на волков»: «Да это ж про меня! // Про нас про всех, какие к черту волки?!» [Высоцкий, 2011: 244]. Этих намеков новое поколение в большинстве своем тоже, конечно, не понимает.

Если к списку «неактуальных» прибавить композиции Высоцкого о Великой Отечественной войне (песни о ней сегодня вряд ли у молодежи «в тренде»), то из двадцатки самых исполняемых песен останутся считаные единицы. Это, в первую очередь, философские: «Я не люблю фатального исхода...», «А у дельфина ...», «Кто кончил жизнь трагически...» — да еще пара спортивных песен.

Получается, что Высоцкий в своих самых исполняемых песнях ориентируется на запросы современников, метко и емко отражает реалии эпохи, чутко улавливает «нерв» своего времени. Вероятно, именно поэтому певец имел такую беспрецедентную популярность в СССР. А поколениям, воспитанным вне страны советов, реалии 1960—1970-х мало знакомы, как, впрочем, и образы, в которых мыслил Высоцкий, даже некоторые его словесные формулы «с подтекстом», от которого он так пытался отмежеваться, но который всё-таки отчетливо присутствует в произведениях поэта.

Любопытно сравнить наши выводы с тем, как творчество Высоцкого отразилось в современном журналистско-интернетом дискурсе, который, понятно, ориентируется на восприятие людей второго десятилетия XXI в. В рассмотренных далее источниках речь идет о «лучших песнях Высоцкого». Версия «РИА-новостей» [URL: https://ria.ru/weekend_music/20130125/797679401.html] выглядит следующим образом (здесь и далее названия песен приводятся не по первой строке, как это было выше, а так, как они даны в цитируемом источнике):

```
«Она была в Париже»;
«Ноль семь»;
«Скалолазка»;
«Песня о друге»;
«Кони привередливые»;
«Москва — Одесса»;
«Утренняя гимнастика»;
«Песенка о переселении душ»;
«Лирическая»;
```

«Мы вращаем Землю».

Бросается в глаза то, что перед нами в первую очередь песни «жизненные», однозначно «смеховых» — только две.

Вот версия волгоградской «Комсомольской правды» [URL: https://www.volgograd.kp.ru/daily/26110/3006031/]:

- «На братских могилах»;
- «Тот, который не стрелял»;
- «Охота на волков»;
- «Песня о друге»;
- «Вершина».

Здесь вообще нет юмора, присутствуют две военные песни, а остальные можно объединить определением «экстремальные».

А далее версии двух музыкальных интернет-порталов:

- «Я не люблю»;
- «Дом хрустальный»;
- «Спасите наши души»;
- «Парус»;
- «Вершина»;
- «Кони привередливые»;
- «Баллада о времени»;
- «Баллада о детстве»;
- «Баллада о любви»;
- «Песенка о переселении душ» [URL: http://radio.obozrevatel.com/news/top10-luchshih-pesen-vladimira-viysockogo-10216576.html];
  - «Черный пистолет»;
  - «На братских могилах»;
  - «Тот, кто раньше с нею был»;
  - «Тот, который не стрелял»;
  - «Скалолазка»;
  - «Песня о друге»;
  - «Лирическая»;
  - «Москва-Одесса»;
  - «Милицейский протокол»;
- «Кони привередливые» [URL: http://modernrock.ru/posts/blog/10-luchshikh-pesen-vladimira-vysockogo.html].

В обеих десятках — по одной юмористической песне.

Результаты указанных четырех источников весьма показательны: у современного слушателя востребованы в первую очередь песни Высоцкого, связанные с жизненными ситуациями (однако не привязанными к советским реалиям), философские тексты (вечные темы) и некоторые военные композиции.

Какие же произведения оказались в нескольких рейтингах? Трижды в подборки включены «Кони привередливые» и «Песня о друге» (условно говоря — философские произведения); дважды —

семь песен: «Вершина», «Лирическая», «Москва — Одесса», «На братских могилах», «Песенка о переселении душ», «Тот, который не стрелял», «Скалолазка». Среди единожды упомянутых — тоже в основном философские, военные, жизненные и экстремальные. Юмористических почти нет, а спортивные и вовсе отсутствуют! Показательно, что среди явно привязанных к советским реалиям упомянуты только две песни (да и то по разу): «Утренняя гимнастика» и «Ноль семь».

Если мы сравним девять самых актуальных ныне песен Высоцкого с той семеркой «проверенных временем песен», то окажется, что «совпала» лишь одна песня: «Я вам мозги не пудрю...» («Тот, который не стрелял»). Выходит, то, что Высоцкий исполнял наиболее активно, сегодня не востребовано...

Итак, мы можем пусть и осторожно, но всё же утверждать, что наша гипотеза подтвердилась: современный молодой слушатель потому отошел от творчества Высоцкого, что темы его и реалии, отраженные здесь, уже не вызывают рецепционного отклика. Нынешнему человеку интересны не сиюминутные песни Высоцкого, в которых он поистине виртуозно воплощал современную ему действительность, а вещи философские и «жизненные», связанные с актуальными в любую эпоху бытовыми ситуациями, со взаимоотношениями между людьми. Конечно, Высоцкий остается еще и певцом Великой Отечественной.

Весь же спортивно-юмористический массив оказался не востребованным: скорее всего, юмор советского времени уже не веселит современного человека, не дает ему гедонии. Представления о смешном быстро эволюционируют — особенно со сменой политического строя. Таким образом, те песни, на которые делал ставку Высоцкий, которые он чаще всего исполнял, — эти песни современностью не востребованы. А значит, и сам Высоцкий, по крайней мере «такой Высоцкий», уже не близок молодым людям XXI в. Вероятно, изменить ситуацию можно, только знакомя молодежь с вневременными шедеврами поэта, среди которых «Памятник», «Райские яблоки», дилогия «Очи черные», «Трилогия ошибок», «Гербарий», «Побег на рывок», «Купола» и т.д. «Вечные вопросы» и архетипические ситуации не устаревают.

Список литературы

modernrock.ru URL: http://modernrock.ru/posts/blog/10-luchshikh-pes-en-vladimira-vysockogo.html (дата обращения: 20.03.2018)

radio.obozrevatel.com URL: http://radio.obozrevatel.com/news/top10-luchshih-pesen-vladimira-viysockogo-10216576.html (дата обращения: 20.03.2018)

- *ria.ru* URL: https://ria.ru/weekend_music/20130125/797679401.html (дата обращения: 20.03.2018)
- volgograd.kp.ru URL: https://www.volgograd.kp.ru/daily/26110/3006031/ (дата обращения: 20.03.2018)
- *Aвтовести*. URL: http://auto.vesti.ru/news/show/news_id/667872/ (дата обращения: 20.03.2018)
- В. Высоцкий: индекс фонограмм авторских исполнений песен и стихов Владимира Семёновича Высоцкого. http://vis.aruni.eu/ (дата обращения: 11.10.2017)
- Высоцкий В. Собр. соч.: В 1 т. М., 2011. 813 с.
- *Гавриков В.А.* Восприятие Высоцкого современной молодежью // В поисках Высоцкого: Науч.-популяр. период. Пятигорск, 2017. № 29. С. 8-10.
- *Гавриков В.А.* Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого: Монография. Брянск, 2016. 108 с.
- Крылов А.Е., Кулагин А.В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарий к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 384 с.

Vitaly A. Gavrikov

THE SONGS VLADIMIR VYSOTSKY SANG MOST OFTEN, OR VLADIMIR VYSOTSKY'S POETRY IN RUSSIA TODAY

PBryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Gorky street, 18, Bryansk, Russia, 241050

The article presents the most frequently performed songs of Vysotsky. As the statistics show, the most frequently performed songs contain many realities of the Soviet era which are not understandable to modern youth. The article hypothesizes that this fact has led to a decrease of interest in Vysotsky's creative work. An attempt is made to discover Vysotsky's songs which are most in demand by the contemporary listeners.

The first rating of songs is created on the principle of relative particularity. That is, the year of creation of the song is not taken into account. Accordingly, early songs "gain points" more actively. The analysis showed that 60 songs of Vysotsky were sung 50 times or more. Vysotsky often sings humorous songs and songs about the Great Patriotic War. Therefore, Vysotsky is unfairly called "a criminal poet" — among the 60 popular songs there are no crime themes. The author of the article makes a diagram of the absolute frequency. The diagram proves that Vysotsky sings more and more comic songs every year, and serious songs become less popular. The reason for this change is the appearance on the mass public, the censorship.

The second rating is absolute. The rating is created on the basis of the "statistic of limitations". Its essence is that the longer a song exists, the less is its coefficient.

Next, the author of the article defines the 7 most popular songs in the two ratings. These 7 songs are compared with the songs of Vysotsky which young people want to listen to today. The main conclusion of the article is: the songs that Vysotsky sang most often are not relevant to the modern listeners.

Key words: Vladimir Vysotsky; song poetry; bard song; frequency of performances; statistics; Vysotsky's popularity.

About the author: *Vitaly A. Gavrikov* — doctor of philology, professor of department of management, state and municipal administration Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (e-mail: yarosvettt@mail.ru).

References

- *modernrock.ru* URL: http://modernrock.ru/posts/blog/10-luchshikh-pesen-vladimira-vysockogo.html (accessed: 20.03.2018) (In Russ.).
- *radio.obozrevatel.com* URL: http://radio.obozrevatel.com/news/top10-luchshih-pesen-vladimira-viysockogo-10216576.html (In Russ.).
- *ria.ru* URL: https://ria.ru/weekend_music/20130125/797679401.html (accessed: 20.03.2018) (In Russ.).
- volgograd.kp.ru URL: https://www.volgograd.kp.ru/daily/26110/3006031/ (In Russ.).
- Avtovesti. URL: http://auto.vesti.ru/news/show/news_id/667872/ (accessed: 20.03.2018) (In Russ.).
- V. Vysockij: indeks fonogramm avtorskih ispolnenij pesen i stihov Vladimira Semyonovicha Vysockogo. URL: http://vis.aruni.eu/ (accessed: 11.10.2017) (In Russ.).
- Vysockiy V. *Sobranie sochinenij v odnom tome* [Collected works in one volume]. Moscow, 2011, 813 p. (In Russ.).
- Gavrikov V.A. *Vospriyatie Vysockogo sovremennoj molodezh'yu* [Perception of Vysotsky by modern youth]. V poiskah Vysockogo: Nauch.-populyar. period. Pyatigorsk, 2017, № 29, pp. 8–10. (In Russ.)
- Gavrikov V.A. *Ciklizaciya i kontekstnost' v poehzii Vladimira Vysockogo*. [Cyclization and Contexts in the poetry of Vladimir Vysotsky], monografiya, Bryansk, 2016, 108 p. (In Russ.)
- Krylov A.E., Kulagin A.V. Vysockij kak ehnciklopediya sovetskoj zhizni. Kommentarij k pesnyam poehta [Vysotsky as an encyclopedia of Soviet life. Commentary on the songs of the poet]. 2-e izd., ispr. i dop, Moscow, 2010, 384 p. (In Russ.).

Е.И. Жукова

ЗАРИФМОВАННАЯ МОСКВА ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

AO «Телекомпания НТВ», Российская Федерация, 127427, Москва, ул. Академика Королева, 12

Москва и топонимы, связанные с ней, занимают существенное место в поэзии В.С. Высоцкого. В статье проанализированы данные топонимы, прослежены параллели с общей картиной творчества поэта, выявлены закономерности в рифмовке московских топонимов. Рассмотрено, как отображены московские реалии в конце стиха, какие именно места столицы наиболее значимы для лирических персонажей. Отмечены различия разных периодов творчества Высоцкого в этом плане: топонимы в ранних песнях резко отличаются от более поздних. Примечательна экспрессивность рифм: в ударной позиции стиха в рифмопарах с топонимами Высоцкий часто использует яркие запоминающиеся слова и словосочетания. Также немаловажно то, что лексика при этом намеренно сниженная, уводящая от пафоса; намеренно снижать настрой Высоцкому зачастую помогала именно рифма. В плане формальных характеристик «московские» топонимические рифмы у Высоцкого представляют собой довольно нетривиальную картину по сравнению с топонимическими рифмами в его творчестве вообще.

Ключевые слова: Москва; топоним; точная рифма; богатая рифма; ударная позиция.

Владимир Высоцкий, при всем его «кочевом» образе жизни и живейшем интересе ко множеству городов и стран, безусловно оставался москвичом до мозга костей. Москва вместе с ее реалиями в его поэзии занимает безусловно первое место среди топонимов.

Москва и московские топонимы встречаются в основном корпусе текстов [Высоцкий, 1990] Высоцкого 62 раза в 46 произведениях. Заметна тяга топонимов к сильной позиции: из 62 случаев употребления топонимов 42 находятся именно в конце стиха.

Как отображены московские реалии в сильной позиции стиха — в конце строки? Высоцкий вообще широко использует в своем творчестве эмфатические свойства рифмопар, это позволяет ему ставить в ударную позицию яркие, запоминающиеся пары слов, броские

Жукова Елена Игоревна — канд. филол. наук, редактор АО «Телекомпания HTB» (e-mail: ejulya@yandex.ru).

 $^{^{1}}$ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

словосочетания, привлекающие к себе особенное внимание за счет позиции в строке: Замоскворечье — увечья, Таганку — баранку, Мнёвники — паломники, Нагорной — уборной.

Большая часть топонимов в произведениях раннего творчества Высоцкого оказывается именно в ударной позиции. Само же название города упоминается всего дважды в это время и всего однажды зарифмовано, причем очень интересной внутренней рифмой. Это песня «Зэка Васильев и Петров зэка»:

Куда мы шли — в **Москву** или в Монголию, Он знать не знал, **паску**да, я тем более.

(1, 45)

Здесь внутренняя рифма делит не просто стих, она оказывается в середине слова «nacky/da», и рифма эта — богатая, но неточная, что не слишком характерно для топонимических рифмопар поэта. Высоцкий, исполняя эту песню, непременно делал здесь паузу для подчеркивания внутренней рифмы, которая создавала дополнительный комический эффект.

А вообще рифмы на топоним Москва у Высоцкого достаточно простые (Mocкве-голове, Mocквой-свой), точные и богатые, но не слишком выразительные сами по себе.

Поэт упоминает не только улицы, переулки, площади Москвы. Его герои — и москвичи, и гости столицы — хорошо знакомы со всеми знаковыми местами города. Гости столицы, как им и полагается, знают о существовании Большого театра, ГУМа и ЦПКиО. Остальные места — удел местных жителей. И, как правило, это жители «из низов», герои главным образом раннего творчества Высоцкого.

Интерес героев его ранних песен высок именно к широко известным местам города: Большой театр и Малую спортивную арену обещает подарить своей возлюбленной герой песни «О нашей встрече» (1, 66), «Петровка, 38» (МУР) мешает жить герою песни «Вот раньше жизнь...» (1, 71), а «весь Савеловский вокзал» вспоминается персонажу песни «Я был душой дурного общества» (1, 19). Рифмы здесь сочные, экспрессивные: Большой театр — гад, арену — измену, вокзал — пренебрегал.

Такая топонимика песен раннего периода тесно связывает героев с их местом обитания, с их городом. В поэзии Высоцкого, и прежде всего раннего периода, московские топонимы представляют собой «контурную карту, на которую накладывается действие» [Рогалев, 2003: 11]: герои перемещаются от одного широко известного места Москвы к другому, от Ордынки до Марьиной рощи.

Не всегда топонимы у Высоцкого обозначают то, что указано на карте. Чтобы понимать их смысл, надо знать историю Москвы.

Так, Бутырский хутор и Таганка, упомянутые в песне «Эй, шофер, вези — Бутырский хутор...» (1, 48), не могут однозначно трактоваться как районы Москвы: герой подразумевает под этими словами совершенно конкретные места — не всякие районы или улицы, а именно те, где находятся известные тюрьмы.

Москвичи из более поздних произведений, таких, как «Мишка Шифман» и «Милицейский протокол», живут, в отличие от героев ранних песен, не в центре, а на дальних окраинах, буквально во вчерашних деревнях, только-только вошедших в состав Москвы: это Мневники, Химки, Медведково (Медведки), причем обыденность их местожительства подчеркнута рифмами: детки - Med ged ku, Mhe ghuku - paduon puemhuke (1, 400).

Автобиографические указания в основном корпусе песен и стихотворений (стихотворения «на случай» не рассматривались) очень скудны, это места детства — «дом на Первой Мещанской в конце» (1, 475) и Большой Каретный. В рифмовке поэт здесь не нуждается, они, по-видимому, и без того, с его точки зрения, сильно выделяются: название Большой Каретный просто повторяется в трех стихах каждой строфы, а Первая Мещанская помещена в середину стиха, и ударная позиция достается местоположению дома: в конце, в паре с на подлеце.

Интересно то, что почти везде рифмы к московским топонимам подобраны подчеркнуто снижающие настрой — словно бы в пику бытовавшему тогда пафосу в отношении к «кипучей, могучей», «сердцу Родины моей». Нетерпимость к пафосу отмечали многие друзья Высоцкого, очень емко это в своих воспоминаниях описала и Нина Максимовна Высоцкая, мать поэта: «Он любил говорить: «Людям должно быть хорошо». — Именно, «людям». Чтобы не так высокопарно звучало» [Высоцкая, 2009: 60].

Что касается формальных характеристик московских топонимических рифм Высоцкого, то здесь они, как ни странно, расходятся с общей картиной топонимических рифм. Преимущественно точность таких рифм у Высоцкого невысока ^{2} , намного ниже, чем в общей картине рифм в его поэзии. Однако московские топонимы тяготеют к высокой точности и богатству, что соответствует картине рифмовки раннего творчества поэта.

Итак, рифмопары с московскими топонимами в творчестве Высоцкого встречаются преимущественно в раннем творчестве; в более поздние периоды упоминается в основном только название города, а улицы, районы и примечательные места столицы встречаются по большей части в песнях и стихотворениях 1961—1964 гг.

² См. об этом: [Жукова, 2016: 139–146].

Их стиховые характеристики обычны для Высоцкого в то время, но при этом рифмы — яркие, экспрессивные, поэт пользуется ими для конкретизации образов своих героев, привязки их к определенным жизненным реалиям.

Московские топонимы используются Высоцким в песнях в ярких и выразительных рифмопарах, таким образом, что кажется, будто поэт в своем творчестве сумел описать практически всю столицу. Но на самом деле Высоцкий упоминает главным образом наиболее известные места Москвы, к тому же «приличествующие» именно лирическим персонажам его песен: Бутырка, Таганка, Пресня, Садовое кольцо. Кроме того, он не забывает и «автобиографические» места: Малюшенка, Переяславка, Первая Мещанская, Большой Каретный, — по которым можно проследить наиболее дорогие и близкие поэту места Москвы, что подтверждают и воспоминания друзей его детства.

Символично-пророческой оказалась рифма из песни «У меня было сорок фамилий» (1, 34): *Петровских ворот* — народ. Одним из народных памятников Высоцкому стал памятник именно «у Петровских ворот» — в конце Страстного бульвара. Но это уже можно отнести разве только к мистической стороне поэзии.

Список литературы

Высоцкая H.М. «Дом на Первой Мещанской — в конце» // Высоцкий: исследования и материалы: В 4 т. Т. 1: Детство. М., 2009. С. 5–65.

Высоцкий Владимир. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. 640 с.; т. 2. 544 с.

Жукова Е.И. Рифма как выразительное средство для реализации топонимики В.С. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2015—2016. Воронеж, 2016. С. 139—146.

Рогалев А.Ф. Ономастика художественных произведений: Пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений. Гомель, 2003. 194 с.

Elena I. Zhukova

MOSCOW IN VLADIMIR VYSOTSKY'S RHYMES

NTV Broadcasting Company, Russian Federation, 127427, Moscow, Akademika Koroleva str., 12

In the article there are analyzed the toponyms related to Moscow in the poetry of V. Vysotsky, the parallels with the general picture of his works are traced, the patterns in the rhymes of the "Moscow" toponyms are detected. There is analyzed

the expressiveness of rhymes, noted the memorable words, which are used in pairs with the toponyms. In fact, Vysotsky used the most famous names of streets and other places of Moscow, meanwhile he tried to avoid any hint of official pathos with regard to the Soviet capital. His rhymes mostly helped him in achieving this goal. According to the formal characteristics of "Moscow" toponymic rhymes we can predicate, that they don't coincide with other toponymic rhymes in Vysotsky's poetry.

Key words: Vysotsky; Moscow; rhyme; toponym.

About author: *Elena I. Zhukova* — Candidate of Philology, editor in NTV Broadcasting Company (e-mail: ejulya@yandex.ru).

References

- Vysotskaya N.M. "Dom na Pervoy Meshchanskoy v kontse". *Vysotsky: issledovaniya i materialy*: v 4 t., t.1: Detstvo, M., 2009, ss. 5–65.
- Vysotsky Vladimir. Sochineniya: V 2 t., t. 1, M., 1990, 640 s.; t. 2, 544 s.
- Zhukova E.I. *Rifma kak vyrazitelnoe sredstvo dlya realizatsii toponimi-ki V.S. Vysotskogo, Vladimir Vysotsky*: issledovaniya i materialy 2015–2016, Voronezh, 2016, ss. 139–146.
- Rogalev A.F. *Onomastika hudozhestvennyh proizvedeniy*: Posobie dlya studentov filologicheskih spetsialnostey vyisshih uchebnyih zavedeniy. Gomel, 2003. 194 s.

С.И. Кормилов

«ПРО ДИКОГО ВЕПРЯ» КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ВЫСОЦКОГО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Песня Владимира Высоцкого «Про дикого вепря» (1966) — его первая сказка, шуточная, но с серьезным подтекстом. Она концентрирует характерную для выдающегося барда поэтику неожиданности, допускающую обилие ассоциаций, но не двусмысленность. Герой — своего рода диссидент, который выше всего ценит собственное достоинство и независимость. Подобные герои потом появляются во многих песнях Высоцкого. «Про дикого вепря» — произведение, репрезентативное для них также ролью диалога, минимальной в шуточных песнях баталистикой, «смешанной» стилистикой и необычной метрикой с отступлениями в анакрузах.

Ключевые слова: песня шуточная и серьезная; кабан; король; стрелок; антифеминизм; баталистика; диалог; неожиданность.

Песня «Про дикого вепря» [Высоцкий, 1997: 104-105] ¹ написана в 1966 г. и сразу получила широкую известность. Автор настоящей статьи, тогда еще школьник, услышал от одноклассника одну строчку из нее: «Чуду-юду я и так победю!» Ни сюжет, ни мелодия не были переданы, неизвестной оставалась даже фамилия автора, но строчка, воспроизведенная со смехом, поразила своей небанальностью, неожиданностью. Песни исполняются для слушателей, следовательно, это общественный жанр, а тут — комическое искажение языка, что для всем привычных песен было неслыханно: «чуду-юду», как будто это женский род, а не средний, несуществующая форма «победю». Кому-то, значит, можно так делать. Или он свободно делает то, чего нельзя.

Впечатление от одной строчки было настолько сильным, что потом не запомнилось несравненно более существенное: ни когда узнал фамилию Высоцкий, ни когда впервые услышал с магнитофона его песни целиком², в том числе «В королевстве, где все тихо и складно...»,

Кормилов Сергей Иванович — докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: profkormilov@mail.ru).

¹ Далее страницы этого издания указываются в круглых скобках.

² Во всяком случае это было до появления на экранах фильма Ст. Говорухина «Вертикаль», где прозвучали не шуточные, с которых Высоцкий начинал, а серьезные песни на альпинистские темы («Скалолазка» в фильм допущена не была). «Песня о друге», своим дидактизмом родственная еще не додавленной «оттепели», тогда

исполнявшуюся без названия — потом появление в печати «дикого вепря» удивило, казалось, что Высоцкий произносил «зверь», а не «вепрь» (возможно, так и было в некоторых записях) — это на первый взгляд нелогично ввиду уточнения «То ли буйвол, то ли бык, то ли тур»: три родственных вида животных приравнивались к одному неродственному, обозначение которого нужно было считать главным. Но по размышлении поэтическая логика становится понятна. Все три крупных рогатых животных травоядны, а свиньи, в том числе дикие (кабаны), всеядны и не откажутся ни от курятины, ни от человечины («Съел уже почти всех женщин и кур <...> Этот самый то ли бык, то ли тур»), в песне «Про любовь в каменном веке» (1969) упоминается «мой дядя, что достался кабану» (с. 218)³. Значит, у Высоцкого именно вепрь, но огромной величины, с большого быка. Собственно, каждый из трех названных крупных рогатых — бык, но автор использовал градацию: буйвол — животное мирное и притом медлительное, наиболее привычного быка легко разъярить, а тур — дикий бык, особенно опасный.

«Про дикого вепря» — первая у Высоцкого песня-сказка, и, как положено в сказке, здесь важен принцип тройственности и шире — вообще повторности. После сопоставления вепря с тремя видами быков сообщается, что для противодействия ему «король тотчас издал три декрета», хотя излагается одно их содержание: «Зверя надо отодеть наконец! // Вот кто отчается на это, на это, // Тот принцессу поведет под венец» (в данном варианте «тотчас» и «наконец» противоречат друг другу, на пленке, помнится, было «И тогда король издал...»). Вообще-то короли издают не декреты, а указы, декреты стал издавать большевистский совнарком во главе с Лениным. Конечно, никакой аллюзии тут нет, просто в песне-сказке объединены различные речевые пласты: уже с самого начала среди нейтральных слов появляется современно звучащее слово «катаклизмы», потом стрелок требует от короля в награду за будущий подвиг не какого-нибудь зелена вина, а «портвейну бадью», и подразумевается, несомненно, не прекрасное крепленое португальское вино, мало известное в России, а дешевый отечественный напиток средней крепости, который пьяницы пили, когда на водку не хватало. Но это норма для литературных сказок, смешивающих реалии разных времен и стран. В песне Высоцкого не уточняется, из чего герой стреляет — из лука, арбалета или ружья, указаний на время действия нет, можно домысливать что угодно. Стрелок «в бесшабашной жил тоске и гусарстве». Гусары в разных странах существовали несколько веков,

попала даже в телевизионный концерт, но без имени автора. Другие песни представлялись с фамилиями композитора, поэта и исполнителя, и вдруг объявлялась просто «Песня о друге», трое певцов становились спиной друг к другу и внушали: «Если друг оказался вдруг...» (с. 110).

³ Однако в «Охоте на кабанов» того же 1969 г. с припевом «<...> Любим мы кабанье мясо в карбонате, // Обожаем кабанов в окороках» (с. 223, 224) уже кабаны выступают жертвами людей.

особой лихостью («гусарством») прославились в XIX, но никаких других указаний именно на этот век нет. Тюрьма, которой король грозит стрелку, обозначена нейтральным словом (не средневековая «темница»). Смешаны и лексика, и черты национальных колоритов. Дома у стрелка «пили мёды» — русский средневековый напиток, но на Руси не было ни королей, ни принцесс, ни трубадуров.

Впрочем, таких «трубадуров», как у Высоцкого, не было нигде и никогда. Вряд ли он не знал, что это не какие-то «трубодулы», вестники, дующие в трубу, а средневековые провансальские поэты. Правда, ошибочное словоупотребление у него встречается. В «Песне студентов-археологов» (1964) студент «Федя очень был настроен // Поднять археологию на щит» (с. 73), в «Марше шахтеров» (1970/1971) за призывом «Вперед и вниз!» следует гордое утверждение «Мы будем на щите» (с. 253), между тем как античные воины на щите выносили с поля боя тела убитых, а победители оставались «со шитом». «В далеком созвездии Tav Кита» (песня 1966 г.) у его жителей «таукитов // В алфавите слов // Немного» (с. 102), но алфавит состоит из букв. а не слов. Если здесь неправильные словоупотребление и ударение можно списать на отнюдь не интеллигентную речь комического космонавта, то этого нельзя сделать по отношению к слову «обитель» как обозначению не монастыря, а всякого места обитания: «Какойто грек нашел Кассандрину обитель» («Песня о вещей Кассандре», 1967, с. 139), «Небо — моя обитель» («Песня самолета-истребителя», 1968, с. 179). Правда, такое расширительное значение слова, похоже, распространяется. Но обращение «ваша честь» положено адресовать судье, а не шулеру («На стол колоду, господа...», 1968, с. 166)⁴. И все же «трубадуры» скорее всего — другой случай. Это сознательное коверканье языка ради комического эффекта, как и слова «огромадный», «убег», падежная форма «чуду-юду» и форма грамматического времени «победю». Хотя анаграммы в поэзии, особенно нового времени, вещь сомнительная, можно предположить, что Высоцкий создал неологизм из слов «труба» и «дура», оскорбительного вообще и для мужчин в наибольшей степени (например, в романе Н.С. Лескова «Некуда» доктор Розанов говорит кандидату юридических наук Юстину Помаде: «Дура ты. Помада, право, дура. и дураком-то тебя назвать грех» [Лесков 1989: 104]). Предположить можно потому, что далеко не сразу Высоцкий стал таким певцом любви к женщине, как в «Балладе о Любви» (1975) и стихотворениях, обращенных к Марине Влади. Сначала, по крайней мере в основном корпусе песен, женщины фигурируют у него только в негативном

⁴Хотя это не сказка, здесь и национальный колорит не выдержан. В припеве «в это время Бонапарт // переходил границу» (с. 167–169), т.е., по-видимому, вторгался в Россию, между тем герой приглашает в секунданты барона и виконта (с. 167). Титул барона больше характерен для Франции, чем для России, титул виконта — чисто французский.

плане. Конечно, надо учитывать специфическую «любовную тематику (любовь хулигана) — <...> масса песен Высоцкого посвящено этому, чуть ли не каждая вторая среди "блатных". Показателен образ гулящей молодой женщины: в "околокриминальных" песнях артиста почти все девушки "не тяжелого" поведения» [Гавриков, 2016: 93].

«Про дикого вепря» — квинтэссенция творчества Высоцкого уже потому, что в ней герой посрамил самую желанную для других невесту, дочь короля, очевидно, стоившую этого. Впервые в как будто положительном свете женщина появляется лишь в песне 1967 г. «Ой, где был я вчера», да и то песня эта юмористическая; разбушевавшегося в пьяном виде героя «пожалела» и «взяла к себе жить» «молодая вдова», думавшая, что «живем однова» (с. 142, 141), подразумевая скорее свою, чем его, жизнь: какой-никакой, а сожитель для, видимо, привыкшей к мужской ласке вдовы. Правда, в том же 1967 г. появляется первая серьезная песня Высоцкого о любви «Дом хрустальный» (с. 155). Но если брать весь основной корпус песен 1960-х годов, то текстов с более или менее положительным отношением к женщинам оказывается 10 включая «Песню о вещей Кассандре» (речь идет об отношении автора, а не персонажей) и «Семейные дела в Древнем Риме» с упоминанием «гетерочки» (с. 219), которая ублажит Марка-патриция (с. 138–139, 141–142, 155, 176, 191–192, 192-193, 197-198, 212, 219, 229-230), а текстов с отрицательным отношением $^5 - 33$ включая те же «Семейные дела в Древнем Риме», где Марк намучился со своей «почтенною матрёною» и поминает заодно ее «сестру-мегерочку» (с. 218, 219), т. е. в итоге в 3.3 раза больше (c. 18, 21, 23, 26, 27–28, 34, 45, 52, 54, 68–69, 70, 72, 76, 80, 84, 86, 88 и 88, 92, 103, 105, 116–117, 124, 156, 161, 162–163, 172, 188–189, 208, 217-218, 218-219, 221, 222-223). Правда, очевидно, что со временем антифеминистский настрой убывает, и это связано как с любовью к Марине Влади (из трех своих жен бард весьма несправедливо поэтически выделил одну последнюю), так и со сближением ролевого и лирического героя у Высоцкого: «Уже в 1968—1969 годах дистанция между автором и героем начинает сокращаться; все чаще первый наделяет второго чертами, близкими ему самому» [Кулагин, 1998: 581. Впрочем, из воспоминаний М. Влади известно, что их личные отношения были далеко не безоблачными.

Но содержание песни «Про дикого вепря», разумеется, несводимо к антифеминизму. Его герой — вроде диссидента, «бывший лучший, но опальный стрелок». Эта строка употреблена дважды на 40 строк (10 четверостиший), как, с другой стороны, и слова короля «Тот принцессу поведет под венец» — «То принцессу поведешь под венец».

⁵ Великодушный герой песни «Тот, кто раньше с нею был» (1962) прощает неверную возлюбленную, которая «не дождалась» (с. 26) его, отбывавшего срок, но положительной героиней ее из-за этого считать нельзя, как и наводчицу в одноименной песне (1964), хотя герою ее «очень хочется!» (с. 52).

На первый взгляд, функции этих повторов противоположны: автор выделяет своего необычного положительного героя совпадающими зачином и концовкой рассказа о нем, а король повторяется, так как он неоригинален, банален. В его повторяющихся «лекретах» повторяется даже указательное местоимение «это», и только неоригинальностью короля можно объяснить тот факт, что «декретов» целых три с одним и тем же содержанием. Но функциональная противоположность повторений здесь относительна, ведь определения «бывший лучший, но опальный» принадлежат не собственно автору, а тоже королю ^{6} , который высокомерно считает, что если стрелок опальный. то уже и бывший лучший. На самом деле, как показывает автор, стрелок и считает себя, и действительно остается лучшим. Повторение «на это, на это» еще можно объяснить и кашлем короля-астматика, продиктовавшего свои «декреты». Они были записаны дословно трусливыми подданными, на которых король «только кашлем сильный страх наводил». Конечно, он не мог не подвергнуть опале бесстрашного стрелка, врагом которого он является больше, чем вепрь. Тот «коих ел, а коих в лес волочил» (наряду с модернизацией речи встречается элемент архаизации: «коих»), и люди короля — «трубадуры» — «хвать стрелка и во дворец волокут».

Вопреки сказочной традиции главное противоборство развертывается не между добрым молодцем и чудовищем (этому неожиданно посвящен лишь один неполный стих, простая констатация факта: «Чуду-юду уложил»), а между ним и королем. По сути, половина песни представляет собой экспозицию к этому главному противостоянию — пятый куплет (из 10) заканчивается сообщением о том, что стрелка «во дворец волокут». При такой экспозиции возникающий конфликт выглядит особенно неожиданно. «И король ему прокашлял <...>». Но если на остальных он «только кашлем сильный страх наводил», то опальный стрелок никого и ничего не боится и принцессу наградой не считает, ему вовсе не лестно войти в королевскую семью. Свою независимость он ценит гораздо выше. Стрелок открывает ряд таких героев-одиночек, как олицетворенный «Як», истребитель, который не хочет быть «покорным» (с. 180) своему пилоту, прыгун в высоту, достигший вершины благодаря тому, что оттолкнулся не левой, как положено, а правой ногой (с. 248), или прыгун в длину, заступающий за черту, но прыгающий дальше всех (с. 262), иноходец. который «согласен бегать в табуне — // Но не под седлом и без узды!» (с. 249), канатоходец, который «без страховки идет» (с. 321–322), или волк, спасшийся от охотников, потому что осмелился перепрыгнуть через красные флажки (с. 465). Такой герой может погибнуть, как канатоходец, истребитель «Як» и «тот, который не стрелял» (с. 340–341) в расстреливаемого рассказчика, но смерть подтверждает его героизм или моральную победу. Все эти произведения предваряет «Песня о

⁶ Точнее, это «двухголосое слово» [Бахтин 1979: 219–236].

сентиментальном боксере», написанная в один год с «Чудой-юдой» и, по-видимому, раньше, — этот необычный боксер с детства не мог «бить человека по лицу» (с. 97) и тем не менее победил на ринге. Но в данном случае песня в большей степени шуточная, чем «Про дикого вепря». В последней комически выражалось уже серьезное содержание. Стрелок, как и герои «чисто» серьезных песен, мог погибнуть, и не столько от клыков или рогов чудовища, сколько из-за злобы оскорбленного, опозоренного короля. Вряд ли во всей мировой словесности мы найдем столь насыщенную действием строчку (одну-единственную!): «Чуду-юду уложил и убег...» Таким образом, в одной строчке одержал две победы: убил вепря и второй раз победил короля. Сначала победил в споре, потом — не дав ему отомстить себе за унижение. Парадоксально, но бегство стрелка-диссидента становится его третьей победой (опять сказочная тройственность). Наверно, в скором времени и реальные советские диссиденты, если им удавалось самоутвердиться за границей, начинали чувствовать себя победителями. Например, Иосифа Бродского выставили из СССР, где его не печатали, а в эмиграции он прославился, стал нобелевским лауреатом, в сущности опозорив тех, кто его преследовал на родине, используя рычаги власти. Талант, бесстрашие и верность себе выше власти — такова идея песни Высоцкого.

В отличие от сказок, фольклорных и литературных, он в своих сказках не дает развернутых батальных сцен. В «Сказке о несчастных сказочных персонажах» (1967) поединок Ивана с семиглавым змеем, почти как в «Чуде-юде», представлен чрезвычайно кратко: «Тут Иван к нему сигает. // Рубит головы спеша» (с. 151), неизвестно даже. успело ли «бедное животное» вынуть «все главы свои» из фонтана. Меч-кладенец упоминается не как умершвляющий змея, а как угрожающий Кощею: «И к Кощею подступает, // Кладенцом своим маша» (там же). Однако тот погибает не от меча и не от какой-нибудь иглы. которую бы нашли в ларце и яйце, а от современных для нас речей Ивана: «Но Иван себя не помнит: // «Ах ты, гнусный фабрикант! // Вон настроил сколько комнат, — // Девку спрятал, интриган! // Я закончу дело, взявши обязательство!..» — // И от этих-то неслыханных речей // Умер сам Кощей, без всякого вмешательства, — // Он неграмотный, отсталый был Кощей» (с. 152). Иван же, как передовик, принимает обязательство и, как обитатель коммуналки, жилье воспринимает в категории комнат, а не домов и дворцов.

В «Песне-сказке о нечисти» (1966 или 1967) баталистика тоже минимальная: «Билась нечисть грудью в груди / и друг друга извела» (с. 120). Зато развернуты диалоги, споры. Высказывания персонажей есть и в несказочной «Песне о нейтральной полосе» (1965), где чуть более подробно показана гибель от пуль пограничников с двух сторон (с. 78). Исполнялась она как более или менее шуточная. По-видимому, сын офицера — участника войны — слишком

серьезно относился к боям, чтобы над ними зубоскалить, описывать их комически. Другое дело — драматические и трагические песни о Великой Отечественной войне. Детально описан последний бой истребителя «Яка» (с. 179—180). Единство изобразительного и выразительного присутствует в песнях «Сыновья уходят в бой» 1969 г. (с. 215—216) и «Мы вращаем землю» 1972 г. (с. 330—331). В песне «Случай в ресторане» (1967) изображения битвы под Курском нет, но есть ее переживание капитаном и его молодым собеседником (с. 124—125). Главную роль здесь играет диалог, как и в сказке «Про дикого вепря». Но в «Случае...» на конфликт нарывается старший, в «Чуде-юде» — младший, который в нем и ведет. Спор начинает он. «От автора» сказано: «И пока с им так король препирался <...>» — не стрелок с королем, а король «с им». Ведущей фигурой стал стрелок, король тщетно пытается настоять на своем — всучить ему собственную дочку. В споре стрелок и одерживает главную победу.

Прямой речи персонажей и диалогов в песнях Высоцкого больше, чем в отнюдь не напевных ранних стихах Ахматовой, поразивших современников столь необычным для лирики качеством. Стихотворный ритм гораздо более выровненный и монотонный, чем ритм прозы, интонация упрощена, нивелирована, поэтому в немногословной лирике прямая речь и тем более диалоги — нечто из ряда вон выходящее. А в песнях особенно, там знаки препинания «не звучат». Например, припев «Надежды» Александры Пахмутовой первоначально исполняли так: «Надежда — мой компас земной, // Удача — награда за смелость <...>», отчего слова «компас», «удача» и «награда» воспринимались как однородные члены, «через запятую». Это искажало смысл. И тогда певцы, ломая размер (что компенсировалось мелодией), стали добавлять противительный союз: «А удача — награда за смелость <...>». Тире «зазвучало», смысл восстановился. Этот прием широко применял Высоцкий. Но не только его. Высоцкий и в песнях — прежде всего актер. Эти песни чрезвычайно богаты интонационно, и диалоги в них совершенно не «теряются». В данном отношении «Про дикого вепря» тоже является квинтэссенцией творчества Высоцкого. Раньше он мало использовал диалоги: «Наводчица», 1964 (с. 52); «Счетчик щелкает», 1964 (с. 53); «Попутчик», 1965 (с. 79). После «Вепря» прямая речь и диалоги появляются гораздо чаще. В пределах 1960-х годов: «Случай в ресторане», 1967 (с. 124–125); «Пародия на плохой детектив», 1967 (с. 127-128); «На стол колоду, господа...», 1968 (с. 166-168); «Ноль семь», 1969 (с. 197–198); «Песенка о слухах», 1969 (с. 205–206); «"Рядовой Борисов!" — "Я!" — "Давай, как было дело!" ...», 1969 (с. 207–208), «Старательская (Письмо друга)», 1969 (с. 209–210); «Про любовь в эпоху Возрождения», 1969 (с. 221-222). В песне «Он не вернулся из боя» (1969) отсутствие диалога окрашено трагизмом: «Нынче вырвалась, словно из плена, весна. // По ошибке окликнул его я: // «Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина... // Он вчера не вернулся из боя» (с. 213). 1970-е годы начались с песни «Нет меня — я покинул Расею...» (с. 232—233), пронизанной имплицитными и явными диалогами. «Диалог у телевизора» (1973) точно соответствует заглавию.

Неожиданные концовки или повороты сюжета были и до «Вепря». Прятавшийся в тылу сверстник рассказчика вдруг оказался Героем Советского Союза («Про Сережку Фомина», 1964, с. 47). Раненый не знает, действительно ли ему отрезали ногу, как говорит «сосед, что слева»: «Умолял сестричку Клаву // Показать, какой я стал... // Был бы жив сосед, что справа, - // Он бы правду мне сказал!..» («Песня о госпитале», 1964, с. 55, 56). Женщина готова была отдаться рассказчику, но он «сказал: "За сто рублей согласен, — // Если больше — с другом пополам!"» Конечно, «она обиделась — ушла». Однако это не все: «...Через месяц кончились волненья — // Через месяц вновь пришла она, — // У меня такое ощущенье, // Что ее устроила цена!» («Я любил и женшин и проказы...», 1964, с. 57. 58). Увлеченный археолог Федя «все углы облазил — и // В Европе был, и в Азии — // И вскоре раскопал свой идеал. // Но идеал связать не мог // В археологии двух строк, — // И Федя его снова закопал» («Песня студентов-археологов», 1964, с. 74). Попутчик в одноименной песне 1965 г. оказался доносчиком: «Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, — // Он бы хрен доехал до Вологды!» (с. 79). Противник сентиментального боксера, который не отвечал на его удары, «сам лишился сил, — // Мне руку поднял рефери, // Которой я не бил» (с. 98). Герой «Песни о конькобежце на короткие дистанции...» (1966) не выдержал длинной к негодованию тренера, но переквалифицировался в борца и боксера: «Все вдруг стали очень вежливы со мной, // И — тренер...» (с. 99). Неожиданное, но логичное сравнение появляется в концовке «Песни про уголовный кодекс» 1964 г.: «И сердце бъется раненою птицей, // Когда начну свою статую читать, // И кровь в висках так ломится-стучится, // Как *мусора*, когда приходят брать» (с. 51).

А все-таки после «Вепря» такого или подобного заметно больше. Неожиданным и вместе с тем закономерным предстает выигрыш советских хоккеистов («Профессионалы», 1967, с. 129—130). Письмо колхозницы к мужу Коле, поехавшему на выставку с племенным бугаём (она «к злыдню этому быку» его ревнует), кончается так: «Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно! // Если можешь, напиши — что там продают» («Два письма», I, 1967, с. 136, 137). Кощей Бессмертный и рад бы умереть, да считает, что не может, и все-таки умирает («Сказка о несчастных сказочных персонажах», 1967, с. 152). «Невидимкой», автором анонимки на рассказчика, оказалась неве-

ста, которую он не трогал. Проясняет ситуацию обмен репликами. «Я спросил: "Зачем ты, Нинка?" // "Чтоб женился", — говорит» («Невидимка», 1967, с. 161). Поведение большинства советских людей предсказала концовка песни 1967 г. «Дайте собакам мяса»: «Мне вчера дали свободу — // Что я с ней делать буду?!» (с. 164). В «Пиратской» (1969), чтобы усмирить бунт, «капитан вчерашнюю добычу // При всей команде выбросил за борт» (с. 228). В ряду музыкальных инструментов может быть упомянут предмет, издающий далеко не мелодичный звук: одна из песен 1966 г. начинается куплетом «Один музыкант объяснил мне пространно, // Что будто гитара свой век отжила, — // Заменят гитару электроорганы, // Электророяль и электропила...» (с. 106). По-видимому, автор-гитарист намеренно обессмысливает наставление зануды музыканта.

Примеры легко множить. Но необходимо сделать оговорку относительно качественной стороны неожиданностей. Последний куплет «Случая в ресторане» — про ругающегося капитана и не стерпевшего молодого автобиографического героя: «Он все больше хмелел, я за ним по пятам, — // Только в самом конце разговора // Я обидел его — я сказал: «Капитан, // Никогда ты не будешь майором!»» (с. 125). Тоже неожиданно, как в «Вепре» и многих других песнях. Тем не менее разница существенна. В «Вепре» всё ясно сразу, а в случае с напившимся капитаном еще надо подумать. Скорее всего, капитан не выйдет в старшие офицеры из-за своей ограниченности. Он кричит на молодого человека, который по возрасту никак не мог принять участия в войне, упрекает его заведомо несправедливо. Притом автобиографический герой прекрасно понимает фронтовиков и долго терпит несправедливые упреки. В таком случае симпатии слушателей песни должны быть на его стороне. Другое объяснение: капитан так травмирован войной, что, вспоминая ее, не может не пить, не напиваться, а с этой привычкой карьеру не сделаешь. Иначе говоря, фронтовик, еще будучи старшиной, натерпелся ужасов и теперь не получает справедливого воздаяния. В таком случае симпатии слушателей больше должны быть на его стороне. И самое простое объяснение: возможно, старшину произвели в офицеры при отсутствии у него специального военного образования. Обычно такое бывало в милиции. Новоиспеченный офицер получал редкое звание младшего лейтенанта. После войны бывшему старшине не только до майора, но и до капитана было почти невозможно подняться. Разбирающийся в жизни военных автобиографический герой мог понять, что перед ним простой, необразованный человек, но во хмелю не сумел скрыть ощущение своего преимущества и «обидел его». Допустимо любое предположение. Если принять все, то слушатель должен и сочувствовать обоим собеседникам, и обоих осуждать. Это не двусмысленность, а «многосмысленность». Другое дело — сравнительно ранняя песня про Сережку Фомина. Допустимо положительное объяснение того, что он, во время войны уклонявшийся от фронта, стал Героем Советского Союза. Может быть, всетаки успел повоевать и быстро отличиться, притом блестяще, а его рядовые, обыкновенные сверстники недооценили товарища, плохо о нем думали? Ведь в тылу получить звание Героя было невозможно ни по какому блату: отец-профессор вряд ли был хотя бы настолько влиятелен, чтобы «откосить» сына от армии, разве что состоял в близком знакомстве с влиятельными военными врачами, которые могли парня комиссовать. Но, наверно, «положительный» финал — это слишком сложно. Скорее всего тут неудачная гипербола Высоцкого: мол, и в тылу трус и прохиндей умудрился получить Героя. Если так, то о многосмысленности говорить не приходится. Слушатель не знает, что думать, а он ведь не напечатанное стихотворение первоначально читал — он слушал песню, как правило, во время концерта (или с записи концерта); Высоцкий переходил к другой песне, не давая слушателям времени на обдумывание предыдущей. Вот «Про ликого вепря» — удачное сочетание неожиданности и ясности.

Песня написана разговорным языком, отмеченные искажения свойственны речи простонародья. Но есть и прием, для простонародной речи вовсе не характерный: в качестве однородных членов предложения выступают слова, отнюдь не однородные и даже очень далекие по смыслу. В «Вепре» три таких словосочетания. Первый — «В бесшабашной жил тоске и гусарстве». Уже «бесшабашная тоска» оксюморон, а когда буйствуют, лихачествуют («гусарствуют»), не тоскуют. Но ведь речь идет о незаурядном человеке. Он и в тоске бесшабашен. Пожалуй, даже тоска и заставляет его «гусарствовать», чтобы не опустились руки. Второй случай — «На полу лежали люди и шкуры». Не люди на шкурах, а люди и шкуры. Это можно понимать так, что гости стрелка гуляют от души, допились до такого состояния, при котором до шкур не могут дойти, падают прямо на пол. Другое толкование тоже возможно: стрелок — радушный хозяин, принимает кого угодно, в том числе и таких жадных, желающих угоститься на дармовщинку, что их и людьми назвать нельзя, шкуры они — да и только. Возможно и третье, самое простое толкование: неожиданное словосочетание использовано только для комического эффекта. При возможности этого простого объяснения перед нами не двусмысленность, а как раз «многосмысленность». Третий случай необычного словосочетания — «Съел уже почти всех женшин и кур». Чуда-юда любит мясо понежнее. Но с учетом антифеминистских настроений автора можно вспомнить и распространенное мнение, что у женщин «куриные мозги». Покорные королю жительницы королевства как бы мало отличаются от кур. По-видимому, такова и принцесса. Кроме того, одному чудовищу, даже сколь угодно «огромадному», за время препирательства короля со стрелком можно было съесть половину населения только совсем маленького королевства, такого, что в него входят, словно в деревню или крохотный городок: стрелок живет «как войдешь, так прямо наискосок». Король и предлагает за подвиг не полкоролевства, а одну принцессу. Видно, и впрямь портвейн ценнее, и гонор короля основывается лишь на его официальном статусе. Наконец, опять-таки возможен расчет на обычный комический эффект от необычного словосочетания. Но «многосмысленность» им нисколько не исключается.

В других песнях странные словосочетания тоже встречаются, но, как правило, по одному, и увлекается ими Высоцкий уже после «Дикого вепря»: «Рвусь из сил — и из всех сухожилий» («Охота на волков», 1968, с. 464), «И свято верю в чистоту // Снегов и слов!» («Ну вот, исчезла дрожь в руках...», 1969, с. 203), «Но в опилки, но в опилки // Он пролил досаду и кровь!» («Натянутый канат», 1972, с. 322). В песне 1968 г. «Еще не вечер» три «неоднородных» однородных члена предложения: «Кто с кольтом, кто с кинжалом, кто в слезах» (с. 183), в ранних «Братских могилах» (1964) — даже пять с анафорой: «А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк, // Горящие русские хаты, // Горящий Смоленск и горящий рейхстаг, // Горящее сердце солдата» (с. 65). В «Баньке по-белому» (1968), как и в «Вепре», три необычных словосочетания, но два первых объединены: «Сколько веры и лесу повалено, // Сколь изведано горя и трасс!», «Наглотавшись слезы и сырца» (с. 186, 187).

Редкий размер «Вепря» — авторский логаэд, урегулированный «дольник на четырехсложной основе» (3-стопного пеона третьего). «Дольник» на основе 4-иктного пеона первого был использован в «Песне о нейтральной полосе» (1965, с. 77—78), но неурегулированный. Такой пеон в более чистом виде, но с укороченным последним стихом — в основных куплетах «Песни космических негодяев» (1966, с. 100—101). Размер «Вепря» повторен во втором, мужском, письме из «Двух писем», только со сплошными дактилическими окончаниями («Не пиши мне про любовь — не поверю я...», 1966, с. 137—138). «Чистый» 3-стопный пеон третий был в «Татуировке» (1961, с. 17) и — с чередованием не женских и мужских, как в «Татуировке» и «Вепре», а дактилических и мужских окончаний — в основных куплетах песни 1968 г. «Наши предки — люди темные и грубые...» (с. 185—186). Так что песня про чуду-юду в какой-то мере репрезентативна даже для редких размеров.

Необходимо уточнить: размер (строго говоря, метр) этой песни допускает отступления из-за пяти случаев наращения анакрузы. До «Вепря» такой прием (как и в «Надежде» Пахмутовой, компенсируемый мелодией) у Высоцкого используется постоянно, и практически всегда он определяется смыслом и синтаксисом, без него была бы

нелепица. Например, в «Татуировке» второй стих последнего куплета не пеон третий, а пеон четвертый из-за добавления необходимого здесь противительного союза: «Знаю я, своих друзей чернить неловко, // Но ты мне ближе и роднее оттого, // Что моя — верней, твоя — татуировка // Много лучше и красивше, чем его!» (с. 17). А в строке «Вепря» «Вот кто отчается на это, на это» указательное слово «Вот», нарушающее метр, необязательно и даже излишне, ведь приводится «декрет», где это употребительное в разговорной речи слово неуместно. Тем не менее Высоцкому нужна «разговорность», она снижает стиль «декрета», как и подобное заиканию повторение слова, — автор «встревает» в чужую речь. Во втором случае противительный союз желателен: «Но если завтра победишь чуду-юду», — хотя в принципе смысл не пропал бы и без него. Третий случай: «Ведь это все же королевская дочка!..» По смыслу «Ведь» совсем необязательно, а тем не менее как будто несколько усиливает эмоциональность. В четвертом случае без добавления союза «И» обойтись было, кажется, нельзя: «Съел уже почти всех женщин и кур // И возле самого дворца ошивался». Зато можно было бы заменить «возле» на «у». Но Высоцкий пожертвовал выдержанностью метра, чтобы хоть чуть-чуть, на один слог, удлинить важную для него строку. В пятом случае, как и в первом, добавляется «Вот»: «Вот так принцессу с королем опозорил // Бывший лучший, но опальный стрелок». Это «Вот» не нужно ни метрически, ни по смыслу, необходимое слово здесь — «так», оно вполне могло стоять в начале строки. Все же и здесь поэт предпочел удлинить на слог строку, в которой говорится, по сути, о главном.

Интересно, что из пяти отступлений четыре приходятся на вторую половину песни, не на экспозицию, а на основную часть, центром которой является диалог-спор. Значит, если раньше Высоцкий варьировал анакрузу по необходимости, во имя смысловой связи, то в «Диком вепре» не просто этих отступлений много — они впервые начинают использоваться по-разному и в большей мере творчески. Если внимательно проанализировать последующий материал, может получиться отдельная интересная работа о функциях варьирования анакруз в произведениях Высоцкого. А песня «Про дикого вепря» и в этом отношении выступает квинтэссенцией поэтики его песен и способов их исполнения.

Список литературы

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979. 320 с. *Высоцкий Владимир*. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Песни. 9-е изд., испр. Екатеринбург, 1997. 544 с.; фото.

Гавриков В.А. Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого. Брянск, 2016. 108 с.

Кулагин А.В. Агрессивное сознание в поэтическом изображении Высоцкого (1964—1969) // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. II. М., 1998. С. 52—61.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1989. 672 с.

Sergey I. Kormilov

PRO DIKOGO VEPRJA ("ABOUT THE WILD BOAR") AS THE QUINTESSENCE OF VLADIMIR VYSOTSKY'S SONGWRITING

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Vladimir Vysotsky's song "about the wild boar" (1966) is his first fairy tale, a comic one, but with a serious subtext. It concentrates the poetics of surprise typical of the outstanding bard, allowing an abundance of associations, but not ambiguity. The hero is a kind of dissident, who above all values his own dignity and independence. Similar heroes then appear in Vysotsky's many other songs. "About the Wild Boar" is a work that is also representative of the role of dialogue, the minimal "battle" poetics usual in comic songs, "mixed" stylistics and the unusual metres with deviations in anacruses.

Key words: song of the humorous and serious, wild boar, king, shooter, antifeminism, battle poetics, dialogue, surprise.

About author: *Sergey I. Kormilov* — Doctor of Philology, Professor in the Department of History of the Emergent Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: profkormilov@mail.ru).

References

Bahtin M. Problemy poehtiki Dostoevskogo, 4-e izd, M., 1979. 320 s.

Vysockij Vladimir. *Sochineniya: V 2 t. T. 1: Pesni*, 9-e izd., ispr., Ekaterinburg, 1997, 544 s.; foto.

Gavrikov V.A. Ciklizaciya i kontekstnost' v poehzii Vladimira Vysockogo, Bryansk, 2016, 108 s.

Kulagin A.V. Agressivnoe soznanie v poehticheskom izobrazhenii Vysockogo (1964–1969). *Mir Vysockogo. Issledovaniya i materialy*, vyp. II, M., 1998, ss. 52–61.

Leskov N.S. Sobr. soch.: V 12 t., t. 4, M., 1989, 672 s.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кафедра современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Лобачевского (почти 15 лет кафедрой заведует проф. Л.В. Рацибурская) продолжает традиции научных исследований русского языка в области общего языкознания, стилистики и культуры речи, словообразования и лексикографии, связанных с профессорами кафедры Б.Н. Головиным и В.Н. Немченко. В русле научного наследия Б.Н. Головина (1916—1984) на кафедре развиваются идеи семиотически ориентированного системнофункционального подхода к изучению языка, качественноколичественной интерпретации основных тенденций его развития, а также его новаторской теории терминов языка и терминов речи в рамках терминоведческих исследований. Научные идеи В.Н. Немченко (1928-2013) находят творческое отражение в работах сотрудников кафедры в области русской описательной дериватологии, теории вариантности слова, учебной лексикографии и терминографии. В настоящее время на кафедре исследуются активные процессы в словообразовании и лексике, языковая специфика медийных и рекламных текстов, когнитивные аспекты языка (последние связаны прежде всего с теорией языковых аномалий, механизмами языковой концептуализации мира, лингвокультурологическим анализом ключевых концептов национальной культуры). За последние годы преподаватели кафедры издали ряд монографий, справочников и учебных пособий, в том числе: Новые тенденции в русском языке начала XXI в.: Коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов. 4-е изд. М., 2016; Специфика современного медийного словотворчества: Учебное пособие / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова. М., 2015; Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: Учебное пособие. М., 2012; Она же. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. 3-е изд. М., 2018; Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. 4-е изд. М., 2016; Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.,

2017; Рацибурская Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. М., 2009; Она же. Современный русский язык. Морфемика: Учебное пособие. М., 2013 (в соавторстве с Н.А. Николиной); Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учебное пособие. 5-е изд. М., 2017 (в соавторстве с Н.Е. Петровой); Щеникова Е.В. Функциональные стили: Учебное пособие. 3-е изд. М., 2017.

Мы публикуем статью авторского коллектива сотрудников кафедры об актуальных процессах в русском словообразовании.

От редколлегии Е.В. Петрухина

Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Н.А. Бакич, Е.А. Жданова, В.А. Торопкина, Е.В. Щеникова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

В статье исследуется проблема интерпретации и оценки словообразовательных процессов и их результатов в русском языке как отражения определенных социокультурных, когнитивных и коммуникативных приоритетов. На материале новообразований в СМИ и рекламе выявляются специфика способов языковой концептуализации мира, социальная обусловленность неодериватов, словообразовательная специфика номинаций в сфере нейминга, функционально-прагматический потенциал словообразовательных неологизмов узуального и неузуального характера. Особое внимание уде-

Радбиль Тимур Беньюминович — докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: timur@radbil.ru).

Рацибурская Лариса Викторовна — докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: racib@yandex.ru).

Бакич Надежда Александровна канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: nasa85@ yandex.ru).

Жданова Елена Александровна — старший преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru).

Торопкина Валентина Александровна — аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: tva94@rambler.ru).

Щеникова Елена Викторовна — канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: shen1@yandex.ru).

ляется игровой функции новообразований, и в частности обыгрыванию прецедентных феноменов; использованию разного рода графических элементов; экспрессивно-оценочным возможностям новообразований. Рассматриваются социокультурные аспекты фиксации новообразований в лексикографических источниках.

Ключевые слова: словообразование; масс-медиа; реклама; когнитивистика; прагмалингвистика; коммуникация; словообразовательная игра; лексикография.

Введение

Проблема интерпретации и оценки новых явлений в русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется крайне востребованной. Язык пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром, все попытки «заглянуть в себя», язык незримо присутствует в системе наших жизненных установок, в нашей сфере ценностей, язык определенным образом окрашивает и интонирует всю нашу познавательную и ориентационную деятельность (см. подробнее: [Радбиль, 2017: 24]). Не случайно А.Д. Шмелев замечает, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [Шмелев, 2011: 93].

Словообразовательная сфера языка представляет собой наиболее динамичную зону языковой системы, активные процессы в области которой позволяют диагностировать концептуальное содержание и прагматическую направленность изменений, происходящих в русском языке последних лет под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей.

«Динамические процессы в словообразовании связаны с общими языковыми изменениями, вызванными социально-экономическими и политическими преобразованиями в российском обществе в конце XX и начале XXI вв.» [Петрухина, 2010: 424]. К таким изменениям, усиливающимся в связи с развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, ученые относят ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, жаргонизацию языка, расцвет языковой игры и др.

Во многом эти изменения обусловлены активной экспансией заимствований, главным образом — из английского языка. Однако, оценивая в целом активные процессы в современной русской речи последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что, в плане именно способов языковой концептуализации мира, русский язык

окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей.

Таким образом, очевидна необходимость в комплексном описании, интерпретации и осмыслении основных векторов в динамике развития деривационных процессов в русском языке последних лет с позиции лингвокогнитивного, лингвокультурологического и лингвопрагматического подходов.

1. Отражение процессов культурной апроприации заимствований в современном русском словообразовании

Мы исходим из того, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода «переиначивание» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения. «Знаковые» в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира, о чем свидетельствуют особенности семантического и деривационного освоения в русском языке заимствованной номинации, а именно — образование окказиональных дериватов по типично русским моделям экспрессивного словообразования на базе иноязычных основ.

Например, зададимся вопросом, в какой мере воспринимается как заимствованная такая лексема, как аугментатив безлимитище? Совершенно очевидно, что, несмотря на наличие формально иноязычного корня, сам характер деривации этого слова с размернооценочным суффиксом -ищ- на базе исходного (тариф) без лимита через ступень от окказионализма безлимит свидетельствует о его вхождении в типично русские модели номинации ситуации. Возможно, имеет смысл говорить о формирующейся в русском языке словообразовательной модели, когда на основе предложной группы с предлогом без образуется не только прилагательное (безлимитный), но и существительное (безлимит).

В результате у слова *безлимитище* мы видим сложный и нерасчлененный комплекс смыслов, с одной стороны, одним словом как бы схватывающих целый фрейм — систему опций и преференций при приобретении телефонного тарифа, а с другой, — регламентирующих для говорящего и адресата определенное отношение к этому объекту номинации, вписывающих его в систему ценностных установок сложной природы (здесь можно видеть чрезмерную гиперболизацию и даже гипертрофию эмоциональной реакции

на в общем-то нейтральный объект, какую-то неформальность и «свойскость», делающую изначально внеоценочный денотат чем-то близким, родным).

Очевидно, что носители языка в своей речевой практике как бы присваивают (по словам Э. Бенвениста) иноязычные элементы как знаки инокультурного бытия. Любопытно в этом смысле слово смайлик, которое в общем даже совсем не похоже на заимствование, потому что здесь иноязычный корень изначально вовлекается в сферу семантических и словообразовательных процессов. присущих русскому языку, т.е. приобретает несвойственное ему в языке-источнике структурное оформление, словообразовательный показатель — размерно-оценочный суффикс -ик, при отсутствии исходного *смайл* (в отличие, например, от модели *стол* $\rightarrow$ *столик*). Этот элемент -ик должен быть квалифицирован как субморф, но он является важным для понимания слова смайлик, потому что отражает типично русскую конфигурацию смыслов, характерную для полноценных уменьшительно-ласкательных суффиксов — указание на малый размер, совмещенное с особым эмоциональным, задушевным отношением говорящего к объекту номинации и к ситуации общения в целом. Ничего подобного не обнаруживаем в слове, ставшем источником для данного заимствования: $smilev(1. прил. vлыбчивый \rightarrow$ 2. перен. смайлик; эмотикон, обозначающий улыбку). Понятно, что и в английском языке-источнике имплицитно содержится указание на малый размер и особую экспрессию, но в русском языке эти смыслы эксплицированы в показателе -ик.

В целом мы можем утверждать, что свидетельством культурной апроприации заимствованных элементов по русским моделям языковой концептуализации мира на разных уровнях языка и его дискурсной реализации выступают следующие признаки:

- 1) на уровне коммуникативно-дискурсивном актуализация установки на эмпатию как черты русской ЯКМ в конкретных речевых ситуациях употребления;
- 2) на уровне лексико-семантическом смысловые и эмоциональнооценочные приращения, в сравнении с языком-источником; «скрытая предицированность» модусно-диктумного характера (смысловая двуплановость, совмещающая обозначение предмета и точки зрения на него);
- 3) на уровне словообразовательном вовлеченность в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного;
- 4) **на уровне грамматическом** грамматическая оформленность по законам русской морфологии (утрата несклоняемости, категоризация по роду и пр.).

2. Неономинации в российском медийном дискурсе: социокультурный и лингвокогнитивный аспекты

Исследователи неологических процессов в современном русском языке отмечают, что деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей [Коряковцева, 2016: 9]. В языке вербализуются прежде всего те предметы и явления, их качества, состояния и действия, которые имеют культурную и коммуникативную значимость для человека [Вендина, 1998: 222]. По мнению Е.И. Коряковцевой, в современную эпоху возможности словотворческого экспериментирования значительно расширяются, поскольку смещение деривационных отношений наблюдается не только в коллективном сознании говорящего сообщества, но и в сознании отдельных лингвокреативных личностей, имеющих возможность навязать свое индивидуальное «словообразовательное впечатление» достаточно большим группам носителей языка, которые под влиянием данного впечатления начинают производить неологизмы с помощью новых формантов [Коряковцева, 2016: 9].

Средоточием процессов номинации и деривации в современном русском языке выступает медийный дискурс, в котором «портретируются» наиболее важные области жизни с помощью новых словообразовательных средств, а также активных словообразовательных способов и типов, в которые внедряется новый лексический материал. «В неономинациях отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национальноспецифические особенности категоризации и вербализации» [Коряковцева, 2016: 13].

Изучение активных процессов в лексике и словообразовании с точки зрения модификации исконных моделей языковой концептуализации мира связано с когнитивным методом изучения истории слов и их значений в аспекте реализации ключевых идей русской языковой картины мира. Лексические и словообразовательные инновации отражают изменения в когнитивной сфере, демонстрируя специфику русского национального менталитета.

Когнитивно актуальным и значимым при анализе современных деривационных процессов является изучение того, как с помощью медийных неодериватов масс-медиа создают языковую картину современного мира. Представители когнитивного направления исследуют способы формирования и представления нового знания в новообразованиях, влияние современных словообразовательных процессов и их результатов на сознание и поведение членов социума.

Развитием антропоцентрической парадигмы научного знания была обусловлена наблюдающаяся в настоящее время активизация социолингвистических методов исследования новообразований в рамках социокультурного аспекта изучения новых слов. Целью данного подхода является выявление и описание социально-экономических факторов, которыми обусловливаются современные деривационные процессы и специфика словообразовательных инноваций (подробнее см.: [Рацибурская, 2016: 52]).

Так, актуальность европейских политических событий для современной России способствовала вовлечению в деривационные процессы ряда префиксоидов, и в частности префиксоида евро-, топонимическая семантика которого во многих новообразованиях совмещается с оценочным компонентом. Причем оценка чаще является негативной, что усиливается использованием стилистически сниженных мотивирующих (производящих) слов: Европатриоты сами развалят Украину (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 20.07.2015); На Украине **евромечта** не сбылась (телеканал «Россия 1», 30.03.2016); Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для **евродевок** (Завтра, 2013, № 24); Y Сноудена тоже мало шансов — «**евролеваки**» при закулисной поддержке России уже выдвигали его два года назад (Собеседник, 2015, № 35); ...прежде чем скулить об изъятой с родных просторов еврожратве, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша (Литературная газета, 17–23.12.2015); Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта еврошпана (телеканал «Россия 1», 09.07.2017).

Активизировавшиеся в связи с достижениями научно-технического прогресса префиксоиды нано-, крипто-, кибер- также могут формировать оценочную семантику: Не могу внести свой вклад в наноскандалы и разоблачение нанодельцов, не способен даже гнать нанопургу про нанобудущее <...>. Сегодня «нано-» — передний край словообразования. Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «Нано» — значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный (Русский репортёр, 22-29.05.2008); Наногоризонты. Сравнивать нашу наноиндустрию с развитыми в этом плане странами пока неактуально (Российская газета, 15.01.2014); Наноцены на мегауровне. Новая отрасль медицины снизит стоимость лечения (Российская газета, 06.12.2016); Мир охватила криптолихорадка <...> Ушел ли криптопоезд для рядовых пользователей? <...> Последний писк криптомоды <...> Выделяют даже две группы: криптоанархисты <...>и криптореалисты (1-й телеканал, 02.07.2017); Криптонеделя (название рубрики) (телеканал «Россия 24», 14.10.2017).

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал также префиксоид кибер-. Уже вошли в узус и зафиксированы в словарях лексемы кибератаки, кибервойна, киберпреступление, кибербезопасность, в то время как в медийном словотворчестве продолжают создаваться новообразования с данным префиксоидом для обозначения новых компьютерных, информационных и интернет-реалий, объектов виртуальной реальности: Иностранные кибершпионы активизировались в России (14.05.2015, http://www.infosmi.ru/inostrannye-kibershpiony-aktivizirovalis-v-rossii/); Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от киберрисков (Коммерсантъ, 12.12.2016); Кибер-дружины сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей (Российская газета, 28.03.2017); Россию атакуют кибервойска. По прогнозам экспертов, количество кибератак на объекты критической инфраструктуры в этом году возрастет, повысится их общий профессиональный уровень (Независимая газета, 10.02.2017); Киберугрозы постоянно эволюционируют (радио «Вести FM», 11.07.2017).

Либерализация общественных отношений в современном российском социуме обусловила активное вовлечение в деривационные процессы не только так называемых маргинальных, стилистически сниженных слов (жаргонизмов, сленгизмов, просторечизмов), но и разговорных словообразовательных моделей, аффиксов стилистической модификации.

Экономия языковых средств, свойственная разговорной речи, проявляется в активизации разговорных словообразовательных моделей, в частности моделей универбации: Но кому-то из чиновников понадобилось переселить школу в «блочку» с текущей крышей (Аргументы недели, 08–14.10.2015) — блочное здание; Только это не должна быть «новелирка», это должны быть слитки (Новое дело, Нижний Новгород, 07.01.2016) — ювелирные изделия; Поэтому многие продавцы алкогольной элитки уже вынуждены сворачивать свою деятельность (Ленинская смена, 20.11.2016) — элитная продукция; Ну а для этого, как ни крути, надо провести публичку — закон обязывает (Зеркало, 11.11.2016) — публичные слушания; Аналогичная ситуация складывается и для разномастных лоббистов, в том числе и политических. Но теперь, с возвращением «**мажоритарки**», ситуация изменилась в корне (Наша Версия, 04–10.07.2016) — мажоритарная избирательная система: Любая **санкиионка** к нам идет с белорусских морей (радио «Вести FM», 14.09.2017) — санкционная продукция. Исследователи отмечают «социолингвистические факторы» универбации [Клобуков, 2015: 69]: «Универбация распространяется на сочетания высокочастотные в том или ином кругу лиц и общественно актуальные в тот или иной временной период» [Земская, 1981: 120].

Диминутивы в современных масс-медиа имеют не столько размерное, сколько оценочное значение, передавая ироничное, уничижительное, пренебрежительное отношение к объекту: <...> век звездулек короток, надо уметь заработать, каждый хиток должен быть в цель, как имбирный эль <...> (Собеседник, 2015, № 42); Вам, российские докторишки наук, доценты с кандидатами, и не снилось! (Завтра, 2016, № 30); Стали внедрять шпионов и шпиончиков (1-й телеканал, 29.09.2017); Штурмовички. Почему активисты «антимайдана» и поджигатели «за Матильду» на самом деле не союзники Кремля (Новая газета, 2017, № 104).

Активизация диминутивного словообразования отчасти объясняется усилившейся в последнее время тенденцией языка СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста.

3. Прагматика окказиональных новообразований в современном нейминге

Словообразование охватывает многие сферы человеческой деятельности, и сфера нейминга является одной из самых перспективных в плане реализации его возможностей. Неймы (иначе — рекламные имена, словесные товарные знаки, имена брендов) считаются важным средством продвижения объектов на рынке; и в частности это касается эргонимов — рекламных/коммерческих имен организаций. Эргоним призван выделить организацию на фоне конкурентов, сформировать представление о характере ее деятельности, способствовать ее запоминанию и дальнейшему опознаванию, созданию ее положительного имиджа и т.п. Неймы-окказионализмы, при соблюдении ряда требований становятся очень эффективными средствами продвижения организаций, поскольку имеют «только тот эмоциональный фон и то <...> значение», которые были заложены в них при создании «легенды бренда» [Слободянюк, 2008: 26], и соответственно позволяют сделать коммуникацию с потребителями не стихийной, а контролируемой.

Считается, что «правильные» неймы вызывают у потребителей запланированные рекламодателями положительные ассоциации, представления, которые затем по принципу смежности переносятся на рекламируемые объекты. При этом задействуются те или иные потребности аудитории. Так, при создании автомобильных эргонимов в пределах Нижегородского региона номинаторы чаще апеллируют к потребностям высших уровней, и первое место среди них занимают социально-престижные потребности. Целая группа эргонимов,

называющих автосервисы, автомойки, автошколы, магазины автозапчастей и т.п., включает основы, которые позволяют указать на
престижность организации и/или высокий социальный статус ее
клиентов: $A\kappa Ba$ -nokc, Jhokcoh, Abmonpecmum, Ipecmum-abmo, VIP-cepbuc, Tonabmo. Еще чаще используются основы собственно ассоциативного характера, которые в сознании потребителей вызывают
представления о чем-либо престижном, в частности о престижных
локациях: Onumn-HH, $CahPeho \leftarrow Cah$ -Pemo+Peho, Abmo-Spa. Особенно популярны основы, соотносимые с топонимом Ebpona и его
производными, которые способны вызывать у потребителей представления о «европейском качестве» предлагаемых товаров и услуг: EbponAbmo, EbpoAbmo, Ebpomoŭka, Ebpocepbuc neekoboŭ. Кроме того,
в состав эргонимов включаются основы, которые обозначают денежные средства, драгоценные камни и связанные с ними явления: Iloudop-mюнине Ilouc, Iloudop-mюнине Iloudop-mюнине Iloudop-monume Iloudop-monum

Очень многие «положительно-ассоциативные» основы имеют иноязычное происхождение. Полагаем, что подобный выбор производящих компонентов отчасти обусловлен апелляцией к социальнопрестижным потребностям: ассоциативная связь «иностранное — престижное», актуализировавшаяся в последние десятилетия XX в., в автомобильной сфере остается еще достаточно сильной. Впрочем, значительная доля иноязычных основ, представленных в транслитерации, уже позволяет говорить о некотором смещении социокультурных приоритетов: **Флай** Авто, Интеркар, Автостай 52, Айс-Сервис.

Если средства апелляции к социально-престижным потребностям, задействованные при создании нижегородских автомобильных эргонимов, достаточно универсальны в плане привязки к целевой аудитории, то многие средства актуализации духовных потребностей ориентированы именно на настоящих и будущих владельцев автомобилей. Идея реализации духовных потребностей через владение и управление автомобилем отражается уже в самой структуре производных слов: большую часть эргонимов можно привести к абстрактной схеме «основа авто + основа, указывающая на потребность»: Авторост, Авто Идеал-НН, Автокласс, Автокредо; Арт-Авто, АртКар; Автодрайв. Аналогичная схема периодически задействуется и при обращении к потребности в безопасности: АвтоХелп, Автокомфорт, ЛЕГАЛ-АВТО.

Нижегородские «автоэргонимы» в целом обладают малой степенью индивидуальности/оригинальности, которая помогла бы выделиться из общей массы конкретным неймам и, соответственно, организациям. Подавляющее большинство рекламных имен составляют композиты, созданные способом чистого сложения без участия соединительных гласных. Многие эргонимы, образованные таким способом, представляют собой простейшее сочетание двух

цельнооформленных слов: Детройт-сервис, Москворечье-Нижний, Гибрид-Центр, Китай-Запчасть, Кузов Плюс, Тонплюс.

Еще чаще наблюдаются единицы, полученные в результате компрессивного словообразования. Самым распространенным средством компрессии является усечение производящих основ — как правило, начальных: Texmaйm, Texnaйm сервис, KOMTPAHCCEPBUC. Обширную группу составляют эргонимы, образованные способом сложения при участии аббревиатур: $Yucmomodunb.p\phi$, YIP-сервис, CTO-Asmo (CTO — cmahuum mexhuueckooo odcnywubahum), Adconhom-AKB (AKB — akkymynmopham damapem), AKIII-Uehmp (AKIII — abmomamuueckam kopodka nepedau), Texhononuc-HITY (HITY — Hu-weeropodckuu rocydapcmbehhuu rocydap

Эргонимы, демонстрирующие отступления от основных тенденций, достаточно легко объединяются в типовые группы/подгруппы. Так, немногочисленные эргонимы-«симплексы» [Галактионов, Попова, 2011: 314] и эргонимы-«псевдокомпозиты» [Касим: http] в подавляющем большинстве случаев созданы способом суффиксации при участии ограниченного круга формантов: Шинка, Фрешка, Автошка, Детали Ч, Масленыч, Мойкер, Zапчастер.

В нижегородском автомобильном эргономическом пространстве экспрессивные возможности окказионализмов не получают масштабной реализации при использовании неузуальных словообразовательных способов и стилистических приемов, в частности контаминации, обыгрывания прецедентных феноменов: Лимо НН (лимон + HH), Almaz Glass (глаз-алмаз), 1000 Автомелочей (1000 мелочей). Более того, выделяется целая группа эргонимов-окказионализмов, которые неэмоциональны, тяготеют к официальной сфере и, видимо, должны оказывать воздействие на целевую аудиторию, формируя представления о солидности, надежности организаций: КАМАЗТЕ-ХОБСЛУЖИВАНИЕ, ПрофАвтоГрупп, АвтоРосДизайн, Приволжье-Транс Сервис НН, Совинтех-Сервис.

4. Прецедентные феномены в процессах окказиональной деривации: «языковая игра» в дискурсе отечественных СМИ

При антропоцентрическом подходе к изучению новообразований, учитывающем человеческий фактор, развитие получил деятельностный аспект словообразования, при котором исследуются

словотворческие возможности носителей языка. Словотворчество рассматривается как феномен языковой личности, как одно из проявлений творческой индивидуальности автора. В антропоцентрически ориентированной лингвистике человек трактуется как активный творец языка, одним из проявлений речевой деятельности которого является креативная деятельность [Земская, 1992; Плотникова 2003; Лингвистика креатива 2013].

Актуальный на рубеже XX—XXI вв. лингвопрагматический подход к явлениям языка и речи предполагает коммуникативно-когнитивный подход к анализу словообразовательных неологизмов, выявление их функционально-прагматического потенциала и выразительноизобразительной значимости, в том числе в рамках языковой игры как креативной составляющей современного текста. Как отмечают исследователи, «в современном постиндустриальном обществе возрастает игровая составляющая в разных видах социальной практики» [Карасик, 2011: 20]. Ученые рассматривают развлекательность как способ оптимизации воздействия на получателя информации. На рубеже XX-XXI вв. именно словообразовательная игра «получает широкое распространение в языке СМИ» [Ильясова, Амири, 2009: 125]. По мнению В.И. Шаховского, словообразовательная деривация, как и другие операторы языковой игры, представляет «богатый материал для анализа собственно глубинных механизмов творческого слово- и смыслообразования» [Шаховский, 2008: 376].

Творческую позицию журналиста определяет воздействующий характер медийного дискурса, а окказиональные единицы за счет своей экспрессивности и сопровождающего их «эффекта новизны» обладают большим воздействующим потенциалом. Они обращают на себя внимание, создают эмоциональный образ: «одна из основных закономерностей эффективности коннотем (слов, обладающих прагматическим значением) проявляется в том, что их воздействующая сила тем больше, чем менее они частотны» [Говердовский, 1989: 83]; окказионализмы не просто менее частотны, чем узуальные слова, они творимы, т.е. создаются для специальной ситуации и, соответственно, функционально одноразовы. Именно поэтому журналист при выборе людического средства останавливается на использовании окказионализма, который привлекает внимание адресата за счет своего отличия от канонического слова.

Характерной чертой словотворчества в современных российских средствах массовой информации стало активное вовлечение в деривационные процессы разного рода прецедентных феноменов — прецедентных текстов и имен. К прецедентным текстам исследователи относят цитаты, названия различных произведений, пословицы, поговорки, крылатые выражения, устойчивые, фразеологизированные

конструкции. К прецедентным именам — имена социально значимых фигур современной эпохи, имена, относящиеся к известному тексту или ситуации, а также указывающие на набор определенных качеств [Красных, 1997]. Использование подобных феноменов связано с одной из основных тенденций современных российских СМИ — тенденцией к экспрессивизации текстов [Земская, 2009; Ильясова, 2009]. Активное словотворчество на базе прецедентных феноменов свидетельствует об усилении личностного начала в СМИ начала XXI в. Согласно классификации типов языковой игры В.З. Санникова, использование прецедентных феноменов относится к прагматическому типу языковой игры [Санников, 2002].

Наиболее часто встречающейся разновидностью прецедентных феноменов — текстов — являются фразеологизмы: Студентов поставят под киберружье (Московский комсомолец, 06.04.2015). Узуальное слово в составе устойчивого словосочетания может стать исходным для новообразования-гибрида. При образовании слова-гибрида происходит произвольное сложение узуальных слов, сопровождающееся совмещением их формально тождественных частей: Дамаски сброшены. США погрязли в поисках новой формулы урегулирования конфликта в Сирии (Российская газета, 05.11.2016) — Дамаск + маски сброшены; Памиротворческая инициатива. Как Владимир Путин встретился с Эмомали Рахмоном (Коммерсанть, 27.02.2017) — Памир + миротворческая инициатива; Вузкое место. Рособрнадзор приостановил действие лицензии одного из негосударственных вузов... (Российская газета, 02.04.2017) — вуз + узкое место.

В ряде случаев гибридизация сопровождается формальными (графемными) изменениями: *Шуровая молния*. *Против главы Канавинского района* (Дмитрий Шуров. — Авт.) возбудили уголовное дело о мошенничестве (Новое дело, 24.09.15) — *Шуров* + шаровая молния; *Убедителей* не судят. Как Владимир Путин и Франсуа Олланд нашли друг друга (Коммерсанть, 26.11.2015) — убедить + победителей не судят. Новообразования создаются также на базе пословиц и поговорок: *Ликбес в ребро*. Почему воронежские мужчины теперь могут жить полноценной жизнью (Российская газета, 23.11.2012); На каждый роток накинешь посток. Что звезды сцены едят в Великий пост (Московский комсомолец, 16.03.2016). В подобных случаях исследователи отмечают проявление языковой игры, связанное с изменением буквенного состава выражения, имеющего «характер пословицы, поговорки, устойчивого сочетания или просто сложного слова» [Земская, 2010: 245].

Нередко в образовании гибрида участвует аббревиатура. По мнению А.В. Стахеевой, «при существующей тенденции к языковой экономии в быстром темпе современной жизни — передать мак-

симум информации, прикладывая минимум усилий, места, времени — аббревиатуры просто созданы для такой функции. <...> Аббревиатуры являются активным участником языковой игры, поскольку часто называют актуальные реалии современной действительности» [Стахеева, 2009: 145, 146]: **БрОО Новское** движение. «Покидала или не покидала российская делегация саммит ООН по Глобальной повестке дня в области развития во время выступления президента Украины Петра Порошенко?» (Российская газета, 25.09.2015) — броуновское движение + ООН.

Еще одна разновидность прецедентных текстов — «крылатые слова». На их базе нередко возникают новообразования по конкретному образцу, который находится в составе прецедентного текста. При деривации по конкретному образцу новообразование воспроизводит формант конкретного узуального слова. В подобных случаях новообразование заменяет слово-образец в составе устойчивого выражения. Известная фраза В.И. Ленина «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», «ставшая в свое время одним из ключевых советизмов, на основе современных ассоциаций трансформируется, функционируя в новом качестве от политического текста до пародийного» [Намитокова, 2004: 437], и благодаря конкретному образцу электрификация является источником для множества новообразований с суффиксом $-(u_3)auu(g)$, созданных непосредственно от именных основ: Плюс тандемизация всей страны... Лужков уходит — вопросы остаются. Главный из них: действительно ли главным городом России, как и страной, будет править тандем — «смотрящий» от Путина Сергей Собянин и «прагматик-хозяйственник» Валерий Шанцев (Независимая газета в Нижнем Новгороде, 27.09.2010); Плюс «долларизация» всей страны (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 18–25.02.2009); Если российская политика превратится в арену соперничества двух «зол», это будет самым неблагоприятным эффектом «вертикализации» всей страны (Независимая газета в Нижнем Новгороде, 25.03.2011): ЕГЭизация школы (КПРФ в Нижнем Новгороде, 08.12.2015). Подобный «процесс производства окказионализмов, "встроенных" в конструкцию прецедентного текста, происходит на фоне активности суффикса -ациј- в производстве узуальных и окказиональных наименований действий» [Намитокова, 2004: 438].

К прецедентным текстам также относятся названия художественных произведений. Результатом гибридизации собственного имени Божена и прилагательного божественная явилось новообразование боженственная в заголовке Боженственная комедия: Чем светская журналистка Божена Рынска покоряла миллионеров (Новое дело, 31.03.2016). Название фильма «Остановка по требованию» послужи-

ло источником для новообразования: Остановка по кибертребованию. Злоумышленники нацелились на техногенные катастрофы предприятий (Коммерсанть, 20.11.2016).

В словообразовательных процессах активно участвуют и такие прецедентные феномены, как антропонимы — имена социальнозначимых фигур современной российской действительности, известных политических деятелей, представителей бизнеса и попкультуры. «Современными исследователями отмечается очень яркая тенденция — внимание к отдельному человеку, не просто рядовому гражданину, а участнику общественных явлений. Объектом <...> становится некая ключевая фигура современности. В этом процессе уделяется большое внимание человеку как социальному существу — носителю определенных взглядов, политическому деятелю» [Стахеева, 2009: 108]. Новообразования на базе собственных имен с семантикой идеологического направления, социально значимого явления активно создаются с помощью продуктивного суффикса - шин (а) с оттенком неодобрения: Украина победит, когда закончится «обамовщина» (Провинция, 09.12.2015); Наверное, есть некая сущностная аналогия между украинством и нынешней кёниг*сбершиной* (Литературная газета, 24—30.03.2016, № 12); Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас трамповщина, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки (Iron post, 14.11.2016); Нажрались абстрактных управленцев, хватит чубайсовщины (радио «Вести FM», 06.12.2016).

Антропонимы участвуют и в создании новообразований гибридного характера: Киевские «псакишвили» от церкви продолжают раскол и бесовство (КМ.ги, 18.06.2014) — Псаки + Саакашвили; Трампокалипсис: Европа шокирована итогами выборов в США (ТВЦ, 09.11.2016) — Трамп + апокалипсис; «Киллари» начинала свою политическую карьеру с Уотергейта (Завтра, 2016, 28) — киллер + Хиллари.

Как правило, новообразования на базе собственных имен отличаются негативной экспрессией, носят иронический характер.

Прецедентная ссылка как лингвокультурный феномен, по мнению ученых, является своеобразным средством «инкультурации» текста [Алефиренко, 2010]. Умелое использование журналистами прецедентных феноменов в процессе словотворчества «способствует акцентированию внимания читателя на актуальных общественных проблемах, актуализирует имеющиеся у читателя культурологические знания и лингвистические представления о связях языковых единиц и способствует расширению образовательного пространства в современном обществе» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2015: 84].

5. Экспрессивно-оценочный потенциал словообразовательных неологизмов в языке современных отечественных СМИ

Прагматический подход к анализу новообразований в письменном тексте вовлекает в свою орбиту использование прописных букв, элементов чужого алфавита, неграфических элементов. Визуализация коммуникации заставила ученых обратить особое внимание на графические гибриды, образования вербально-иконической природы. Представленная в науке классификация графических гибридов, графодериватов учитывает различные средства их создания, сочетающиеся в рамках слова [Попова, 2013: 149]:

- элементы одного языка, но разных хронологических срезов («КоммерсантЪ»);
- разные шрифты в рамках одного алфавита: *Страсбургские ПАСЕ- делки* (Новые известия, 04.02.2015); *ВолоДАРский* (шиномонтаж);
- разнофункциональные элементы одного языка: «Аз'арт» рубрика об азах искусства в журнале «Огонек»; «СТРОЙ! Материалы» (сеть магазинов) [Попова, 2013: 149]; **He-опера-тивное** строительство. Ещё в 2008 году началась разработка проекта, а в 2011-м губернатор Валерий Шанцев объявил, что в ближайшие три года новое здание театра оперы и балета будет построено (Патриоты Нижнего, 25.11.2015); **И-КАР** (автошкола);
- элементы разных естественных языков: **Р Визнаки** войны. Украина. Здесь идет невиданная доселе война (Новая газета, 30.05.2014); **Раз VIS Ались?** Международная платёжная система сняла с себя обязательства перед российскими банками (Нижегородская правда, 06.10.2015); **ARD-обстрел**, пятая серия. В фильме журналиста Зеппельта на канале ARD российский легкоатлет стал главным информатором (Московский комсомолец, 24.01.2017); **Авто News** (магазин), **Лидер-Z** (автосервис);
- элементы естественного языка и цифры: $\Pi PO100$ ссорит банкиров. Для банковского приложения УЭК используется система $\Pi PO100$ (Нижегородская правда, 08.04.2014); Opuon-1 (автомойка), Iapa 52 (магазин), M-69 (магазин);
- элементы естественного языка и идеограммы: *И депутаты* у нас ... ненастоящие. *И\$ку\$\$тв€нны€* (Московский комсомолец, 17—24.07.2013); *ДЕТАЛЬ*+ (магазин), *Оптима*+ (автосервис).

Прагматический аспект исследования новообразований включает также анализ экспрессивно-оценочных возможностей новообразований, условий успешной коммуникации и факторов конфликтогенности и рискогенности современного текста, вплоть до речевой агрессии.

Особенностью коммуникации в медиадискурсе является то, что словообразовательные неологизмы помимо номинативной функции

практически всегда выполняют экспрессивную и оценочную функцию, не только называют реалии, но и имплицитно характеризуют их. Новообразования имеют большой экспрессивный потенциал, поскольку выражают субъективное авторское начало, имеют креативную языковую природу.

Так, размерно-оценочный префикс супер-, проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрирует такую особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой): Пользователей Сети покорила история настоящей супербабушки из Красноярска, которая, несмотря на почтенный возраст, ведёт активный образ жизни и тратит все свои сбережения на путешествия (Ленинская смена, 27.10-02.11.2016, № 45); Это такое счастье, когда у тебя такая большая семья. Суперсчастье (НТВ, 27.08.2017); Не обязательно землю какую-то суперпитательную, она ведь может и плохую службу сослужить (радио «Вести FM», 29.05.2017); Это, действительно, витаминная, супервитаминная ягода (радио «Вести FM», 23.09.2017); Какие Вы дадите советы, чтобы быть в такой супервеликолепной форме? (телеканал «Культура», 21.09.2017).

Действенным средством экспрессивизации современного медиатекста являются новообразования гибридного характера — результат разных видов контаминации, т.е. произвольного совмещения формально тождественных частей производных слов (как в чистом виде, так и с формальными видоизменениями производных слов). По словам Н.А. Николиной, «контаминация, приобретающая в современной речи все большее распространение, основана на слиянии сегментов разных слов, подвергающихся при этом сокращению, с возможными вставками других морфов или интерфиксов. В семантическом плане контаминированное образование — гибридное слово, семантика которого вбирает в себя и значения объединяемых единиц, и присущие им аллюзивные смыслы, и семантику соединения, на которую накладываются значения противопоставления или сравнения, развивающиеся уже собственно в процессе словопроизводства» [Николина, 2015: 151].

Распространенной разновидностью контаминации (Е.А. Земская, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина) является междусловное наложение (Н.А. Янко-Триницкая), когда на финаль одного исходного слова накладывается омонимичное начало другого узуального слова: Майдауны громят кладбища (Экспресс-газета, 04.04.2014) — майдан + дауны; Бешенцы Европы. Нашествие мигрантов из Африки может уничтожить европейскую цивилизацию (Новое дело. Нижний Новгород, 10.09.2015) — бешеные + беженцы; Генотипично русский. О националь-

ной идентичности и генах (Огонек, 01.04.2017) — генотип + типично; Наш **Алибабанк**. Минэкономразвития: Россия запустит национальную систему интернет-торговли (Российская газета, 13.03.2017) — Алибаба + банк.

Под влиянием глобальной прагматической установки на оценочность в медиаполитическом дискурсе многие новообразования приобретают негативно-оценочную окраску в зависимости от своей структуры и контекста. Зачастую сам факт использования средств языковой игры при освещении серьезных политических и социальных событий помогает передать несерьезное, иногда даже неуважительное отношение автора к описываемым событиям и явлениям, тем самым сместив их позицию в системе оценок и ценностей. Новообразования выражают отрицательную оценку, если в качестве одного из производящих использовалось слово с негативнооценочной семантикой, обозначающее порицаемое в обществе явление или вызывающее негативные ассоциации: Российское здравоохранение превращается в «здравозахоронение». Ожидаемого роста эффективности и доступности медицинской помощи не произошло (Московский комсомолец, 12.04.2017) — здравоохранение + захоронение. Новообразование может приобретать негативную окраску за счет контекста: Еще бы! Ведь если бы не терпимый Владимир Путин, то Россией бы правили вот такие вот милоновы—поклонские. Было бы в России Хрисламское государство! <...> Приятно думать, что на страже реноме автора Ходынки и Кровавого воскресенья, втянувшего Россию (по причине тотальной профессиональной некомпетентности) в бессмысленную бойню, кончившуюся гибелью нации и империи, стоит не только экс-прокурор <...>, но и, возможно, суровые бородачи, еще недавно резавшие русских под черным знаменем джихада (Новая газета, 16.02.2017) — междусловное наложение с усечением конечной части первого исходного слова христианское + исламское (государство). Оценочность создается в контексте за счет высокой концентрации слов, имеющих негативную коннотацию или вызывающих отрицательные ассоциации, слов с негативной семантикой (тотальной профессиональной некомпетентности, гибелью нации и империи, резавшие русских), метафор (бессмысленную бойню, под черным знаменем джихада), прецедентных феноменов (Ходынки и Кровавого воскресенья).

Зачастую для автора важнее оказывается не информативнономинативная функция новообразований, а оценочная, граничащая с манипулятивной: Там нет распятых мальчиков и укрофашистов, это все осталось на родине и применяется для нашего непритязательного зрителя (Московский Комсомолец, 2017, № 27511); Казалось бы, нам давно пора перестать реагировать на каждый чих, доносящийся со стороны «прибалтийских вымиратов», что с удовольствием трактуется нашими западными партнёрами как «фантомные имперские боли» (Завтра, 2017, № 5) — вымирать + эмираты. Прямая оценка всегда рискогенна. Пренебрежительное, оскорбительное отношение к объекту повествования с огромной степенью вероятности вызовет читательское неприятие, раздражение и, как следствие, провал коммуникации.

Особенно шокируют читателя окказионализмы, которые перекликаются с узуальными словами пейоративного и обсценного характера: Стоит напомнить, что ни Киев, ни Львов, ни какой-либо иной населённый пункт вне «зоны АТО» не подвергся за эти годы ни одной атаке со стороны «российско-террористических сил», как любят называть «майданутые» ополченцев Донбасса (Завтра, 2017, № 8); Звезданули. Выпускники полицейской академии отметили получение лейтенантских погон заездом на внедорожниках, катанием на яхте и ужином в ресторане «Лондон» (Новая газета, 2017, № 83).

6. Лексикографическая фиксация новых слов как отражение социокультурной ситуации современного российского общества

Важной в социокультурном аспекте является проблема фиксирования новообразований в лексикографических источниках. Лексикографическое описание новейших пополнений в лексике отражает особенности мировосприятия, идеологии, культуры, экономического и политического уклада в обществе, обслуживаемом данным языком на конкретном этапе его развития. Изменения на лексическом уровне в весьма высокой степени (по сравнению с другими языковыми уровнями) определяются влиянием экстралингвистических факторов. Таким образом, лексикографическая фиксация новой лексики и фразеологии позволяет выявить социокультурную специфику определенного хронологического периода в жизни народа. И словари новых слов, отражающие жизнь этноса в тот или иной период времени, могут становиться объектом исследования в лингвокультурологии и предоставлять ученому интересные фактические сведения, касающиеся не только количественного приращения в лексическом фонде языка, но и особенностей функционирования языковых единиц.

В 2009—2014 гг. был опубликован очередной словарь новой лексики — «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века», анализ материалов которого позволяет сделать интересные выводы о развитии русского языка в переломную для российского общества эпоху, а также об оценке тех социальных изменений, которые переживало общество в «постперестроечную» эпоху.

Словари новых слов, по образному выражению В.Д. Черняк, отражают «неологическую действительность» рубежа веков. Эти словари фиксируют лексические новообразования последних двух десятилетий, знаменующих коренной перелом в жизни страны, непредвзято регистрируют приобретения и потери в языке, позволяют увидеть реальную динамику лексикона, выявить те его зоны, которые отражают реальный прогресс общества и языка, а также те фрагменты, которые, представляя черты нашего недавнего прошлого, остаются невостребованными в настоящем. Со страниц неологических словарей мы получаем представление о том, какие сферы науки, техники, культуры развивались особенно активно в описываемый период, стимулируя соответствующий «лексический отклик» [Черняк, 2006: 171].

Анализ новообразований, зафиксированных в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее — HC3-90), позволяет говорить не только о том, как изменились разные стороны общественной жизни, но и об оценке этих изменений говорящими. Так, значительную группу новой лексики составляют слова, относящиеся к сфере идеологии или политической деятельности: Абсурдистан (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеры даются по материалам НС3-90) (1. О современной России как стране абсурда: противоречащих логике и здравому смыслу мнениях, действиях и их последствиях, нелепых, непредсказуемых ситуациях; 2. О стране (обычно о бывшей советской республике) с таким же положением дел'); антибеловежский ('направленный против Беловежского соглашения о ликвидации СССР (1991 г.) и создания объединения независимых государств России, Украины, Белоруссии; выражающий враждебное отношение к нему'); Беловежье ('о Беловежских соглашениях <...>'); великодержавник ('сторонник идеологии, провозглашающей возрождение России как великой державы'); демноменклатура ('руководители, утвержденные в должности вышестоящими инстанциями демократической власти; <...>'); *депар*тизация ('прекращение партийной деятельности где-л., запрет на такую деятельность').

Своеобразными маркерами эпохи, «словами-ключами» (Р.А. Будагов) следует, видимо, считать инновации с начальным элементом дем-/демо-('демократический'): демблок, демвласти, демвожди, демкруги, демокоммунисты, демосоциалисты, демоцентристский и под. При этом чрезвычайно важным для понимания общественных настроений оказывается фиксация в НСЗ-90 инноваций, обладающих яркой негативной оценочностью, которая отражена системой соответствующих помет: пренебрежительное демократишка ('демократ'); презрительные демобесы ('демократы (в речи их политических про-

тивников)'); демокрады ('о продажных, коррупционных представителях демократической власти <...>'); демократия—демонократия ('то же, что демонократия — о демократии как источнике и виновнице зла в современном обществе'); демомутанты ('о демократах, меняющих свои взгляды, убеждения в зависимости от обстоятельств'); демофашисты ('о тех, кто под видом демократии прибегает к насилию, национализму'); неодобрительное демократии прибегает к что демноменклатура; 2. Диктатура, осуществляемая под лозунгами демократии') и под.

В некоторых случаях оценка выражается не с помощью пометы, а в рамках словарной дефиниции, например: *демопатриоты* — 'о членах демократических партий, групп, выступающих с патриотических позиций, с патриотическими лозунгами (часто ложными)' (выделено нами. — *Авт*.). Достаточно показательным, на наш взгляд, демонстрирующим особенности национального чувства юмора, является формирование нового (второго) значения у слова *демократизатор* — '1. О том, кто или что способствует демократизации общества или внедряет демократию силой; 2. Милицейская резиновая дубинка'.

Анализируя новые слова, номинирующие новые реалии политической жизни, нельзя не отметить большое количество производных от имен лиц или названий политических партий:

- *алиевщина* ('стиль руководства страной, характерный для руководства Азербайджана во главе с Г. Алиевым <...>'); антиберезовский (1. Направленный против известного бизнесмена Б.А. Березовского. его деятельности: выражающий враждебное отношение к нему'): антиельцинец ('идейный противник Президента РФ Б.Н. Ельцина, находящийся в оппозиции к нему, его деятельности'); антилужковский (1. Направленный против мэра г. Москва Ю.М. Лужкова, его деятельности; содержащий их критику; враждебный ему; 2. Настроенный, выступающий, действующий против этого деятеля, его политических взглядов, деятельности'); баркашовцы ('члены партии профашистской ориентации «Русское национальное единство». лидером которой является А. Баркашов'); болдыревцы ('члены политического блока, возглавляемого Ю.Ю. Болдыревым'); гайдаризация ('реформирование хозяйственной, финансовой и других сфер общественной жизни РФ в духе рыночной экономики под руководством экономиста, государственного и политического деятеля Е.Т. Гайдара'); гамсахурдисты ('сторонники президента Грузии 3. Гамсахурдиа (в борьбе с оппозицией)'); горбачевизм ('1. Идеология и практика политической и государственной деятельности М.С. Горбачева, приверженность им <...>; 2. Слово или выражение, характерное для этого политического и государственного деятеля'); зюганат ('электорат кандидата в президенты РФ лидера КПРФ Г.А. Зюганова') и мн.др. — производные от фамилий политиков как Российской Федерации, так и стран СНГ;

— аграрий (в новом значении — 'представитель, член Аграрной партии России, аграрной фракции в Государственной Думе'); декабристы (в новом значении — 'члены депутатской группы Государственной Думы «Либерально-демократический союз 12 декабря»); демвыбороссы ('члены партии «Демократический выбор России»); ЛДПРовцы ('Члены ЛДПР'); нашдомовец ('представитель, сторонник российского политического движения «Наш дом — Россия»'); яблочники ('члены политической партии «Яблоко»') и др. — слова, производные от названий политических партий и объединений, возникших в молодой демократической России.

Конечно, в словаре НСЗ-90 представлены не только новации, относящиеся к сфере политики. Например, «модными» оказываются слова, относящиеся к тематической группе «экология». Фиксируется целая группа новообразований с начальной частью эко-: экобезопасность ('безопасность чего-л. для окружающей среды, в том числе для человека; экологическая безопасность'); экобус ('вид наземного городского транспорта (автобусы, автомобили), не загрязняющего воздушную среду выхлопными газами, гарью'); эковата ('вид экологически чистого теплоизоляционного материала'); экокатастрофа ('природная катастрофа'); экомузей ('музей быта других эпох (чаще крестьян), воссозданный в природных условиях'); экопроблема ('проблема, вызванная неблагоприятным состоянием окружающей среды'); экотерроризм ('то же, что экологический терроризм'); экофашизм ('полный отказ от современных технологий и сокращение населения Земли, чтобы защитить ее от перенаселения и загрязнения') и др.

Большую группу новых слов составляют неологизмы из области культуры и шоу-бизнеса (арт-критика, арт-клуб, балетоведческий, бестселлерист, букероносец, видеопоэзия, вриокультура, высоцковед, галерейщик, граффитчик, дэнс-звезда, дискомания, звездить, звездулька; звездун и звездунья, индастриал-рок, инди-музыка, кинобомонд и др.); финансовой и экономической сферы деятельности (антимонопольщик, аудиобизнес, базарно-рыночный, банкирчик, банкирша, бизнес-бомонд, бизнес-вуменша, бизнес-иммигрант, бизнес-инновация, ваучеризация, ваучеродержатель, валютоносность, гайдарономика, госэкономика, женщина-предприниматель, инкубатор (в новом значении — 'система первоначальной помощи начинающим предпринимателям, новым предприятиям') и мн. др.); сферы компьютерных технологий (веб-дизайн, веб-издание, веб-камера, веб-конференция, интернет-адрес, интернет-версия, интернетомания, ИТ-инженер, ИТ-персонал, клик, кликанье и кликать и др.).

Лексический материал, зафиксированный в НСЗ-90, неоднороден с точки зрения его дальнейшего функционирования в речи, узуализации. Отдельные инновации 1990-х годов в настоящее время (второе десятилетие XXI в.) уже не воспринимаются как новшества, их можно считать освоенными, утратившими (или утрачивающими) «эффект новизны»: ГМО ('генетически модифицированные организмы'), госэкономика, госязык, замгубернатора и др. В то же время новообразования типа катастройка (катастрофа + перестройка), господарищи (господа + товарищи) или этастранцы (эта + иностранцы), близкие к окказионализмам, вероятно, останутся словами-маркерами эпохи. Ограниченность в функционировании подобных новообразований поддерживается и их структурными особенностями: новации этого типа нередко создаются по неузуальным словообразовательным моделям, в частности по моделям контаминации.

Е.А. Брызгунова писала, что русская речь начала 1990-х годов «выбирает из арсенала языковых средств то, что может выразить иронию, ожесточенность, пессимизм, но и надежду, самостоятельность, духовность» [Брызгунова, 1994: 93]. Мнение исследователя подтверждают и данные НСЗ-90, в котором фиксируются слова возрожденцы ('сторонники духовного и экономического возрождения России, ее былой славы в посткоммунистический период <...>'); воцерковление ('1. приобщение к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов; 2. возрождение духовности, религиозных ценностей'); воцерковленность ('приобщенность к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов') и др.

По мнению Н.З. Котеловой, словари неологизмов, по сути, являются историческими словарями, отражающими приращения лексики и фразеологии, изменения значений слов в определенный период, поэтому они служат важными свидетельствами развития языка, предоставляют возможность историкам языка пользоваться точками отсчета, сравнением разных временных состояний языка [Котелова, 1995: 4]. Весьма ценными для исследователей могут стать данные неологических словарей об изменении в значениях уже существующих в языке слов, о продуктивных словообразовательных моделях, используемых при образовании новых слов, о стилистической окраске новообразований. Наконец, привлечение данных неологических словарей важно и для динамического описания того или иного концепта, фиксирующегося в русской языковой картине мира. Так, анализ относительно нового концепта бизнес, безусловно, окажется неполным, если не будет привлечен огромный массив неологизмов с корнем -бизнес-, многие из которых уже описаны в словарях новой лексики (в частности, в НС3-90).

Высокий научный уровень подготовки изданий словарей новых слов, массив накопленного материала, позволяющий проводить адекватные сопоставления, тщательный отбор лексических единиц, наличие иллюстраций и словообразовательно-этимологических справок — все это дает основания ссылаться на словари новых слов как на авторитетнейшие источники, фиксирующие изменения в языке и, как следствие, в культуре народа, дающие «богатейший материал для осмысления актуальных направлений концептуализации действительности» [Рацибурская, Шелов, 2011: 309].

7. Выводы

Исследование показало, что многие новообразования на базе иноязычных компонентов в дискурсивных практиках современных носителей русского языка, прежде всего в медийном дискурсе и в интернет-коммуникации, отражают типично русские, национальноспецифические модели языковой концептуализации мира, тем самым вовлекаясь в круг идеалов и ценностей «русского мира».

Посредством словообразовательных неологизмов фиксируются знаковые изменения социокультурной ситуации в современном российском обществе, в неономинациях отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации явлений и событий, что актуализовано в языке российских масс-медиа, которые не просто отражают языковую картину современного мира, но и активно участвуют в ее формировании.

Существенные особенности прагматики современного русского окказионального словообразования представлены в практике нейминга — создания рекламных имен, главным образом фантазийного характера. Важно, что многие положительно-ассоциируемые окказионализмы-эргонимы имеют иноязычное происхождение, что обусловлено апелляцией к социально-престижным потребностям на основе ассоциативной связи «иностранное $\rightarrow$ престижное», характерной для современного общества.

Чрезвычайно активны в современной русской речи новообразования на основе прецедентных феноменов, что отражает интенсификацию игровых, лингвокреативных моделей языкового освоения действительности как воплощение роста личностного начала в языковой ситуации последних десятилетий. В отечественном медиадискурсе умело обыгрываются механизмы экспрессивного преобразования фразеологизмов, паремий, «крылатых слов», названий художественных произведений, знаковых антропонимов, аббревиатур и пр., в результате чего в читательском восприятии

актуализуется культурный фон и акцентируется внимание на актуальных социальных проблемах.

Анализ также продемонстрировал, что значительным экспрессивно-оценочным потенциалом в современном языке СМИ обладают прежде всего окказиональные единицы, созданные посредством графодеривации и междусловного наложения, при этом подобные словообразовательные неологизмы зачастую выступают как инструменты вербальной агрессии и языкового манипулирования (здравозахоронение, вымираты и т.п.).

Вполне закономерно, что в завершающей части исследования была рассмотрена проблема фиксации новообразований в лексикографических источниках. Словарное описание новейших пополнений в языке имеет важное социокультурное значение, поскольку отражает особенности мировосприятия, идеологии, культуры, экономического и политического уклада в обществе, обслуживаемом данным языком, на конкретном этапе его развития: словари новых слов тем самым дают богатейший материал для осмысления актуальных направлений языковой концептуализации действительности социумом.

В заключение отметим, что словообразовательные процессы в современном русском языке демонстрируют исключительное концептуальное, культурное и коммуникативно-прагматическое разнообразие и охватывают все более или менее значимые дискурсивные практики. Именно русское словообразование — основной источник инновационных тенденций, своего рода лаборатория языковых изменений, изучение которых поэтому является наиболее надежным средством диагностики социальных, политических, культурных процессов, происходящих в современном российском обществе.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Проблема выявления национально-культурного компонента значения русских фразеологизмов и паремий // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: II Международная конференция. Т. І. Гранада, 2010. С. 19—23.

Брызгунова Е.А. Русская речь начала девяностых годов XX века // Русская словесность. 1994. № 3. С. 88—94.

Вендина Т.Н. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. 240 с.

Галактионов А.П., Попова Т.В. Морфемные типы номинативных полиграфиксатов-симплексов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5—1. С. 313—317. URL: https://elibrary.ru/item.asp? id=18242176 (дата обращения: 20.06.2016).

Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989. 94 с.

- Земская Е.А. Литературная норма и неузуальное словообразование // Современный русский язык: Система норма узус. М., 2010. С. 207—253.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.
- Земская Е.А. Словообразование // Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Синтаксис. М., 1981. С. 71—189.
- *Ильясова С.В.*, *Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2015. 296 с.
- *Карасик В.И.* Коммуникативные нормы массовой культуры // Дискурс. Культура. Ментальность. Нижний Тагил, 2011. С. 18–33.
- *Касим Г.Ю.* Псевдокомпозиты в топонимии. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28352/1/vo_12_06.pdf (дата обращения: 25.08.2016).
- Клобуков Е.В. Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. М., 2015. Вып. 11. 284 с.
- Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce. 2016. 152 с.
- *Комелова Н.З.* Введение // Словарь новых слов русского языка (середина 50-х середина 80-х годов). СПб, 1995. С. 4–11.
- Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62—75.
- Лингвистика креатива-1: Коллективная монография. Екатеринбург, 2013. 369 с.
- Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Семантико-словообразовательный потенциал прецедентных текстов на газетной полосе // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. С. 437—438.
- Николина Н.А. Словотворчество в интертекстуальном аспекте // ОСМЬ ДЕСАТЪ: Сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуханова / Отв. ред. М.А. Малыгина. М., 2015. С. 146—154.
- Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. М., 2010. С. 424—443.
- *Плотникова Л.И.* Словотворчество как феномен языковой личности. Белгород, 2003. 332 с.
- Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX—XXI вв. // Лингвистика креатива-1: Коллективная монография. Екатеринбург, 2013. С. 147—175.
- Радбиль Т.Б. Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения. М., 2017. 592 с.

- Рацибурская Л.В. Основные направления исследования новообразований в современной российской лингвистике // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков, 2016. С. 51–58.
- Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного словотворчества. М., 2015. 136 с.
- Рацибурская Л.В., Шелов С.Д. [Рецензия] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб, 2009. Т. 1 (А–К). 813 с. // Русский язык в научном освещении. 2011. Вып. 2(22). С. 305–309.
- *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 552 с.
- Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера. М., 2008. 256 с.
- Стахеева А.В. Аббревиация как словотворчество и языковая игра // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка. Ростов-на-Дону, 2009. С. 17—166.
- Черняк В.Д. Фрагменты русской языковой картины мира в зеркале неологических словарей // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления) / Под ред. Т.Н. Буцевой, О.М. Каревой. СПб, 2006. С. 171—173.
- *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М., 2008.
- Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М., 2011. С. 82–94.

Timur B. Radbil, Larisa V. Ratsiburskaya, Nadezhda A. Bakich, Elena A. Zhdanova, Valentina A. Toropkina, Elena V. Shchennikova

SOCIAL AND CULTURAL, COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF CURRENT WORD FORMATION PROCESSES

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod 23 Gagarina avenue, Nizhny Novgorod, 603950

The article regards the problem of interpretation and evaluation of word-building processes and their results in the Russian language as a reflection of certain socio-cultural, cognitive and communicative priorities. Based on the material of neologisms in mass media and advertising the authors expose the specificity of the ways of the world language conceptualization, the social conditionality of neoderivatives, the word-building specificity of nominations in the sphere of

naming, the functional-pragmatic potential of word-building neologisms of the usual and non-usual character. Special attention is paid to the game function of neologisms and, in particular, to playing on the precedent phenomena; using different kinds of graphic elements; the expressive-evaluative features of neologisms. The socio-cultural aspects of fixing neologisms in lexicographic sources are considered.

Key words: word-building; mass media; advertising; cognitive stadies; pragmalinguistics; communication; word-building game; lexicography.

About authors: Timur B. Radbil — Doctor of philological sciences, Professor, Professor of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: timur@radbil.ru); Larisa V. Ratsiburskaya — Doctor of philological sciences, Professor, Head of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: racib@yandex.ru); Nadezhda A. Bakich — Candidate of philological sciences, Associate Professor of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: nasa85@yandex.ru); Elena A. Zhdanova — Senior Teacher of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru); Valentina A. Toropkina — postgraduate student of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: tva94@ rambler.ru); Elena V. Shchennikova — Candidate of philological sciences, Associate Professor of Modern Russian language and General linguistics Department (e-mail: shen1@yandex.ru).

References

- Alefirenko N.F. *Problema vyyavleniya nacional'no-kul'turnogo komponenta znacheniya russkih frazeologizmov i paremij* [The problem of identifying the national-cultural component values of Russian idioms and Proverbs]. Russkij yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy: II Mezhdunarodnaya konferenciya, t. I, Granada, 2010, ss. 19–23. (In Russ.)
- Bryzgunova E.A. *Russkaya rech' nachala devyanostyh godov XX veka* [Russian speech of the early nineties of the XX century]. Russkaya slovesnost', 1994, № 3, ss. 88–94. (In Russ.)
- Vendina T.N. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm) [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)], M., 1998. (In Russ.)
- Galaktionov A.P., Popova T.V. Morfemnye tipy nominativnyh poligrafik-satov-simpleksov v sovremennom russkom yazyke [Morphemic types of nominative poligrafixators-simplices in the modern Russian language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I, Lobachevskogo*, 2011, № 5-1, ss. 313–317. URL: https://elibrary.ru/item.asp? id=18242176 (data obrashcheniya: 20.06.2016). (In Russ.)
- Goverdovskij V.I. *Konnotemnaya struktura slova* [Connotation structure of the word]. Har'kov, 1989. (In Russ.)
- Zemskaya E.A. *Literaturnaya norma i neuzual'noe slovoobrazovanie* [Literary norm and non-verbal word formation]. Sovremennyj russkij yazyk: Sistema norma uzus. M., 2010, ss. 207—253. (In Russ.)

- Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' [Word-formation as an activity]. M., 1992, 221 s.
- Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie* [Derivation]. Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., SHiryaev E.N. Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Sintaksis. M., 1981, ss. 71–189. (In Russ.)
- Il'yasova S.V., Amiri L.P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language game of communicative space of media and advertising]. M., 2015. (In Russ.)
- Karasik V.I. *Kommunikativnye normy massovoj kul'tury* [Communicative norms of mass culture]. Diskurs. Kul'tura. Mental'nost'. Nizhnij Tagil, 2011, ss. 18–33. (In Russ.)
- Kasim G.YU. *Psevdokompozity v toponimii* [Pseudocomposites in toponymy]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28352/1/vo_12_06.pdf (data obrashcheniya: 25.08.2016).
- Klobukov E.V. *Univerbaciya v ee otnoshenii k sisteme sposobov sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya* [Univerbation in its relation to the system of methods of modern Russian word formation]. Yazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskih statej. M., 2015, vypusk 11. (In Russ.)
- Koryakovceva E.I. *Ocherki o yazyke sovremennyh slavyanskih SMI (semantiko-slovoobrazovatel'nyj i lingvokul'turologicheskij aspekty*) [Essays on the modern Slavic mass media (semantic-derivational and linguistic and cultural aspects)]. Siedlce, 2016. (In Russ.)
- Kotelova N.Z. *Vvedenie* [Introduction]. *Slovar' novyh slov russkogo yazyka* (*seredina 50-h seredina 80-h godov*), SPb, 1995, ss. 4–11. (In Russ.)
- Krasnyh V.V. *Kognitivnaya baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii* [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. Vestnik Mosk. gos. un-ta, seriya 9, Filologiya, 1997, № 3, ss. 62–75.
- Lingvistika kreativa-1: kollektivnaya monografiya [Linguistics of creativity-1: collective monograph]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2013. (In Russ.)
- Namitokova R. Yu., Neflyasheva I.A. Semantiko-slovoobrazovatel'nyj potencial precedentnyh tekstov na gazetnoj polose [Semantic word-formative potential of precedent texts on newspaper page]. Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka. Trudy i materialy, M., 2004, ss. 437–438. (In Russ.)
- Nikolina N.A. *Slovotvorchestvo v intertekstual'nom aspekte* [Words in the intertextual aspect]. OSM' DESAT: Sbornik nauchnyh statej k 80-letiyu I.S. Uluhanova', otv. red. M.A. Malygina, M., 2015, ss. 146–154. (In Russ.)
- Petruhina E.V. Vozmozhnosti, funkcii i konkurenty slovoproizvodstva v sovremennom russkom yazyke [Features, functions and competitors of word derivation in the modern Russian language]. Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov, pod red. E.V. Petruhinoj. M., 2010, ss. 424–443. (In Russ.)

- Plotnikova L.I. *Slovotvorchestvo kak fenomen yazykovoj lichnosti* [Word-creation as a phenomenon of linguistic personality]. Belgorod, 2003. (In Russ.)
- Popova T.V. *Kreolizovannye derivaty kak ehlement russkoj pis'mennoj kommunikacii rubezha XX–XXI vv.* [Creolized derivatives as an element of Russian written communication of the turn of XX–XXI centuries]. Lingvistika kreativa-1: kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg, 2013, ss. 147–175. (In Russ.)
- Radbil' T.B. *Yazyk i mir. Paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the world. Paradoxes of mutual reflection]. M., 2017. (In Russ.)
- Raciburskaya L.V. Osnovnye napravleniya issledovaniya novoobrazovanij v sovremennoj rossijskoj lingvistike [The main directions of research of innovations in modern Russian linguistics]. *Yazyk i metod: Russkij yazyk v lingvisticheskih issledovaniyah XXI veka. Lingvisticheskij analiz na grani metodologicheskogo sryva.* Krakov, 2016, ss. 51–58. (In Russ.)
- Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. *Specifika sovremennogo slovotvorchestva* [Specificity of contemporary word creation]. M., 2015. (In Russ.)
- Raciburskaya L.V., Shelov S.D. [Recenziya] *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: V 2t.* [New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of the 90-ies of XX century: In 2 t.]. Sost. T.N. Buceva, E.A. Levashov, YU.F. Denisenko, N.G. Stulova, N.A. Kozulina, S.L. Gonobobleva; otv. red. T.N. Buceva. In-t lingvisticheskih issledovanij RAN. SPb, 2009, t. 1 (A–K). 813 s. Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii, 2011, vyp. 2(22), ss. 305–309. (In Russ.)
- Sannikov V.Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry* [The Russian language in the mirror language game]. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2002. (In Russ.)
- Slobodyanyuk E.P. *Nastol'naya kniga kopirajtera* [Handbook of copywriter]. M., 2008. (In Russ.)
- Staheeva A.V. *Abbreviaciya kak slovotvorchestvo i yazykovaya igra* [Abbreviation as the word creation and word-play]. Funkcional'nye i ehtnokul'turnye aspekty izucheniya russkogo yazyka. Rostov-na-Donu, 2009, ss. 17–166. (In Russ.)
- Chernyak V.D. *Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira v zerkale neologicheskih slovarej* [Fragments of the Russian language picture of the world in the mirror of neological dictionaries]. Russkaya akademicheskaya neografiya (k 40-letiyu nauchnogo napravleniya), pod red. T.N. Bucevoj, O.M. Karevoj. SPb, 2006, ss. 171–173. (In Russ.)
- Shahovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya ehmocij: Monografiya* [Linguistic theory of emotions: Monograph]. M., 2008. (In Russ.)
- Shmelev A.D. *Evolyuciya russkoj yazykovoj kartiny mira v aspekte kul'tury rechi*. Voprosy kul'tury rechi [Evolution of the Russian language picture of the world in the aspect of culture of speech], otv. red. A.D. Shmelev. M., 2011, ss. 82–94. (In Russ.)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К.Ю. Дойкина

ГЛАГОЛЬНЫЕ ЭНКЛИТИКИ В ДУХОВНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТАХ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ XIV—XVI вв.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья посвящена глагольным энклитикам в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. В ней рассматриваются особенности функционирования связок перфекта и их эволюция, а также исследуются так называемые новые энклитики: словоформы δ ыль, δ ыла в составе плюсквамперфекта и анализируется их статус.

Ключевые слова: древнерусский язык; древнерусские энклитики; связки перфекта; личные местоимения; плюсквамперфект.

Современный русский язык, в отличие от большинства других славянских языков, не имеет стройной системы энклитик. В древнерусском же языке она существовала на протяжении нескольких веков, но затем в процессе развития языка утратилась, хотя некоторые элементы ее в современном языке сохранились¹. Энклитики, относящиеся к сказуемому, подчинялись закону Вакернагеля, т.е. располагались после начальной тактовой группы клаузы. Они объединялись в цепочки, внутри которых их позиция определялась правилом рангов. Рангов в древнерусском языке было восемь: 1-й частица же, 2-й — частица ли, 3-й — союз бо, 4-й — частица ти, 5-й морфема в составе сослагательного наклонения бы (некогда форма аориста), 6-й — местоименные энклитики Д. п., 7-й — местоименные энклитики В. п., 8-й — связки перфекта. В позднюю эпоху могли появляться и новые энклитики, например, словоформы быль, была, было в составе плюсквамперфекта, форма дъи, формы реку, рече и прочие [Зализняк, 2008: 28-47].

Данная статья посвящена глагольным энклитикам, связкам перфекта и формам глагола **быти** в составе плюсквамперфекта,

Дойкина Ксения Юрьевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (kseniya.dojkina@mail.ru).

¹ Имеются в виду частицы **же, ли, бы**, которые по-прежнему не могут начинать клаузу и частично сохраняют ранговую организацию [Зализняк, 2008: 267–268].

обнаруженным в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. [Духовные и договорные грамоты, 1950] (далее — ДДГ). Ниже будут рассмотрены статус данных словоформ, особенности их функционирования, а также их эволюция.

Связки перфекта

При изучении связок перфекта необходимо обратить внимание на два аспекта: во-первых, на позицию словоформ есмь, еси, есмы и их вариантов во фразе, а во-вторых, на то, что является показателем лица и числа в клаузе с перфектом: связка или личное местоимение.

Рассматривая связки в первом аспекте, необходимо учитывать статус памятников письменности: книжные они или некнижные. Дело в том, что в книжных текстах связки ведут себя как полноударные формы. Об этом могут свидетельствовать знаки ударения в акцентуированных рукописях (например, в Чудовском Новом Завете), а также расположение связок в недопустимых для энклитик позициях, т.е. не соответствующих закону Вакернагеля. В некнижных текстах связки перфекта, как правило, являются энклитиками и занимают второе место во фразе. Диагностическими примерами при этом будут считаться лишь те, в которых знаменательный глагол (в форме л-причастия) НЕ начинает клаузу (например, коли еси быль в своее очинъ № 13), в противном случае связка автоматически примыкает к знаменательному глаголу (явление автоматической постпозиции) [Зализняк, 2008:65]. Таким образом, интерес в основном представляют примеры, где связка находится в препозиции относительно глагола. Для этих случаев полезно посчитать коэффициент препозиции, то есть отношение числа случаев препозитивного употребления связки к числу таких случаев, где глагол не занимает первое место во фразе. Этот показатель является объективным для определения просодического статуса связок перфекта.

Второй аспект, конкуренция связок и личных местоимений, важен для описания не позиции, а эволюции исследуемых словоформ. В древнерусском языке существовало три модели: 1) даль еси (причастие и связка) 2) ты даль (личное местоимение и причастие) 3) ты еси даль (личное местоимение, связка и причастие) [там же, 239]. Нейтральной моделью для более раннего периода была первая модель, где грамматическое значение лица выражалось при помощи связки (стоит сразу заметить, что связка 3 лица очень рано выходит из употребления в живом языке). Местоимение-подлежащее в немаркированных случаях, как правило, не используется. А.А. Зализняк формулирует правило употребления связок следующим образом: «если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то

связка отсутствует; если такого подлежащего нет, то связка присутствует...». [Зализняк, 2008: 240]. Употребление личных местоимений также регулируется рядом правил, которые подразделяются на обязательные и необязательные.

Обязательное местоимение используется в следующих случаях (назовем наиболее релевантные для дальнейшего изложения):

- подлежащее несет на себе эмфазу;
- подлежащее противопоставляется подлежащему предшествующей клаузы;
- подлежащее входит в состав сочинительной группы;
- во фразах с обращением, где сказуемое стоит во 2-м лице и имеет при себе обращение и т.д.

Факультативно местоимения употребляются:

- подлежащее противопоставляется подлежащему последующей клаузы;
- подлежащее имеет при себе определение или приложение и т.д. [там же: 241–245].

Эволюция связок перфекта заключалась в постепенной их замене на личные местоимения там, где правила употребления местоимения не требовали. В целом это похоже на ситуацию с местоименными энклитиками: и те, и другие вытеснялись своим полноударным вариантом.

Такова общая характеристика связок перфекта, прочие замечания будут приводиться в связи с отдельными примерами. Перейдем к рассмотрению конкретного материала.

В ДДГ обнаружилось большое количество примеров употребления связок перфекта.

Начнем с определения просодического статуса связок. Рассматриваемые тексты являются образцом деловой письменности, основанной на некнижном языке, поэтому словоформы есмь, еси, есмя и т.д. ведут себя как энклитики, что подтверждается многочисленными примерами:

а се есмь роздълъ учинил № 1а; *половину есмь купилъ* № 1б;

коли еси былъ в своее очинъ № 13;

- .., как **есмь** жи¹ съ твоим отцом № 30а;
- .., гдт **есмя** что взяли, и на^м то все отдати № 46;
- .., которые еси подавал манастырем № 69 Іб.

Случаев, где связка стоит в недопустимой для энклитики позиции, нет; нетипичные примеры будут прокомментированы ниже.

Во всех приведенных выше примерах связки перфекта располагаются в соответствии с законом Вакернагеля. Однако А.А. Зализняк при исследовании древнерусских памятников выяснил, что в силу действия определенного условия энклитики могут сдвигаться во фра-

зе вправо [Зализняк, 2008: 47—49]. Этим условием является действие ритмико-синтаксических барьеров, т.е. своего рода пауз, служащих для выделения участка фразы. Чем сложнее устроена фраза (клауза), тем вероятнее появление в ней барьеров. Следовательно, и положение энклитик будет зависеть от сложности устройства клаузы.

А.А. Зализняк предлагает разделить все клаузы с не начальным положением сказуемого на два типа простые и осложненные, последние же подразделяются на многоактантные и тяжелые. В простых клаузах предглагольная часть состоит из легкой (состоящей из одного фонетического слова) актантной группы, сверх указанных элементов такие клаузы могут включать местоимение или местоимение с предлогом. Многоактантные клаузы содержат несколько актантных групп, в тяжелых клаузах должна присутствовать тяжелая актантная группа, содержащая более одного фонетического слова [там же: 17].

Рассмотрим, как ведут себя связки перфекта в разных типах клауз в ДДГ.

Простые клаузы

В простых клаузах связки последовательно занимают законное второе место на протяжении всего рассматриваемого периода:

```
а что есмь писаль всю грамоту № 2;

и чтымь есмь его бл(а)\epsilon(о)\epsilon(ло)виль № 12;

как еси дава^{4} отцу моему № 24a (2);

как еси рекль № 31;

..., а то еси, брате, остави^{4} все по се наше докончанье № 42;

коли есмь шо^{4} к своее отчинь № 61a;

а ког(о) есмь не написа^{4} своих холопов № 71;

что есми им писал в своеи д(у)х(о)внои грамоть № 91;

а што есми купи^{4} у Иванца № 99.
```

Случаи смещения связок вправо в текстах обнаруживаются, однако их число сравнительно меньше. Обращает на себя внимание то, что смещение в большем количестве примеров происходит тогда, когда клауза начинается с существительного, в том числе местоименного. Объясняется это тем, что начальное существительное представляет собой тему фразы, на него падает логическое ударение, поэтому оно отделяется некоторой паузой. Коэффициент препозиции в данном типе клауз очень высок (83% 153/184) на протяжении всего рассматриваемого периода:

```
а противу Ржевы // отъступил ся есмь кн(я)зю № 16^2; а к тому // пожалова<sup>л</sup> есмь брата своего № 16; а о все<sup>м</sup> // поставили есмя на собя свидътеля № 51a;
```

² Ритмико-синтаксические барьеры обозначаются знаком //.

```
а до описи // пожаловал тя есмь № 52a;
а за городом // дала есмь ему Елизаровскии двор № 57;
..., да на Москвъ // дал есми ему землю Можжоельника № 80в.
```

Многоактантные клаузы

Многоактантные клаузы по своей структуре не простые и не тяжелые. В грамотах при этом положение связок приближается именно к показателям простых клауз: энклитики стараются закрепиться в начале фразы (примеров употребления здесь гораздо меньше, всего 20 примеров, для сравнения случаев употребления связки в тяжелых клаузах 63):

которыњ ми **еси** волости Городцю прида^л № 16; а на кабала^х **есмь** то серебро подписа^л № 30a;

а что **есмя** $\kappa o^{\epsilon}(o)$ $\kappa h(я)$ зя велико $^{\epsilon}(o)$ людеи подавали на поруки № 46;

а что есми в своеи винъ взял у Ивашка № 80в.

Тяжелые клаузы

В тяжелых клаузах препозитивное употребление связок перфекта встречается, однако оно не является преобладающим, в отличие от двух предыдущих типов:

а лихихъ бы есте людей не слушали № 3 (связка в составе сослагательного наклонения II)³;

- .., тому **есмь** всему учинил удерть № 52а;
- .., и ть есмь всь волости, и села, и деревни тьх волостеи, и взы дал есмь своеи $\kappa h(s)$ г(и)нь № 61a.

В большем количестве примеров наблюдается постпозиция. Прежде чем приводить примеры, прокомментируем наличие в них ритмико-синтаксических барьеров. Дело в том, что отделение тяжелой актантной группы барьером обнаруживается в клаузах с местоименными энклитиками, чей просодический статус бесспорен. Вследствие наличия барьера местоименная энклитика смещается и становится справа от глагола:

а с Романова городка // давати **ми** татаршыну № 72 IIIб. Итак, примеры таковы:

а ис Тамги ис Коломеньское // да¹ есмь четвертую часть № 4а;

... и кони, и жеребьци, и стада своя, // даль есмь своему сну N° 8; а то Олексино // дала есмь кн(я)гине Ефросинье N° 57;

а ис тъх изо всъх трех третеи // дал есмь своеи $\kappa H(\mathfrak{A})\mathcal{E}(u)$ нъ половину тамги $\mathbb{N}_2$ 61a;

³ См. [Зализняк, 2004: 143].

а дети свои // приказал **есмь** своеи кн(я) $\epsilon(u)$ нть № 61а;

.., а кн (я) зя Петра Микитич (а) // пожаловал есмь Шорсною № 71.

На примере тяжелых клауз мы видим, что энклитика могла как разрывать начальную актантную группу, нарушая при этом принцип проективности, так и перемещаться в постпозицию к глаголу, сохраняя начальную группу. Судя по количеству случаев, вторая тенденция преобладает. Любопытен в этом плане пример, где две модели поведения энклитики сталкиваются в пределах одной фразы:

и ть есмь всь волости, и села, и деревни тьх волостеи, и ьзы дал есмь своеи кн(s)г(u)нь N61a.

Первый раз энклитика оказывается в законной «вакернагелевской» позиции, затем пишущий дублирует ее еще раз уже в контактной позиции с глаголом. Заметим также, что повторятся во фразе могут не только связки, но и другие энклитики (например, местоименные), что обусловливалось наличием нескольких тяжелых актантных групп.

Таким образом, закономерность расположения связок перфекта следующая: чем проще фраза, тем вероятнее, что энклитика окажется в ее начале. Однако даже в тяжелых клаузах она способна разрывать начальную группу и вставать в «вакернагелевскую» позицию. Для сравнения: энклитика **ся** реже проникает внутрь начальной группы, стремясь при первой возможности переместиться в постпозицию к глаголу, хотя ее ранг в цепочке выше, например:.., в то во все // не вступати **ся** № 846.

При исследовании грамот встретились и такие случаи, которые выбиваются из общей картины, представленной выше. Попробуем их прокомментировать.

А. а холопи которые подава^л **есмь** своеи княгинт при свое^м животт ть еи и есть. № 22.

На первый взгляд, можно было предположить, что барьер в данном примере мог возникнуть после слова «холопи» как после именительного темы, и тогда связка перфекта оказывается в нетипичном для энклитики месте. Однако в заблуждение здесь вводит расположение местоимения, в прочих подобных случаях фраза выглядит так:

а которые суды // суди ^{a} еси, седя на Москвъ, а тъх ми судов твоих не посужати № 306;

а которые села // подава ^{4} есмь по манастыре ^{4} № 68.

Следовательно, в рассматриваемом примере барьер располагался вероятнее всего после местоимения «которые», и никаких аномалий в положении энклитики нет.

Б. пожаловал меня Можаиско^м... опроче $m r^x$ се^л и дереве^н, что подава^л еси бояро^м № 72 III6; № 826.

Здесь энклитика смещается вправо, причем предположить наличие барьера представляется трудным. Скорее всего начальное «что», в нормальном случае являющееся полноударной формой (это видно, на таком примере, как: *и что ми ся еси*, *г*(*ocnodu*) *не*, *отступил Дмитрова* № 45 Па, где за местоимением следует целая цепочка энклитик). объединяется с последующим словом в акцентном плане, тем самым становясь проклитикой (это явление носит название вторичная проклиза) [там же: 69—70]. В таком случае связка перфекта занимает позицию, характерную для энклитики. Хочется сделать еще одно замечание. Две приведенные конструкции встречаются как в подлинниках грамот второй половины XV в., так и в списках с этих грамот. Другая конструкция, где мы также наблюдаем вторичную проклизу, имеет, на наш взгляд, одну особенность. В некоторых текстах она выглядит так:

- .., *и што есмь собъ примысли*¹ № 45 Ia;
- .., и что **есмь** собъ примысли^л № 58a.

Здесь энклитика встает на второе место в клаузе. В других грамотах обнаруживается немного измененный вариант:

- .., и что самъ есмь примыслилъ № 36a (список сер. XV);
- .., и что са^м еси примысли^л № 36б (список сер. XV).

Тут, по-видимому, что превращается в проклитику. А.А. Зализняк отмечает, что вторичная проклиза часто возникает там, где последующее слово подвергается выделению, несет эмфазу [там же]. Думается, что последние четыре примера являются хорошей иллюстрацией этого. Местоимение **сам** в своей семантике несет некоторую усилительность, в отличие от **собѣ** в примерах из грамот № 45 и № 58. Эта смысловая выделенность подчеркивается еще и вторичной проклизой начального местоимения. Таким образом, мы можем утверждать, что **самъ** несет эмфазу, **что** подвергается превращается в проклитику, а связка перфекта располагается согласно закону Вакернагеля.

В. на се^м на все^м есмя целовали $\kappa p(e)^c$ ть № 18 (XV).

В данном примере связка стоит сразу же после тяжелой актантной группы, что для энклитики нехарактерно. В других подобных примерах порядок слов следующий:

на семь на всемь // целовали есмы крестъ № 11.

Данная грамота № 18 является списком с грамоты XIV в., поэтому здесь нельзя исключать вероятности ошибки ^{4} при переписывании.

⁴ Отметим, однако, что в ДДГ обнаружились некоторые сомнительные случаи, связанные с постановкой энклитик (местоименных) после неодночленной актантной группы. Этот вопрос еще нуждается в дополнительном изучении [Циммерлинг, 2013: 492].

Как мы видим, связки перфекта в ДДГ безусловно являлись энклитиками. Со временем они, как и прочие энклитики, начали утрачиваться. Напомним, что процесс утраты связок заключается в постепенной замене их на личные местоимения. Рассмотрим, как отразился этот процесс в грамотах.

На протяжении всего изучаемого периода главным показателем лица и числа является связка, причем в ряду однородных сказуемых она употребляется при каждом из них:.., ma^{κ} же, брате, пожалова ms есмь, отступил ся есмь тобъ Суходола № 45 Ia.

Личные местоимения обнаруживаются в случаях, которые соответствуют правилам, указанным выше:

а что язъ, $\underline{\kappa h(s)}$ *зь великии* взял…*пятьдесят рублев* № 34 (наличие приложения);

и **яз** посылал на тъ земли розводчика, <u>и кн(я)зь Борис</u> посылал № 77 (противопоставленность подлежащему последующей клаузы);

се **яз**, княз (ь) Михаило Андръевич, пожаловал есми, дал есми къ Вознесен(ь)ю в манастырь № 80л (застывшая формула).

Употребление личных местоимений вместо связок при смене субъекта в клаузах хорошо демонстрирует следующий отрезок грамоты (в том числе здесь следует обратить внимание на связку в составе плюсквамперфекта):

да что ми да ^{1} $\underline{c(ы)}$ нь мои, кня ^{3} (ь) великіи Василеи Васи ^{1} (е)ви ^{4} , мьсто дворовое Фоминьское Иванови ^{4} (а), и я ^{3} на то ^{6} на Фоминьско ^{6} мьсть поставила житничный дворь, да того ^{36} Фоминьского мьста промънила есмь была Ивану Старкову, на его куплю, на Степановьскій дворь..., а то ^{6} есмь была Степановъский дворь... взяла собт, а Ивану есмь была противу того дала Фоминьского мьста, гдть собть Ивань хоромы постави ^{7} , и то свое мьсто... въдае ^{6} Ивань, а в то ся мьсто Фоминьское не въступае ^{6} , а язъ то все Фоминьское мьсто... дала внуку же своему $\mathbb{N}$ 57.

Каждый раз, когда меняется подлежащее, появляется местоимение **язь**, когда же на отрезке речь идет о действиях субъекта первого лица, употребляется связка.

По-своему интересен и такой пример:

а чт^м мя бл(а)г(о)^c(ло)ви^л $o^m(e)$ ць мои...и что $\mathbf{g}^3$ собт примысли^л № 65.

Здесь можно было предположить использование личного местоимения как указание на действующих лиц, однако это конструкция встречается в грамотах достаточно часто и имеют иной вид. Здесь следует сделать небольшое отступление.

Большая часть исследуемых текстов представляет из себя набор определенных формул, где формы слов одинаковы от грамоты к грамоте. Если обнаруживается некая иная форма, значит, в системе языка произошли какие-то серьезные изменения. Например, если

в формульной конструкции местоименная энклитика все чаще заменяется полноударным вариантом, это может значить, что сама энклитика либо уже утратилась, либо близка к исчезновению.

Возвращаясь к нашему примеру, нужно указать на то, что в представленной конструкции во всех фразах будет употребляться связка перфекта:

а чъмъ, брате, мене, великого кн(я)зя, бл(а)гословилъ от(е)ць мои.., и што есмъ собъ примысли ^{1} № 45 Пб;

a чr^м mя, ε(oсnоdи) нe, бл(a)ε(o)^c(n0)ви ^{a} om(e)цb mвoи..., u чm0 eсu cобr0 nрuмысnи ^{a} № 816.

Вариантов интерпретации примера из грамоты № 65 может быть два: либо писец здесь делает логическое ударение (что сомнительно ввиду подобных примеров, где в рассматриваемой позиции связка, а не местоимение), либо это свидетельствует о свободной взаимозаменяемости связки и личного местоимения даже в формулах.

Неоднозначными случаями замены связки можно считать и такие примеры:

а что есми в своеи винъ взя^{^{n}} у Ива^{^{u}}ка у Селиверстова его во^{^{m}}чинку..., и **я**^{^{3}} Ивашка Селиверстова пожалова^{^{n}}, о^{^{m}}даю ему после живота своего его во^{^{m}}чинку № 80в;

а что есми взя^a у Федора у Карачарова и у его c (ы) на у Митрофанца куплю u^x ... и s^a пожалова c (ы)на его Митрофанца, da^a есми ему... в куплю Всатыково № 80в.

Скорее всего, здесь мы имеем дело тоже с определенного рода выделением: брал и вот я же компенсирую. На эту мысль наталкивает употребление местоимения в аналогичной конструкции, где сказуемое выражено глаголом настоящего времени:

а что есмь у своеи $\kappa h(\mathfrak{s})\varepsilon(u)$ ни взял село Селивановское в Медушах да дал κ св $(\mathfrak{s})$ тои Тро(u)ц $\mathfrak{b}$, и $\mathfrak{s}^3$ в то мъсто даю своеи $\kappa h(\mathfrak{s})$ гин $\mathfrak{b}$ села N_2 61a.

Сходны с примерами из грамоты № 80 и такие фразы:

а что еси у Ивашка у Селиверстова въ своеи винъ взя¹ его робу Федо°ку с детми..., и $\mathbf{g}^3$ н(ы)н(ъ) ча пожалова¹ ту Федо°ку с детми..., отпусти¹ есми их на слободу, и грамоты есми им свои жалова¹ ные отпускные
подава¹ № 806;

а что есми истеря ^{a} у своеи сестри ^{4} ны... и $\mathbf{g}^{3}$ еи за то благослови ^{a} понагъя золота N_{2} 88.

Между тем есть и другие примеры, которые объяснить действием правил употребления личных местоимений представляется трудным. Все они поздние (конца XV — начала XVI в.) более того, содержатся в списках грамот XV в.:

а ка^к есми да^л г(осподи)ну своему, великому кн(я)зю, свою во^тчину, Белоозеро, и $\mathbf{g}^3$ после то^г(о) купи^л собъ на Бельозеръ у Олеши у Офона^с(ь)ева Πu^n ни^к да Мароозеро, а да^л **есми** то^м селъ ше³деся^т рубле^в, и $\mathbf{g}^3$ то село да^л в $\Pi p(e)$ ч(u)^стои в до^м № 80а (список кон. XV в. с грамоты конца XV в.);

.., а по котораа мъста да^л есми_ему тъ дворы горо^дные, и $\mathbf{g}^3$ да^л ему списо^к за своею печа^т(ь)ю № 89 (список начала XVI в. с грамоты конца XV в.);

а что **есми** да^л своеи казны свои^м дъте^м, Юрью, Дмитрею, Семену, Ан^дрею, и $\mathbf{g}^3$ что да^л $\mathbf{c}(\mathbf{u})$ ну своему Юрью, и то **есми** покла^л в ларци № 89 (список начала XVI с грамоты конца XV в.).

Здесь мы наблюдаем уже варьирование связки и местоимения во фразах, где какое-либо выделение (эмфазу) предположить трудно, так как в данных примерах нет ни смены главного действующего лица, ни контрастирующих между собой ситуаций.

Проанализировав данные, касающиеся истории связок перфекта, можно сделать вывод, что в грамотах утрата данных энклитик намечена, однако ярко эта тенденция не проявилась. Случаи, показавшиеся неоднозначными, свидетельствуют скорее в пользу того, что зона употребления личных местоимений со временем расширяется (данные примеры встречаются со второй половины XV в.). Чистое свободное варьирование, как было отмечено, наблюдается лишь с конца XV — начала XVI в. (примеры из грамот № 80а и № 89). Активный процесс утраты связок по данным других памятников начинается как раз в XVI в. [там же: 255], поэтому можно считать, что ДДГ являются надежным источником для реконструкции системы энклитик.

Словоформы быль, была в составе плюсквамперфекта

А.А. Зализняк предположил, что в древнерусский период **быль**, **была**, **были** в составе плюсквамперфекта приобретали статус энклитик. Большинство примеров показывают, что во фразе данные словоформы занимают соответствующее место, а в цепочке энклитик им должен соответствовать ранг 9. Однако имеются два примера (из грамоты № 34 ДДГ и из Послания Ивана Грозного), где **быль** выступает как полноударная форма. А.А. Зализняк приходит к выводу, что эти словоформы не стали до конца энклитическими [Зализняк, 2008: 39—41].

А.В. Циммерлинг настаивает на том, что рассматриваемые словоформы в составе плюсквамперфекта являлись в период XIII-XV вв⁵. чистыми кластеризуемыми энклитиками, исходя из особой

⁵ Свое исследование А.В. Циммерлинг проводит на материале текстов, включенных в Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (М., 1813—1826).

синтактики (т.е. расположения во фразе) указанных словоформ. Основываясь на этом критерии, исследователь включает в разряд энклитик **буду, будеши, будеть** в составе сложного будущего времени, которые, являясь полноударными формами, занимают второе место в клаузе [Циммерлинг, 2013: 340—342].

Д.В. Сичинава, рассматривая функционирование частицы **было** (в XVII в. в великорусских говорах элемент **был-** в составе плюсквамперфекта утратил согласование и превратился в частицу), отмечает, что в поэтических текстах XVIII—XIX вв. данная частица подчиняется закону Вакернагеля, часто употребляется в дистантной препозиции относительно глагола и не встречается в начале предикативной группы [Сичинава, 2014: 69—73].

Современные корпусные данные свидетельствуют о том, что частица **было**, сохраняя свой энклитический статус, не может начинать предложение, однако было обнаружено несколько примеров, где она располагается в начале клаузы. Что касается положения частицы внутри клаузы, то по данным Национального корпуса русского языка «вакернагелевский» порядок в финитных клаузах нарушается достаточно часто (в 28% случаев). Д.В. Сичинава указывает и на парадоксальную закономерность: в нефинитных клаузах, где подлежащее почти никогда не выражается, сохранение старого порядка расположения частицы выше, чем в прочих типах фраз, тогда как в древнерусском языке в нефинитных клаузах действие закона Вакернагеля ослаблялось [Сичинава, 2009: 369—370].

Не совсем определенный статус имеет вспомогательный глагол плюсквамперфекта в закарпатских украинских говорах. М.Н. Толстая, рассматривая bool формы (соответствуют русс. был) в изъявительном и сослагательном наклонении (конструкции с частицей boo (соответствуют бы), отмечает, что одна и та же форма может выступать и как энклитика, занимая соответствующее место во фразе, и как полноударная форма, расположение которой не определяется жесткими правилами [Толстая, 2000: 134—143].

Рассмотрим теперь примеры со словоформами **быль, была** в текстах грамот. Первое, что нужно отметить, это ряд случаев, где данные словоформы занимают место, свойственное энклитикам:

а что еси **бы**¹, ε (осподи) нъ нашь, κ н(я)зь Дмитреи Юрьеви⁴, o^m ступи^л ся своему брату № 40;

- а что мя еси **бы**¹, $\epsilon(o)^c$ (поди)не, пожалова¹, да¹ ми еси в вотчину Козлескъ № 48:
- .., что ми **бы**⁴ к мои^м село^м [далъ в]олостныи пустоши c(ы)нъ мои № 57;
- .., а Ивану есмь **была** противу того дала того Фоминьского мъста № 57.

В первом предложении мы видим не нарушение правила ранга, а сращение **ся** с глаголом. Однако для нас важно, что энклитика **быль** оказывается перед барьером, который должен возникнуть из-за наличия в клаузе обращения.

Более того, мы имеем пример, где **быль** разрывает начальную актантную группу:

.., и то ^{m} есмь **была** Степановъскии дворъ и его дътеи взяла собъ N circ 57.

В случаях начального положения глагола в клаузе быль примыкает справа, условно соответствуя 9 рангу:

- ..., ∂a^a еси **бы**^a, $\varepsilon(o)^c$ (nodu)не, мнъ въ вотчину № 56б;
- .., ∂a^n еси **бы**^л, ϵ (осподи)не, мнъ в вотчину и мои^м дъте^м № 58б;
- .., да^л есмь **бы**^л тебт в вотчину № 58a.

Итак, все вышеприведенные примеры указывают, что **быль** вполне может быть энклитикой. Пограничные случаи — это случаи разделения энклитик:

а что еси, // г(осподи)не, // пожалова ^{1} бы ^{1} мене своею отчиною № 586.

Наряду с фразами, где словоформы **былъ, была** занимают место согласно закону Вакернагеля, обнаруживаются такие примеры, которые надежно свидетельствуют об их полноударном статусе:

как еси, // ε (о)^c(поди)не, // **бы**¹ мене пожалова¹ № 56б; как еси, // ε (осподи)не, // **бы**¹ мене пожаловалъ № 58б.

Здесь **быль** располагается сразу после барьера, что является недопустимым для энклитики местом в клаузе.

Неоднозначны и такие случаи употребления:

...што ся **бы**^л есми o^m ступи вашому o(m)цу № 34;

а што **бы** ^{4} еси взялъ подо мною Ржову № 54.

А.А. Зализняк, комментируя пример из грамоты № 34, отмечает следующее: если в этом случае быль действительно полноударно, то мы имеем дело с разделением энклитик [Зализняк, 2008: 40]. Однако стоит заметить, что с разделением энклитик в ДДГ мы сталкиваемся лишь в случае с энклитикой ся на последней стадии ее эволюции, т.е. сращения с глаголом: $mak \ me \ mu$, $//\ e(ocnodu)he$, $//\ u \ b \ auuy \ o''' uuhy$, $//\ b \ Beликии \ Hobszopo^{\partial}\ u \ bo \ \Pibcko'^{b}//\ hu \ ccылати \ cя \ № 81б. Возвращаясь к нашим примерам, мы можем предполагать, что в процессе энклитизации словоформа быль искала свое место в цепочке, опережая при этом в ранге связку перфекта. Напомним, что сравнительно новая энклитика бы оказалась в центре энклитического ряда, а в сербском языке, например, глагольные энклитики, кроме <math>je$, располагаются в начале цепочки [Гудков, 1969: 100].

Таким образом, мы видим, что словоформы **быль, была** в ДДГ ведут себя, с одной стороны, как энклитики, а с другой — обнаруживаются случаи, которые свидетельствуют об их полноударности.

Итак, духовные и договорные грамоты являются хорошим источником для изучения глагольных энклитик. На большой выборке примеров были выявлены закономерности в расположении связок перфекта в клаузе, а также рассмотрен едва наметившийся процесс их утраты. В грамотах были обнаружены противоречивые примеры, касающиеся словоформ быль, была в составе плюсквамперфекта, которые подтвердили мысль о том, что полноценного энклитического статуса они не приобрели.

Список литературы

Гудков В.П. Сербохорватский язык. М., 1969.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV— XVI века. М.; Л., 1950.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Сичинава Д.В. Стремиться пресекать на корню: современная русская конструкция с <u>было</u> по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.

Сичинава Д.В. Акцентуация глагола быть в русском стихе // Корпусный анализ русского стиха. Вып. 2. М., 2014.

Толстая М.Н. Форма плюсквамперфекта в закарпатских украинских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балтославянские исследования 1998—1999. Вып. 14. М., 2000.

Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.

Kseniya Yu. Doikina

VERBAL ENCLITICS IN PROPERTY RECORDS AND TREATIES OF RUSSIAN GRAND AND LOCAL PRINCES IN THE 14th – 16th CENTURIES

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article deals with verbal clitics in testaments and treaties of Grand and Local Princes of 14th — 16th centuries. It reveals peculiarities of the auxiliary's position and its evolution. Special attention is paid to "new" clitics *byla byla* as a part of pluperfect structure, especially to its prosodic and syntactic role.

Key words: The Old Russian language, Old Russian enclitics, auxiliary, personal pronouns, pluperfect.

About the author: *Kseniya Yu. Doikina* — postgraduate student of the faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University (kseniya.dojkina@mail.ru).

References

- Gudkov V.P. Serbohorvatskij jazyk, M., 1969.
- Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV–XVI veka, M.; L., 1950.
- Zaliznjak A.A. Drevnenovgorodskij dialect, M., 2004.
- Zaliznjak A.A. Drevnerusskie jenklitiki, M., 2008.
- Sichinava D.V. Stremit'sja presekat' na kornju: sovremennaja russkaja konstrukcija s bylo po korpusnym dannym. *Korpusnye issledovanija po russkoj grammatike*, M., 2009, ss. 362–396.
- Sichinava D.V. Akcentuacija glagola byt' v russkom stihe. *Korpusnyj analiz russkogo stiha*, vyp. 2, M., 2014.
- Tolstaja M.N. Forma pljuskvamperfekta v zakarpatskih ukrainskih govorah: mesto vspomogatel'nogo glagola v predlozhenii. Balto-slavjanskie issledovanija 1998–1999, vyp. 14, M., 2000.
- Zimmerling A.V. Sistemy porjadka slov slavjanskih jazykov v tipologicheskom aspekte, M., 2013.

Чэнь Сяохуэй (КНР), О.В. Кукушкина

О ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСАХ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ¹

Народный Университет Китая 100872, Пекин, Район Хайдянь, Проспект Чжунгуаньцунь, № 59

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В данной статье мы попытаемся рассмотреть уже существующие параллельные корпуса русских и китайских текстов, чтобы не только познакомить с ними читателя, но и извлечь опыт из их разработки и показать перспективу и направление дальнейшей работы. Рассматриваются следующие корпуса: параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве», который содержит переводы данного памятника на разные языки, в том числе на китайский; параллельный русско-китайский корпус в составе Национального корпуса русского языка: полистилевой русско-китайский и китайско-русский параллельный корпус, создаваемый под руководством Цуй Вэя; русско-китайский параллельный корпус научных текстов гуманитарной области, создателем которого является китайский ученый Тао Юань; русско-китайский переводческий корпус, разработанный китайским ученым Лю Мяо и разделенный на три блока: подкорпус рассказов Чехова, китайско-русский подкорпус художественной литературы, подкорпус обучения русскому языку как иностранному; китайско-русский параллельный корпус официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой, разработчиками которого являются М.Ю. Мухин и Ян И; китайско-русский параллельный корпус романа «Страна вина», созданный китайскими учеными Пяо Чжэхао, Ли Цинхуа и Ван Лися; параллельный корпус «Русские переводы трактата «Дао Дэ Цзин», разработанный авторами данной статьи и содержащий две версии: сокращенную (три перевода) и полную (21 перевод). Проведенный анализ показывает, что разработка и использование параллельных корпусов русских и китайских текстов находится пока на начальном этапе. Объем существующих корпусов пока еще очень мал, а их тематика недостаточно широка; специалистов, занимающихся разработкой корпусов, обработкой

 $[\]mathit{Чэнь}\ \mathit{Сяохуэй}$ — канд. филол. наук, старший преподаватель, Народный университет Китая (e-mail: chenxh2011@163.com).

Ольга Владимировна Кукушкина — докт. филол. наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovkukush@mail.ru).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского Совета по Стипендиям (CSC) в рамках проекта по двустороннему обмену с МГУ имени М.В. Ломоносова. № 201706365021.

текстов и корпусно-ориентированным исследованием, не хватает. Однако большой исследовательский, обучающий и культурный эффект, который могут дать параллельные корпуса текстов, свидетельствует о том, что их создание — весьма важная задача, которую предстоит решить в ближайшем будущем.

Ключевые слова: параллельный корпус; русский; китайский; разметка.

Прошло уже полвека с тех пор, когда в 1960-е годы в Брауновском Университете (США) был создан первый большой компьютерный корпус. За это время в полной мере осознана необходимость создания параллельных корпусов текстов, и это направление стало одним из интенсивно развивающихся направлений современной корпусной лингвистики. Важным фактором его развития стала практическая необходимость создания баз данных типа "Translation Memory" (память переводов), помогающих найти оптимальный вариант перевода. В отличие от одноязычного корпуса корпус параллельных текстов содержит оригинал на одном языке с его переводом (переводами) на другой язык (языки). Создание полноценных параллельных корпусов — задача трудоемкая и сложная, поскольку для хорошей сопоставимости текст оригинала и перевода должен быть «выровнен», т.е. разделен на фрагменты, имеющие одно и то же содержание.

В Китае были созданы десятки параллельных корпусов разных объемов, но в основном это были китайско-английские корпуса. В России также не уделялось должного внимания задаче создания русско-китайских корпусов. Однако в последнее время ситуация изменилась. Тем не менее, можно сказать, что работа над параллельным корпусом русских и китайских текстов только началась. С ее результатами как русские, так и китайские пользователи еще мало знакомы в силу их малой доступности и/или одноязычного интерфейса. В данной статье мы попытаемся рассмотреть уже существующие параллельные корпуса русских и китайских текстов, чтобы не только познакомить с ними читателя, но и извлечь опыт из их разработки и показать перспективу и направление дальнейшей работы.

1. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»

Корпус позиционируется как электронный инструмент сравнительного изучения текстов. Он содержит переводы данного памятника на разные языки, в том числе на китайский. Он доступен в Интернете с февраля 2007 г. Корпус представляет собой организованный массив текстов, распределенных по трем категориям: 1) издания и реконструкции (11 документов); 2) переводы на современный русский язык (107 документов); 3) переводы на другие

² URL: http://nevmenandr.net/slovo/ (accessed: 26.01.2018)

языки (113 документов на 43 языках, из которых первые пять мест по количеству занимают украинские переводы — 24, французские переводы — 9, белорусские переводы — 8, английские переводы — 7, польские переводы — 7). Китайский язык представлен переводом Вэй Хуанну ^{3} .

Синхронизация текстов произведена, как отмечают создатели корпуса, на основе членения «Слова о полку Игореве», предложенного Р.О. Якобсоном. В соответствии с этим членением каждый текст разбит на 218 фрагментов («звеньев») [Орехов, 2009]. Номер фрагмента служит основным входом в текст. Отметив нужные тексты и задав номер фрагмента, пользователь получает возможность построчно сравнивать разные реконструкции и переводы одного и того же фрагмента с оригиналом. Первым выдается древнерусский текст. Если пользователь не отметил ни одного текста, то на экран выводятся пять случайных переводов⁴.

Если пользователь выберет перевод первого издания «Слова» на современный русский язык и китайский перевод Вэй Хуанну, то на экране появится следующий результат (рис. 1):

Рис. 1

³ По данным на сайте корпуса (http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=n8 (accessed: 26.01. 2018), включенный в корпус китайский перевод Вэй Хуану был издан в Харбине в 1991 г. Но проверка библиотечных данных на китайском языке показала, что перевод Вэй Хуанну издавался Издательством Народной литературы в Пекине в 1957, 1983, 1991, 2000 г., а в Харбине в 1991 г. Научно-исследовательский Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета издал «для внутреннего распространения» перевод Ли Сииня. Этот же перевод был издан в 2003 г. Коммерческим Издательством (The Commercial Press) в Пекине. Мы частично сравнили переводы и пришли к предположению, что на сайте дан китайский перевод, автором которого является не Вэй Хунну, а Ли Сиинь.

⁴ URL: http://nevmenandr.net/slovo/ (accessed: 26.01.2018)

В корпусе реализованы два вида поиска: 1) лексико-грамматический поиск в переводах на современный русский язык (выделены следующие грамматические классы: сущ., прил., гл., числ., нареч., местоим.-нареч., местоим.-прил., числ.-прил., предл., частица, союз, часть композита, сложного слова, междом.); 2) поиск точной формы во всех переводах. К сожалению, провести поиск единиц в китайском переводе у нас не получилось.

К числу нетривиальных функций можно отнести возможность «визуализации разницы» (рис. 1).

Предлагаемый набор функций позволяет проводить не только переводческий и сопоставительный анализ, но и решать задачи обучающего типа. На сайте данного корпуса содержится подробное описание проекта, к которому прилагается список переводов, которыми планируется пополнить корпус. Это 26 переводов на современный русский язык и 79 переводов на другие языки (первые три места по количеству занимают английские переводы — 12, немецкие переводы — 11, украинские переводы — 9). К сожалению, китайские переводы в список на пополнение не включены, а они имеются. Это, например, разные переводы Вэй Хуанну — они были изданы в 1957, 1983, 1991, 2000 г.г., а также переводы Ли Сииня — 1991, 2003 гг. (см. сноску 3).

2. Параллельный русско-китайский корпус в составе НКРЯ

На данный момент в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) содержатся параллельные с русским корпуса для следующих языков: 1) английского; 2) белорусского; 3) болгарского; 4) бурятского; 5) испанского; 6) итальянского; 7) китайского; 8) латышского; 9) немецкого; 10) польского; 11) украинского; 12) французского; 13) шведского; 14) эстонского. В НКРЯ есть также многоязычный корпус⁵.

В рамках проекта ведется работа по развитию и пополнению параллельного корпуса русских и китайских текстов. С августа 2016 г. «открыт для доступа пилотный параллельный русско-китайский и китайско-русский корпус объемом 55 тысяч словоупотреблений, включающий 5 текстов»⁶. Этот корпус отличается тем, что китайский материал здесь размечен информацией разного типа, что позволяет осуществлять поиск единиц по нескольким параметрам. Заявлена разметка следующих видов: семантическая (по китайскоанглийскому словарю); разметка грамматических показателей, а также фонетическая транскрипция иероглифов. Фонетическая

⁵ URL: http://www.ruscorpora.ru/search-para-zh.html (accessed: 26.01.2018)

⁶ URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html (accessed: 26.01.2018)

и семантическая многозначность оставлена неснятой. В 2017 г. объем китайско-русского корпуса был существенно увеличен (до 180 тыс. слов). В настоящее время поиск в китайской части ведется по подкорпусу объемом 15 735 предложений, 279 478 слов. В составе корпуса 10 произведений-оригиналов (accessed: 26.01.2018): 1) Лу Синь «Побег на луну» (год издания: 1926); 2) Лу Синь «Моление о счастье» (1924); 3) Лу Синь «Записки сумасшедшего» (1918); 4) А.П. Чехов «Толстый и тонкий» (1883); 5) А.П. Чехов «Человек в футляре» (1898); 6) Максим Горький «Старуха Изергиль» (1895); 7) Ф.М. Достоевский «Идиот» (1868); 8) И.С. Тургенев «Первая любовь» (1860); 9) И.С. Тургенев «Муму» (1854); 10) Н.А. Островский «Как закалялась сталь» (1932).

В корпусе произведена синхронизация по предложениям, в результате на экран при поиске выводится следующая информация: предложение-оригинал на русском (ги), предложение-перевод на китайском (zh) (иероглифы) и предложение-перевод на китайском в виде транскрипции (zh_2). В китайском языке многие иероглифы имеют несколько разных произношений и соответственно значений. Но в корпусе многозначность не снята, и для одного иероглифа даются в транскрипции они все. Например, на рис. 2 представлено предложение, в котором для каждого из шести иероглифов 了, 和, 便, 都, 看, 几 дано от двух до пяти произношений, отделенных знаком «/». Поскольку для китайского языка такое явление частотно, это существенно осложняет семантическую разметку китайских текстов в автоматическом режиме.

鲁迅 / Lu Xun. 狂人日记 / Kuangren riji (1918) [омонимия не снята] <u>Все примеры (9)</u>

zh 我插了一句嘴,佃户和大哥便都看我几眼。[鲁迅/Lu Xun 狂人日记/Kuangren riji (1918) [ol vò chā le/liǎo/liào yījù zuǐ, diànhù hè/hú/huó/huò/hé dàgē biàn/pián dōu/dū kān/kàn wò jī/jǐ yǎn. [л и Я вмешался было в разговор, но тут арендатор и брат несколько раз взглянули на меня. [Лу Сы

Рис. 2

К каждому фрагменту текста добавлены метаданные, что позволяет видеть, какому тексту принадлежит фрагмент. Размечены метаданными и тексты корпуса (рис. 3).

Информация, связанная с лексическими единицами, может быть получена с помощью всплывающих подсказок. Так, для русского слова в найденном примере доступна информация о его лемме, грамматике, семантике (рис. 4). При осуществлении лексикограмматического поиска пользователю предоставляется возможность искать отдельно по определенному набору грамматических и семантических признаков (рис. 5). Состав этих признаков, как можно видеть на рис. 6, достаточно широк. Возможен также поиск

Автор	Ф. М. Достоевский
Дата рождения автора	1821
Название	Идиот
Дата создания	1868
Сфера функционирования	художественная
Предложений	6918
Словоформ	127278
Язык	rus
Переводчик	石国雄 / Shi Guoxiong
Язык перевода	zho
Год перевода	2004

Рис. 3

по дополнительным признакам (рис. 7). Если пользователь хочет посмотреть найденное слово в словарях, то можно в онлайн-режиме нажать «см. в словарях» и сразу перейти на сайт по адресу https://dic.academic.ru/.

гил за ухо и вышвырнул мальчиш та] <u>←</u> :子的一只耳朵,把他推到走	иальчишку в коридор, закрыв за ним дверь. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1 推到式 мальчишку рбизіі. 級铁是怎样х		
е] [омонимия не снята] $\leftarrow \rightarrow$	Лемма	мальчишка (см. в словарях)	otusiji. MIKAEAM+A
háizi de/dī/dí/dì yī zhǐ/zhī ěrduo, b	Грамматика	сущ, одуш, м, ед, вин	liǎo/liào mén. [Æ
钢铁是怎样炼成的 / Gangtie shi zenyang	Семантика основная	d:dim, der:s, ev, r:concr, t:hum	
Брузжак, друг и приятель Павки,	Доп. признаки	genderred, nacc, словарн, numred, ru	сть махры там, і
стеро неуспевающих учеников. І мия не снята $]$ $ \underbrace{\longleftarrow \dots \longrightarrow}$		Сообщить об ошибке	Н. А. Островский. К

Рис. 4

Пексико-грамматический поиск	
Слово ? АБВ	Грамм. признаки ? <u>выбрать</u>
Доп. признаки и языки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать
искать очистить	

Рис. 5

В китайском языке лексическая единица может состоять из одного или двух, трех, четырех, пяти или большего числа иероглифов. Вопрос о границе китайских слов остается спорным и нерешенным, поэтому токенизация (разбиение китайского текста на слова)

Предметные имена

Таксономия	Мереология	Топология
пица в том числе: пица в том числе: имена родства сверхъестественные существа животные растения вщества и материалы пространство и место здания и сооружения инструменты и прислособления в том числе:		Вместилища горизонтальные поверхности Оценка в том числе: положительная отрицательная
меструменты механизмам и приборы Транспортные средства оружие музыкальные инструменты мебель посуда одежда и обувь	части музыкальных миструментов мебели части предметов мебели части предметов посуды части предметов посуды части предметов посуды части орежуры и обуви мязыты и порция вещества мескжества и совомутности объектов имена классов	Словообразование диминутивы зутментативы сингулятивы nomina agentis nomina feminina

Рис. 6

Язык	Повтор*	
русский	пексемы	
английский	🔲 части речи	
армянский	Падежа	
белорусский	□ числа	
болгарский	времени	
Верхнелужицкий	□ рода	
П греческий	□ лица	
П латышский	одушевлённости	
П латинский	* При поиске по текстам с несня	этой омонимией задание повтора
П литовский	может работать некорректно:	
македонский	день(им,ед) рождения(им,мн ил	пи род,ед)
немецкий		
нидерландский	Слово после	Слово перед
пспанский	П любого знака препинания	П любым знаком препинания
птальянский	точки	точкой
П польский	□ запятой	🔲 запятой
португальский	□ двоеточия	□ двоеточием
румынский	□ точки с запятой	□ точкой с запятой
Сербский	□ тире	□ тире
Словацкий	Восклицательного знака	восклицательным знаком
Словенский	Вопросительного знака	Вопросительным знаком
украинский	·	•
французский		
хорватский	Слово с заглавной буквы	
чешский	В начале предложения	
шведский	🔲 в конце предложения	

Рис. 7

представляет собой особую трудность при создании параллельного корпуса. Так, например, на рис. 8 дана справка на сочетание из трех иероглифов: 男孩子. В данном контексте оно имеет значение 'мальчишка'. Но первый и второй иероглифы в других контекстах могут иметь значение 'мальчик', а последние два иероглифа могут выступать в значении 'ребенок'.

Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1932) [омонимия не снята] Все примеры (1)

Рис. 8

В данном корпусе проблема выделения слов и описания их значения решалась с помощью китайско-английского словаря, поэтому разбиение на лексические единицы в некоторых случаях произведено неточно. Это требует дальнейшего дополнительного контроля и ручной коррекции.

Описание значения дается на английском языке, что связано с тем, что семантическая квалификация производилась по китайско-английскому словарю. Как было сказано ранее, русские слова в корпусе удобно в онлайн-режиме искать в других словарях. Для выделенных китайских лексических единиц реализована возможность получить русские переводы, перейдя по ссылке на сайт https://translate.yandex.ru.

Китайские лексические единицы сопровождаются полезной для обучения информацией. Так, для существительных в разделе «грамматические признаки» указана информация о вариантах счетных слов, которые могут использоваться с каждой из единиц (рис. 9).

人	
Лемма	人 [rén] (<u>см. перевод</u>)
Грамматика	default, 介[gè], 位[wèi]
Семантика основная	man, people, person
Доп. признаки	nacc, zh

Рис. 9

Реализована возможность искать единицы в грамматических контекстах определенного типа. Так, можно осуществлять поиск контекстов, содержащих конкретные служебные показатели: модальную частицу (了[le]); перфектив (了[le]); прогрессив (着 [zhe]); прошедшее время (过 [guò]); каузатив (使 [shǐ], 使得 [shǐde]; 叫 [jiào], 让 [ràng]); множественное число (们 [men]); оценка действия (得 [de]);

общий вопрос (吗 [ma]); вынесение объекта перед глаголом (把 [bǎ]); определение к существительному (的 [de]); определение к глаголу (地 [de]); пассив (被 [bèi]; 叫 [jiào]; 让 [ràng]); направительные морфемы (来 [lái]; 去 [qù]; 进 [jìn]; 出 [chū]; 回 [huí]; 上 [shàng]; 下 [xià]; 过 [guò]; 起 [qǐ]; 上来 [shànglái]; 上去 [shàngqù]; 下来 [xiàlai]; 下去 [xiàqù]; 进来 [jìnlái]; 进去 [jìnqù]; 出来 [chūlái]; 出去 [chūqù]; 回来 [huílai]; 回去 [huíqu]; 过来 [guòlái]; 过去 [guòqu]; 起来 [qǐlai]). Поиск по семантическим признакам реализуется пока только в русских текстах.

Нужно отметить, что лексический поиск в китайских текстах возможен пока только по отдельному иероглифу. Поиск по комбинациям иероглифов, эквивалентным слову, еще не действует.

3. Полистилевой русско-китайский и китайско-русский параллельный корпус

Китайский ученый Цуй Вэй, сотрудник «Института иностранных языков НОАК», работает с коллегами над созданием переводческого параллельного корпуса русско-китайских и китайско-русских текстов, который должен включать подкорпуса: 1) подкорпус официально-деловых текстов; 2) подкорпус художественной литературы; 3) подкорпус новостных текстов; 4) подкорпус текстов военной тематики; 5) подкорпус текстов по экономике и торговле [Сиі, Zhang, 2014: 84].

Пока создан лишь подкорпус, в который входят информационные материалы по военной тематике. Это (а) китайские оригиналы и их переводы на русский: «Национальная оборона КНР» (Белая книга — 2002, 2004, 2008, 2010, 2013 годов); «Контроль над вооружениями и разоружение» (Белая книга 2005 года); «Китайская оборона» (Пэн Гуанцянь, 2004); (б) русские оригиналы и их переводы на китайский: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»; «Военная доктрина РФ»; «Вооруженные силы РФ» (исследовательские доклады, 2010). Объем этого подкорпуса составляет примерно 168 тыс. русских слов и 283 тыс. иероглифов. В подкорпус добавлены метаданные и проведена первичная морфологическая разметка (используются принципы НКРЯ).

Тексты-оригиналы и их переводы были выровнены по предложениям с помощью алгоритма длины G-Clen. Эксперимент, проведенный создателями корпуса, показал, что с помощью этого алгоритма автоматическое выравнивание оригиналов и их переводов (с русского на китайский, и наоборот) было осуществлено довольно качественно. Точность автоматического выравнивания для наиболее официальных и стандартных текстов составила свыше 95%.

Поскольку использовались переводы на русский, сделанные китайцами, создатели корпуса отмечают, что в дальнейшем планируется проверить их по НКРЯ и по Яндексу с целью обнаружения и сопоставления разных вариантов переводов терминов, исправления неточностей и определения лучшего переводного эквивалента. На основе корпуса уже проводится корпусно-ориентированное переводческое исследование. Так, были сопоставлены переводные соответствия некоторых военных терминов в этом корпусе, в НКРЯ и по Яндексу, на основе чего создатели корпуса попытались найти лучший вариант перевода. Анализировалась также проблема перевода на русский выражений с китайской спецификой, а также соответствие конструкций предложений в русском и китайском языках.

К сожалению, созданный корпус сохраняется пока в виде базы данных, и доступ к нему ограничен для обычного пользователя Интернета.

4. Русско-китайский параллельный корпус научных текстов гуманитарной области

Поскольку о разработке, создании и использовании данного корпуса создатели его уже написали около десяти статей и тезисов на русском, китайском и английском языках [Тао, 2014, 2015, 2016, 2017], мы опишем его кратко.

Данный тематический (специальный) корпус научных текстов гуманитарной области содержит две части: русско-китайский параллельный корпус (далее — ПК) и китайский корпус (далее — СК), сопоставимый по тематике. В последний входят оригиналы-тексты на ту же тематику, написанные китайскими учеными, которые одновременно являются и переводчиками текстов в ПК. ПК включает 14 монографий на русском языке (по І. политике и международным отношениям; ІІ. лингвистике; ІІІ. литературоведению; ІV. переводоведению) и их переводы на китайский. В СК входят 10 монографий на китайском языке из тех же предметных областей.

Корпус создан для исследования и обучения переводу. Входящие в него тексты могут служить образцами при написании курсовых, дипломных и научных работ. На основе данного корпуса можно провести исследование по универсальным принципам и языковым особенностям переводческой деятельности, которые выявляются при сопоставлении оригинала и перевода. При определении объема обработанного материала авторы использовали следующий подход: для русского материала считались словоупотребления, для китайского иероглифы. На начальном этапе были обработаны тексты в объеме

пяти миллионов единиц (включая все три части: русский оригинал; его перевод на китайский; китайский оригинал).

Планируется пополнить корпус до 10 млн единиц и включить в него тексты по V. управлению; VI. истории; VII. культуре.

Корпус размечен метаданными (идентификатор текста, тип текста, автор, переводчик, год издания и год перевода, название монографии, язык и др.). Судя по рисункам, предложенным авторами в статье [Тао, Захаров, 2015: 23], китайская часть корпуса уже размечена морфологической информацией (текст разбит на лексические единицы и определены части речи). К сожалению, про теоретические принципы данной морфологической разметки создатели корпуса не упомянули. По их словам, морфологическая нормализация для русской части не выполняется.

Выравнивание текстов выполнялось автоматически с помощью программы-конкордансера ParaConc (точность выравнивания 60–70%) и затем корректировалось вручную.

Чтобы выполнить генерацию словника терминов, на первом шаге в ручном режиме были отобраны термины в оригиналах и переводах и «выровнены» в одном текстовом файле. На втором шаге этот выровненный файл конвертировался в базу данных, что позволило получить словник терминов по данному корпусу с возможностью поиска в этой базе. Для того чтобы обеспечить выдачу конкорданса для лексем, поиск осуществляется по словоформам на основе языка регулярных выражений (regular expressions) с возможностью находить все члены словоизменительной парадигмы, что равносильно поиску ключевых слов по леммам. Поиск словосочетаний на китайском языке тоже осуществляется с помощью регулярных выражений [там же: 24].

На данный момент уже создана платформа удаленного поиска через Интернет на основе СУБД MySQL и разработан сайт корпуса, через веб-интерфейс которого реализуется поиск по лексическим единицам с добавлением элементов метаданных [там же: 25]. К сожалению, указанный сайт пока не открывается.

Создатели корпуса собираются в дальнейшем приложить усилия для разработки дополнительных программ предварительной обработки и разметки текстов, программ, обеспечивающих автоматическую лемматизацию текстов русскоязычной части корпуса, автоматическое выявление терминологической лексики и более гибкое управление поиском и выдачей результатов. Иными словами, планируется дальнейшая работа по созданию эффективного корпус-менеджера.

На материале корпуса уже проведены некоторые исследования. Они касаются подбора отдельных переводных эквивалентов, перевода придаточных предложений с «чтобы», способов перевода (адаптации) на русский язык конструкций с предлогом № (duì) и др. [Тао, 2015, 2016, 2017].

5. Русско-китайский переводческий корпус

В Интернете представлен переводческий корпус русских и китайских текстов, в котором на сайте http://rucorpus.cn можно осуществлять поиск (рис. 10). Корпус разделен на три блока: подкорпус рассказов Чехова; китайско-русский подкорпус художественной литературы; подкорпус РКИ (доступ к последнему пока закрыт).

Рис. 10

В подкорпусе рассказов Чехова содержится семь рассказов («Анна на шее», «Ванька», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Человек в футляре», «Крыжовник»), повесть («Палата № 6») и три варианта их перевода на китайский язык (переводчики: Жу Лун, 2000; Шэнь Няньдзюй, 2009; Фэн Цзя 2011^7). Всего в корпусе Чехова насчитывается 7,006 предложений (количество слов неизвестно) и 776,441 иероглифов (дата обращения: 4 февраля 2018 г.) (рис. 11).

Рис. 11

В корпусе можно задать обычный и расширенный поиск. Разработка поисковой функции ориентирована на «Грамматический

 $^{^{7}}$ Первое издание перевода Жу Лун вышло в свет в середине XX в.; первое издание перевода Шэнь Няньцзюй и Фэн Цзя вышло в свет в конце XX в.

словарь русского языка» А.А. Зализняка. Исходя из потребности в исследовании и обучении переводу, в корпус добавили в ручном режиме три разметки: грамматическую (в оригинале), стилистическую (в оригинале и в переводе), переводческую (в переводе). При расширенном поиске можно выбрать один или больше вариантов переводов, можно осуществлять поиск по типам односоставных предложений: (определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное, инфинитивное, назывное); по неспрягаемым формам глаголов (действительное причастие, страдательное причастие, деепричастие, инфинитив); по некоторым стилистическим приемам, представленным в оригинале (пословица, поговорка, идиома, фразеологизм, экспрессивный суффикс, обращение к лицу, метафора, метонимия), по стилистическим приемам в переводе (фразеологизм, состоящий из четырех иероглифов; слово, состоящее из антонимов-иероглифов; слово, состоящее из повторяющих иероглифов; слово-звукоподражание); по некоторым переводческим «приемам» (добавление, опущение, замена, членение предложений, объединение предложений).

Работа над корпусом велась следующим образом. На первом шаге производилась автоматическая обработка текстов; на втором — добавление в тексты разметки (вручную). Сначала с помощью программы разбиения китайского текста на слова NLPIR, разработанной доктором Чжан Хуапином⁸, создатели корпуса разбили все тексты переводов на слова и каждому слову присвоили маркированный код для дальнейшего анализа и обработки. Затем было сверено соответствие параграфов перевода с оригиналом, и каждому параграфу был присвоен ID-номер. На этой основе было произведено выравнивание предложений перевода с оригиналом и окончательная нумерация предложений. При наличии несоответствия разделения параграфов или предложений в переводе и оригинале на основе оригинала исправлялся перевод. Затем вручную была произведена грамматическая, стилистическая и переводческая разметка. Обработанные материалы преобразовали в формат xml и их конвертировали в базу данных SQL [Liu, Shao, 2016: 155].

Кроме того, с использованием корпусных поисковых программ (WordSmith, AntConc и пр.) было проведено исследование и вычисление разных языковых параметров в трех китайских переводах. Так, были получены статистические данные о количестве употребления слов (Туре) и словоформ (Token) в переводах. По формуле TTR (type/token ratio) был вычислен коэффициент лексического разнообразия

⁸ Сайт о данной программе: URL: http://ictclas.nlpir.org/ (accessed: 26.01.2018).

текстов, также был проведен квантитативный анализ лексической плотности и получены частотные словники. Кроме того, разметка единиц корпуса информацией разного типа позволила установить соотношение количества употреблений фразеологизмов, состоящих из четырех иероглифов, к общему количеству предложений, а также соотношение количества употребления слов, состоящих из повторяющих иероглифов, к общему количеству предложений в переводе. Рассматривался также вопрос о различии стилей трех переводчиков. При анализе их языковых особенностей, помимо всего, учитывалось количество служебных слов, средняя длина предложений и ряд других параметров.

Создатели корпуса планируют в дальнейшем уделить особое внимание семантической и дискурсивной разметке текстов. Они также пишут о возможности реализовать функцию семантического поиска в корпусе на основе подсоединения семантических словарей.

Второй блок рассматриваемого корпуса (направление «китайский → русский») содержит роман-оригинал «Осень» Ба Цзиня и его русский перевод. Объем оригинала — 10,663 предложения, 1,300 079 иероглифов (рис. 12).

Рис. 12

В подкорпусе осуществлена грамматическая разметка перевода. Помечены предикатив, деепричастия глаголов НСВ и СВ, причастие действительного залога глаголов НСВ и СВ, полная и краткая формы причастия страдательного залога глаголов НСВ и СВ.

В отличие от параллельного корпуса в НКРЯ в китайской части обоих подкорпусов можно задать поиск на китайском языке как по иероглифу, так и по лексическим единицам, состоящим из более одного иероглифа.

6. Китайско-русский параллельный корпус официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой

Название данного корпуса отражает как жанр текстов, его составляющих, так и ориентацию на текстовые особенности. В экспериментальном режиме в корпусе размещены четыре «Доклада о работе правительства КНР» (с 2012 по 2015 г.) на китайском языке и их переводы на русский. Планируется расширение корпуса за счет увеличения числа докладов, а также законов и официально-деловых текстов других жанров. На данный момент объем корпуса составляет 931 абзац, 116,668 текстоформ, в том числе 46,190 текстоформ в русской части и 70,478 — в китайской [Мухин, Ян, 2016: 24].

При работе над корпусом использовался опыт Китайско-английского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой [Feng, 2013] и Китайского дискурсивного трибанка [Li, Feng и др., 2014], а также платформа, т.е. программное обеспечение, первого.

В текстах корпуса на грамматической, семантической и формально-пунктуационной основе были выделены элементарные дискурсивные единицы (далее — ЭДЕ) и дискурсивные связки (эксплицитные и имплицитные), а также определены виды дискурсивных отношений. При установлении вида дискурсивных (логикосемантических) отношений использовалась классификация, разбивающая их на четыре группы и 17 разновидностей: 1) параллельные отношения (соединительные, последовательные, прогрессивные, альтернативные и сравнительные); 2) противительные отношения (противопоставительные и уступительные); 3) каузальные отношения (собственно каузальные, целевые, обстоятельственные, условные, гипотетические, а также отношения умозаключения); 4) расширительные отношения (изъяснительные, заключительные, иллюстрационные и оценочные).

На основе членения параллельных текстов на ЭДЕ, выделения дискурсивных связок и выяснения дискурсивных отношений было произведено выравнивание текстов по соответствующим элементам (рис. 13, взято из [Мухин, Ян, 2016: 24]).

В квадратных скобках дается дискурсивная единица (ЭДЕ), буквы и цифры между ними обозначают китайские клаузы, соотносимые с ними русские синтаксические единицы и их порядок. Количество вертикальных черт (знак «|») перед клаузой указывает на уровень иерархии в структурном дереве, к которому она относится. Дискурсивные связки подчеркнуты, а знак «@» обозначает центральное положение ЭДЕ в отношении между клаузами [там же: 24–25].

⁹ Синтаксически аннотированного корпуса.

Исходный Текст (а):

a1[在财政收支矛盾较大的<u>情况下</u>,我们竭诚尽力,]@||@ a2[始终把改善民生作为工作的出发点和落脚点,]@| a3[注重制度建设,]@||@ a4 [兜住民生底线,]@||@ a5[推动社会事业发展。]

Переводной Текст (б):

б1 При наличии довольно крупных противоречий между финансовыми доходами и расходами мы со всей искренностью] ||@ б2 [неизменно брали за исходную точку и конечную цель всей своей работы улучшение народной жизни,] @| б3 [уделяя особое внимание институциональному строительству,] @||@ б4 [не допуская выхода за нижний предел обеспечения народной жизни] @||@ б5 [и стимулируя развитие социальных сфер.]

(«Доклад о работе правительства КНР», 2014 г.)

Рис. 13

Разметка и выравнивание в данном корпусе проводилось вручную с использованием вышеупомянутого программного обеспечения для Китайско-английского параллельного корпуса с дискурсивноструктурной разметкой (рис. 14, взято из [там же: 27]).

		- ≥	
Разметва статистине учений на	TABERNAR DOUBLE PROGRAM PRO CONTINUE PRO C		
зона з	ЗОНА 4 Исходный текст 在财政收支矛盾较大的情况下,我们竭诚尽力、始终把改善民生作为 工作的出发点和落脚点,注重削度建设,兜住民生底线,推动社会事 业发展。	Моноотношение Миноотношение Миноотношение Тип маененев Тип отношения Тип отн	
Создать отношение Сохранить отношение Отвенить Удалить отношение Поправить отношение Сохранить правку	Переводной текст При наличии довольно крупных противоречий между финансовыми доходами и расходами мы со всей искренностью пеизменно брали за исходилую точку и конечитую цель всей своей работы узучение народной жизии, уделяя особое внимание инептитуивопальному строительству, не допуская выхода за пиживий предел обеспечения пародной жизии и стимулируя развитие социальных сфер.	Воды стицителя 1986 д.	

Рис. 14

Практика создания данного типа корпуса будет очень полезна при разработке аналогичных корпусов. Авторы отмечают, однако, что техническое несовершенство дискурсивно-структурной разметки

текстов требует дальнейшего улучшения и правки. По их словам, нуждается в уточнении и сама классификация логико-сематических отношений, что требует синтеза китайской и русской лингвистической традиции. Процедура сегментации текстов и выделения ЭДЕ пока формализована в недостаточной степени, а текстовая вариативность заставляет уточнять принципы выравнивания исходного и переводного текстов. Использованная платформа также ждет расширения возможностей и прежде всего обеспечения функции добавления большего числа видов дискурсивных отношений. Создатели корпуса в дальнейшем постараются решить указанные проблемы и пополнить корпус новыми текстами с переводом не только в направлении «китайский →русский», но и «русский →китайский».

Доступ пользователей к данному корпусу пока отсутствует.

7. Китайско-русские параллельные корпуса отдельных произведений

7.1. Китайско-русский параллельный корпус романа «Страна вина». Роман «Страна вина», написанный китайским писателем, лауреатом Нобелевской премии Мо Янем, был опубликован на китайском языке в 1992 г. Его перевод на русский язык издан в 2012 г. (переводчик — русский ученый-китаист И.А. Егоров).

В 2014 г. был создан китайско-русский параллельный корпус данного романа [Piao, Li, Wang, 2014: 46]. Создатели корпуса — китайские ученые из Яньбяньского университета Пяо Чжэхао и др. — выровняли оригинал и перевод по предложениям и сделали в оригинале разметку по четырем «формам слов», состоящим из иероглифов-повторов: АА, АВВ, ААВВ, АВАВ. Они попытались также выявить, какие правила действуют при переводе таких китайских единиц на русский язык. На первом шаге была использована поисковая программа HyConc, с помощью которой в оригинале были обнаружены все слова с повтором. На втором шаге были получены статистические данные о наличии таких слов в оригинале. На третьем шаге был проведен сопоставительный анализ найденных слов с их переводами.

К сожалению, создатели корпуса не упомянули в своей статье о возможности доступа к корпусу.

7.2. Параллельный корпус «Русские переводы трактата «Дао Дэ Цзин». Китайский классический даосский философский трактат «Дао Дэ Цзин» (далее — ДДЦ), авторство которого приписывается легендарному Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.), считается основой китайской философии и культуры. Он переведен на разные языки и распространяется во всем мире.

Первый перевод ДДЦ на иностранный язык датируется 674 г.: этот санскритский перевод ДДЦ, сделанный китайским буддийским монахом Сюаньцзаном, привезли посланцы в Индию [Zheng, Wang, 2009: 96]. Первый перевод на латинский язык появился в 1880-е годы. В 1842 г. в Париже увидел свет первый полный французский перевод ДДЦ, выполненный С. Жюльеном. Первый английский перевод Д. Чалмерса опубликовали в 1868 г. Первый немецкий перевод В. фон Штрауса был издан в 1870 г. Первый профессиональный русский перевод вышел в свет в 1894 г. Он был выполнен японским русистом Д.П. Кониси и отредактирован Л.Н. Толстым.

Сложность и многозначность философских произведений приводит к постоянной работе по их пониманию, трактовке и соответственно многообразию вариантов перевода. В России ДДЦ уделялось и уделяется большое внимание. На протяжении более ста лет насчитывается более двадцати русских переводов ДДЦ (Ян Хиншуна, А. Волынского, И.С. Лисевича, Б.Б. Виноградского, А.А. Маслова, В.В. Малявина, Е.А. Торчинова, И.И. Семененко, А. Кувшинова, А.Е. Лукьянова, М. Соловьевой, А.П. Саврухина, С.В. Батонова, О. Борушко, Н. и Т. Доброхотовых, Ю. Полежаевой и других авторов).

Лев Толстой так характеризовал особенности и значение ДДЦ: «Основа учения Лао-Тзе одна и та же, как и основы всех великих, истинных религиозных учений. Она следующая: человек сознает себя прежде всего телесной личностью, отделенной от всего остального и желающей блага только себе одному. Но, кроме того, что каждый человек считает себя Петром, Иваном, Марьей, Катериной, каждый человек сознает себя еще и бестелесным духом, таким же, какой живет во всяком существе и дает жизнь и благо всему миру... Человек может жить для тела или для духа. Живи человек для тела, — и жизнь горе, потому что тело страдает, болеет и умирает. Живи для духа, — и жизнь благо, потому что для духа нет ни страданий, ни болезней, ни смерти... Человеку надо научиться жить не для тела, а для духа. Этому-то и учит Лао-Тзе... Учение свое он называет путем, потому что все учение указывает путь к этому переходу. От этого и все учение Лао-Тзе называется книга Пути...» [Толстой, 1957].

Современность и актуальность ДДЦ подтверждается, в частности, постоянным обращением к нему премьер-министра РФ Дмитрия Медведева. В последние годы премьер Медведев неоднократно приводил цитаты из ДДЦ в разных официальных случаях: на Петербургском экономическом форуме (10 июня 2007 г., 19 июня 2010 г.), на лекции в Пекинском университете и ответы на вопросы студентов и преподавателей (24 мая 2008 г.), в Послании Федеральному Собранию (22 декабря 2011 г.), на Расширенном заседании Госсовета

(24 апреля 2012 г.), на Выступлении на Пленарной сессии Всемирного экономического форума «Сценарии развития Российской Федерации» в Давосе (23 января 2013 г.) ^{10} .

Как отмечает Д. Медведев в своем интервью, со времен, когда это произведение было написано, проблемы, стоящие перед человечеством, мало изменились 11. В этом же интервью он пишет о необходимости знакомства с разными переводами данного текста: «Я действительно с интересом всегда читаю это произведение (ДДЦ), тем более что существует с десяток переводов на русский язык, как и на другие языки, и каждый перевод отличен от другого».

Корпусная и компьютерная лингвистика предоставляет современным читателям богатые возможности не только для чтения текста, но и его глубокого самостоятельного изучения. Конкорданс ДДЦ на китайском языке был впервые создан в 1922 г. в ручном режиме китайскими учеными во главе с Цай Тинганем. Он заслужил высокую оценку. Это первая в истории Китая попытка анализа древних текстов с помощью конкорданса. Потом автоматическим путем появились конкордансы ДДЦ не только в Китае, но в Японии (для японских переводов). В них присутствует, кроме списка частотных иероглифов, также список частотных «слов» (лексических единиц), состоящих из двух или больше иероглифов [Wang, Du, 2008: 35—36].

Однако для продуктивного межкультурного взаимодействия нужны не просто конкордансы, а полноценные средства изучения и сопоставления различных переводов и оригинала. В связи с этим один из авторов данной статьи Чэнь Сяохуэй (Народный университет Китая) поставила перед собой задачу создания китайско-русского параллельного корпуса ДДЦ. Работа проводилась на методической и программной базе «Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии» (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, основанной А.А. Поликарповым. Работа по сбору текстов корпуса и их выравниванию, подготовке справочных материалов и разметке метаданными была проведена Чэнь Сяохуэй; создание на этой основе электронного корпуса и его автоматическая обработка осуществлялось руководителем ЛОКЛЛ О.В. Кукушкиной.

В качестве оригинала была использована общепринятая версия ДДЦ под редакцией комментатора Ван Би¹². С помощью программы "PinyinTaggerApp" иероглифический текст был преобразован

¹⁰ URL: http://www.amic.ru/news/206435/ (accessed: 26.01.2018).

¹¹ URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/11/04/663631-medvedev-laotszi (accessed: 26.01.2018).

¹² URL: http://ctext.org/dao-de-jing/zhs (accessed: 30.10.2017).

в транскрипцию. Далее был собран массив текстов, состоящий из 21 перевода ДДЦ. Источником послужил русскоязычный Интернет. Каждый текст был снабжен метаданными, включающими идентификатор автора, год создания и другие сведения.

Создано две версии корпуса: сокращенная (три перевода) и полная (21 перевод). Они отличаются длиной синхронизированных фрагментов и способом их представления. В сокращенном варианте тексты вручную были разбиты на смысловые фрагменты, которые в основном соответствуют знакам препинания в оригинале (в том числе и знакам, находящимся внутри предложения). Всего было выделено 582 фрагмента. В существующем к настоящему времени полном варианте ручная разбивка и синхронизация фрагментов внутри глав не производилась в связи с большим объемом. Качественная автоматизация этого процесса пока не представляется возможной.

В сокращенную версию вошли три перевода: 1) первый профессиональный перевод под редакцией Л.Н. Толстого, сделанный с древнекитайского в 1894 г. японским русистом Д.П. Кониси; 2) классический перевод, сделанный с древнекитайского в 1950 г. советским синологом, китайцем по происхождению Ян Хиншуном; 3) новый перевод, сделанный с древнекитайского в 2002 году с учетом новейших научных данных русским синологом В.В. Малявиным.

После подготовки текстовых данных с помощью разработанной в ЛОКЛЛ системы автоматического анализа текстов и словарей "Dictum" был создан электронный корпус, в котором произведена автоматическая лемматизация и морфологический анализ русских текстов, а также разметка единиц текстов такими параметрами, как язык, переводчик, часть речи, фрагмент, глава. После этого корпус был конвертирован в систему «Исток» (программист В. Федотов), созданную в ЛОКЛЛ в качестве информационного-исследовательского средства, предоставляемого пользователю вместе с интересующими его корпусами текстов. Это средство дает возможность работать с текстом в нескольких режимах: чтение выбранного текста, получение по нему разного рода конкордансов (на основе предварительно сделанной разметки) и словников (алфавитного, частотного, обратного). изучение справочной информации (в том числе и словарной) о тексте и его единицах. Таким образом, оно позиционируется и развивается как филологический, а не чисто лингвистический инструмент. В настоящее время программа «Исток» с корпусом художественных произведений Чехова и синхронизированным с этим корпусом словарем и справочными материалами доступна для всех желающих на сайте лаборатории¹³. На этом же сайте предполагается выложить и пилотную версию корпуса переводов ДДЦ (рис. 15).

¹³ URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/chehov.html.

Рис. 15

Пользователю предоставляется возможность выбрать нужный фрагмент или главу, прочитать его, прослушать его звучание и увидеть иероглифическую запись. В сокращенном варианте корпуса оригинал и тексты трех переводов отображаются «построчно», что облегчает сопоставление (рис. 16).

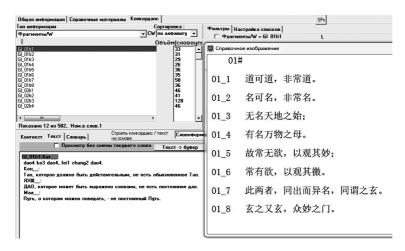

Рис. 16

В полном варианте сопоставление затруднено, так как выводить на экран можно только главу в переводе одного автора.

Поиск в русских переводах можно осуществлять по словоформе, лемме и части речи (рис. 17).

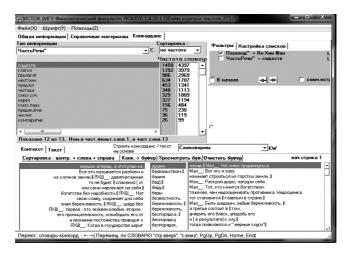

Рис. 17

В китайском тексте поиск возможен пока только по транскрипционной передаче иероглифа (с учетом тонов, записанных цифрами). Из-за того, что в древнекитайском языке в большинстве случаев каждый отдельный иероглиф употребляется как эквивалент слова, в китайском тексте, как и в русском, оказывается возможным пословный поиск, получение конкордансов для каждой лексической единицы, а также алфавитных, частотных и обратных словников единиц (рис. 18).

айл Шрифт Помощь				
бщая информация Справочные материалы Конкс	орданс		9	
п информации	Сортировка :	Фильтры Настройка списко	) -	
ловоформы/W	▼ CW по аяфавиту ▼	Г Сповоформы/W = dao4		
	Кол.словоупот			
904	80	7		
e2	77	7		
eng1	1 1	□ B Hayano → →	□ совм.во	
2 ⁻ 3	5	□ В начало 📥 ⇒	СОВМ.ВС	
4	19			
no4	li* l			
ong1	1			
ong4	5 8			
₽ B	8 1			
an3	1 1			
мпэ		C		
- III	,	-1 C		
оказано 12 из 5615, Ном.в слов.76				
Контекст Текст Словарь Строить конкор	данс / текст Словофо	pмы/W ▼KW		
1 1000000	уфер Просмотреть буф	Пчистить бифел	нач.строка 1	
asproposas (comp. consta copata name co	dao4 ke3 dao4, fei1 ch			
ze2 lao3, shi4 wei4 bu2	dao4, bu2 dao4 zao3 y			
ze2 lao3, wei4 zhi1 bu2	dao4. bu2 dao4 zao3 yi			
shi4 wei4 bu2 dao4, bu2	dao4 zao3 vi3. Korga			
wei4 zhi1 bu2 dao4, bu2		це, цветущее отцветает,		
dao4 ke3 dao4, fei1 chang2				
zhi1 suo3 yi3 gui4 ci3	dao4 zhe3 he2? B чег			
bao3 ci3		ng2. Исполняющий		
bu4 ru2 zuo4 jin4 ci3	dao4. Выбирают царя	и трех великих		

Рис. 18

Пересечение разных типов информации позволяет производить исследование и сопоставление переводов. Так, пользователь может получить с помощью функции «фильтрации» частотный словник лемм и словоформ для каждого перевода. См. рис. 19, на котором отображен такой словник для перевода Ян Хиншуна.

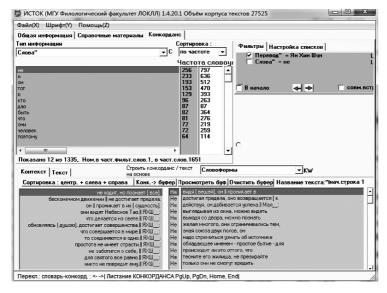

Рис. 19

В целях развития справочной составляющей сейчас ведется работа над созданием и подключением к единицам, представляющим иероглифы, понятийного указателя (словаря). В дальнейшем на этой основе возможна реализация какого-то варианта семантического поиска.

Автоматическое получение первичных статистических данных, например, о количестве употребления разных слов и общем объеме текста в оригинале и каждом из переводов, позволяет пользователю получать самостоятельные результаты, например, вычислять по какой-либо из формул коэффициент лексического разнообразия каждого из переводов. См., например, результаты сравнения соотношения количества словоупотреблений и разных слов для трех переводов и оригинала (формула TTR).

	Оригинал	Перевод Кониси	Перевод Ян Хиншуна	Перевод Малявина
Количество словоупотреблений	5282	6575	6118	6048
Количество разных лемм	798	1414	1315	1467
Соотношение	0,14	0,22	0,21	0,25

Как можно видеть, все русские переводы более многолексемны («лексически разнообразны»), чем китайский оригинал. А среди трех переводов по количеству разных лексем явно лидирует перевод Малявина.

В настоящее время статистические результаты могут носить лишь предварительный характер, так как пока не производилась проверка снятия омонимии в переводах. Для китайского оригинала при использовании транскрипционной записи возникает проблема дополнительного учета и различения тех иероглифов, которые произносятся одинаково. Так, в оригинале всего 504 разных знаков транскрипции, и корпус выдает этот «сокращенный» список. Но реальное число разных иероглифов в ДДЦ равно 798.

Мы планируем продолжить работу над развитием корпуса и пополнить его другими древнекитайскими произведениями и их переводами на русский язык. Полагаем, что эта совместная работа с филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова будет в полной мере способствовать не только решению собственно лингвистических задач, но и углублению межкультурного взаимодействия.

Результаты корпусно-ориентированного исследования ДДЦ и его русских переводов планируется изложить в отдельной статье.

В заключение можно сказать, что использование параллельных корпусов приобретает все большую перспективу и актуальность. Они крайне необходимы читателям, исследователям, переводчикам, преподавателям и учащимся. Необходимо признать, что разработка и использование параллельных корпусов русских и китайских текстов находится пока на начальном этапе. Объем существующих корпусов пока еще очень мал, а их тематика недостаточно широка; специалистов, занимающихся разработкой корпусов, обработкой текстов и корпусно-ориентированным исследованием, не хватает. Перед нами стоит весьма важная и большая задача, которую предстоит решить в ближайшем будущем.

Список литературы

- Мухин М.Ю., Ян И. Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 4. С. 23—31.
- Орехов Б.В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб, 2009. С. 462—473.
- *Тао Юань*, *Захаров В.П.* Разработка и использование параллельного корпуса русского и китайского языков // Научно-техническая ин-

- формация Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2015. N_2 4. C. 18–29.
- Создание и использование параллельного корпуса русского и китайского языков // Вестник МГПУ Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3. С. 76–82.
- Тао Юань, Захаров В.П. «Иностранизация» сочетаемости в конструкциях с предлогом 对 (duì) при переводе научных текстов с русского языка на китайский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 58–72.
- Тао Юань, Захаров В.П. Корпусно-ориентированный анализ универсалии «иностранизация» в конструкциях с предлогом "对" (duì) в научных текстах, переведенных с русского языка на китайский // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 2. С. 150—158.
- *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 40. М., 1957.
- *Цуй Вэй*, *Чжан Лан*. E-han fanyi pingxing yuliaoku jiqi yingyong yanjiu // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. 2014. № 1. P. 81–87. (In Chin.)
- *IIyй Вэй*, *Ли Фэн*. E-han-han-e pingxing yuliaoku de goujian shexiang yu yingyong zhanwang // Zhongguo eyu jiaoxue. 2014. № 1. P. 1–5. (In Chin.)
- Лю Мяо, Шаоцин. E-han wenxue fanyi yuliaoku de chuangjian jiyu qiehefu xiaoshuo pingxing yuliaoku de sheji yu jiangou // Waiyu xuekan. 2016. № 1. P. 154—158. (In Chin.)
- Лю Мяо, Шаоцин. Jiyu duoyiben pingxing yuliaoku de fanyi yuyan tezheng yanjiu dui qiehefu xiaoshuo sanyiben de duibi fenxi // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. 2015. № 5. Р. 126—133. (In Chin.)
- Пяо Чэкэхао, Ли Цинхуа и Ван Лися. Jiyu han-e pingxing yuliaoku de «jiu guo» dieyinci eyi guilü yanjiu // Zhongguo eyu jiaoxue. 2014. № 3. Р. 46—51. (In Chin.)
- *Тао Юань*. Renwen sheke xueshu wenben e-han pingxing yuliaoku de chuangjian yu yanjiu // Yuliaoku yuyanxue. 2014. № 1. Р. 78–93. (In Chin.)
- *Тао Юань*, *Ху Гумин*. Zhishi dongci yuyiyun de fanyi yanjiu jiyu e-han pingxing yuliaoku de zhuanye wenben // Wuhan daxue xuebao (Renwen kexue ban). 2015. № 1. P. 119–124. (In Chin.)
- *Тао Юань*. Jiyu e-han pingxing yuliaoku de fanyi danwei yanjiu // Waiyu jiaoxue, 2015. № 1. Р. 108—113. (In Chin.)
- *Тао Юань*. Jiyu e-han pingxing yuliaoku de чтобы congju fanyi zaozuo guifan yanjiu // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. 2015. № 5. P. 117—125. (In Chin.)
- *Ван Ягэ*, *Ду Хуэйпин*. Jibian guji suoyin tantao yi "Dao De Jing" ciyu suoyin zidong bianzuan weili // Tushuguan luntan. 2008. № 5. Р. 34—27. (In Chin.)
- Чжэн Шицюй, Ван Юнпин. Zhongguo wenhua tongshi: suitang wudai zhuan [M]. Beijing: Beijing shifan daxue chuban jituan. 2009. P. 96. (In Chin.)
- Feng Wenhe. Alignment and Annotation of Chinese-English Discourse Structure Parallel Corpus // Journal of Chinese Information Processing. 2013. 27(6). P. 158–165.

Li Yancui, Feng Wenhe, Sun Jing, Kong Fang, Zhou Guodong. Building Chinese Discourse Corpus with Connective-driven Dependency Tree Structure // Proceedings of the 2014 conference on Emporical Methods in Natural Language Processing, Doha, Qatar. 2014. P. 2105–2114.

Tao Yuan. Operating norms in translation on the basis of Russian-Chinese corpora: a case of чтобы clauses in Russian // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. № 1. С. 107—119.

Chen Xiaohui, Olga V. Kukushkina

THE PARALLEL CORPORA OF RUSSIAN AND CHINESE TEXTS

Renmin University of China No. 59 Zhongguancun Street, Haidian District, Beijing, 100872 Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

In this article we will try to consider the already existing parallel corpora of Russian and Chinese texts, not only in order to acquaint the reader with them, but also to learn from the experience of their development and to show the perspective and direction of further work. Particular attention is paid to the Parallel corpus of translations of "The Tale of Igor's Campaign", which contains translations of this ancient manuscript in different languages, including Chinese; the Parallel Russian-Chinese corpus within the National corpus of the Russian language; the Russian-Chinese and Chinese-Russian parallel corpus, the head of which is a Chinese scholar Cui Wei; the Russian-Chinese parallel Corpus of Humanities and Social Sciences academic texts the founder of which is a Chinese researcher Tao Yuan; the Russian-Chinese translation corpus, developed by the Chinese academic Liu Miao and divided into three blocks: the subcorpus of Chekhov's stories, the Chinese-Russian subcorpus of Literary, the subcorpus of teaching Russian as a foreign language; the Chinese-Russian parallel corpus of official texts with discursive-structural marking the developers of which are M. Yu. Mukhin and Yang I: the Chinese-Russian parallel corpus of the novel "Wine Country". created by the Chinese researchers Piao Zhehao, Li Qinghua and Wang Lixia.; the Chinese-Russian Parallel corpus of the Chinese classic text "Dao De Jing", developed by the authors of this article and containing two versions; the abbreviated (3 translations) and the complete (21 translations) one. As a summary, we have come to the conclusion that the development and use of the Russian-Chinese parallel corpus is still at an early stage. The volume of existing corpora is still very small, and their subjects are not wide enough; experts involved in the development of corpora, text tagging and corpus-oriented research are not numerous enough. We are faced with an urgent and important task.

Key words: parallel corpora; Russian; Chinese; tagging.

About the authors: *Chen Xiaohui* — Cand. Sc (Philology), Assistant Professor at Renmin University of China, China (e-mail: chenxh2011@163.com); *Olga V. Kukushkina* — Dr. Sc (Philology), Professor at Lomonosov Moscow State University, Russia (e-mail: ovkukush@mail.ru).

References

- Muhin M.YU. Yang I. Proekt sozdaniya kitajsko-russkogo parallel'nogo korpusa oficial'no-delovyh tekstov s diskursivno-strukturnoj razmetkoj. *Vestnik YUUrGU. Seriya: "Lingvistika"*, 2016, t. 13, № 4, pp. 23–31. (In Russ.)
- Orekhov B.V. Parallel'nyj korpus perevodov "Slova o polku Igoreve": itogi i perspektivy. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i. Otv. red. V.A. Plungyan, SPb, 2009, pp. 462–473. (In Russ.)
- Tao Yuan, Zaharov V.P. Razrabotka i ispol'zovanie parallel'nogo korpusa russkogo i kitajskogo yazykov. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya Ser. 2: Informacionnye processy i sistemy*, 2015, № 4, pp. 18–29. (In Russ.)
- Tao Yuan. Sozdanie i ispol'zovanie parallel'nogo korpusa russkogo i kitajskogo yazykov. *Vestnik MGPU*, *ser.* "*Filologiya*. *Teoriya yazyka*. *YAzykovoe obrazovanie*", 2015, № 3, pp. 76–82. (In Russ.)
- Tao Yuan, Zaharov V.P. "Inostranizaciya" sochetaemosti v konstrukciyah s predlogom 对 (duì) pri perevode nauchnyh tekstov s russkogo yazyka na kitajskij. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, *ser. 22: Teoriya perevoda*, 2016, № 3, pp. 58–72. (In Russ.)
- Tao Yuan, Zaharov V.P. Korpusno-orientirovannyj analiz universalii "inostranizaciya" v konstrukciyah s predlogom "对" (duì) v nauchnyh tekstah, perevedennyh s russkogo yazyka na kitajskij. *Vestnik SPbGU, Vostokovedenie i afrikanistika*. 2017, t. 9, vyp. 2, pp. 150—158. (In Russ.)
- Tolstoj L.N. Poln. sobr. Soch.: v 90 t., t. 40, M., 1957. (In Russ.)
- Cui Wei, Zhang Lan. E-han fanyi pingxing yuliaoku jiqi yingyong yanjiu. *Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao*, 2014, № 1, pp. 81–87. (In Chin.)
- Cui Wei, Li Feng. E-han-han-e pingxing yuliaoku de goujian shexiang yu yingyong zhanwang. *Zhongguo eyu jiaoxue*, 2014, № 1, pp. 1–5. (In Chin.)
- Liu Miao, Shao Qing. E-han wenxue fanyi yuliaoku de chuangjian jiyu qiehefu xiaoshuo pingxing yuliaoku de sheji yu jiangou. *Waiyu xuekan*, 2016, № 1, pp. 154–158. (In Chin.)
- Liu Miao, Shao Qing. Jiyu duoyiben pingxing yuliaoku de fanyi yuyan tezheng yanjiu dui qiehefu xiaoshuo sanyiben de duibi fenxi. *Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao*, 2015, № 5, pp. 126–133. (In Chin.)
- Piao Zhehao, Li Qinghua, Wang Lixia. Jiyu han-e pingxing yuliaoku de «jiu guo» dieyinci eyi guilü yanjiu. *Zhongguo eyu jiaoxue*, 2014, № 3, pp. 46–51. (In Chin.)
- Tao Yuan. Renwen sheke xueshu wenben e-han pingxing yuliaoku de chuangjian yu yanjiu. *Yuliaoku yuyanxue*, 2014, № 1, pp. 78–93. (In Chin.)

- Tao Yuan, Hu Guming. Zhishi dongci yuyiyun de fanyi yanjiu jiyu e-han pingxing yuliaoku de zhuanye wenben. *Wuhan daxue xuebao* (*Renwen kexue ban*), 2015, № 1, pp. 119–124. (In Chin.)
- Tao Yuan. Jiyu e-han pingxing yuliaoku de fanyi danwei yanjiu. *Waiyu ji-aoxue*, 2015, № 1, pp. 108–113. (In Chin.).
- Tao Yuan. Jiyu e-han pingxing yuliaoku de чтобы congju fanyi zaozuo guifan yanjiu, *Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao*, 2015, № 5, pp. 117—125. (In Chin.)
- Wang Yage, Du Huiping. Jibian guji suoyin tantao yi "Dao De Jing" ciyu suoyin zidong bianzuan weili. *Tushuguan luntan*, 2008, № 5, pp. 34–27. (In Chin.)
- Zheng Shiqu, Wang Yongping. Zhongguo wenhua tongshi: suitang wudai zhuan [M]. *Beijing: Beijing shifan daxue chuban jituan*. 2009, p. 96. (In Chin.)
- Feng Wenhe. Alignment and Annotation of Chinese-English Discourse Structure Parallel Corpus. *Journal of Chinese Information Processing*, 2013, 27(6), pp. 158–165.
- Li Yancui, Feng Wenhe, Sun Jing, Kong Fang, Zhou Guodong. *Building Chinese Discourse Corpus with Connective-driven Dependency Tree Structure*. Proceedings of the 2014 conference on Emporical Methods in Natural Language Processing, Doha, 2014, pp. 2105–2114.
- Tao Yuan. Operating norms in translation on the basis of Russian-Chinese corpora: a case of чтобы clauses in Russian, *Vestnik SPbGU. Seriya 9*, 2016, № 1, ss. 107–119.

А.Д. Ивинский

М.Н. МУРАВЬЕВ И А.П. СУМАРОКОВ (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена реконструкции литературных отношений М.Н. Муравьева и А.П. Сумарокова. Выясняется, что отношение Муравьева к М.М. Хераскову было сложным, а к Сумарокову — откровенно двусмысленным. Сумароков всегда оставался для него значимым литературным «собеседником», а его произведения — важнейшим литературным источником. И вместе с тем Муравьев не воспринимал его как в полной мере образцового автора, пытался переосмыслять его наследие и даже критиковал его недостатки. Непросто обстояло дело и с Херасковым: Муравьев рассматривал его как крупнейшего современного поэта, дорожил общением с ним, однако никогда не идеализировал его и, восхищаясь автором «Россияды», одновременно подчеркивал значение творчества В.П. Петрова, в херасковском кругу воспринимавшегося неоднозначно. Ряд текстов. посвященных Сумарокову и впервые публикуемых в данной работе, извлечены из рукописей Муравьева. Во-первых, в письмах поэта к отцу и сестре Н.А. и Ф.Н. Муравьевым (хранятся в ОПИ ГИМ) обнаруживаются важнейшие указания на дискуссии Муравьева, Хераскова и Н.И. Новикова о Сумарокове и его произведениях, в первую очередь, о трагедии «Семира». По этому источнику публикуется «надпись к изображению Сумарокова» «Воспитанник богинь, любви сопутниц красных...». Во-вторых, в результате обследования «Записной книги» Муравьева (находится в ОР РГБ), которая состоит из восьми «журналов», заполненных сотнями стихотворных произведений, до сих пор лишь частично введенных в научный оборот, выявлено стихотворение «Порицатель», в котором поэт иронически характеризует творческие принципы Сумарокова.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев; А.П. Сумароков; М.М. Херасков; история русской литературы XVIII в.

Роль А.П. Сумарокова в русском литературном процессе 1770—1780 гг. по-прежнему остается не проясненной¹. Прославленный

Ивинский Александр Дмитриевич — канд. филол. наук, младший научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ivinskij@gmail.com).

¹ При этом об отношении к Сумарокову в эпоху Карамзина и Жуковского см.: [Стенник, 1999: 401–411; Алексеева, 2011: 95–117].

в 1740—1750 гг. «северный Расин» в екатерининское царствование остался, по сути, не у дел. Попытки реактуализации в контексте нового царствования в конечном счете успеха не возымели. Известно, что Екатерина II отзывалась о нем иронически, а активность драматурга в Москве и вовсе ее раздражала. При дворе о нем быстро «забывают» [Живов, 2002].

Г.А. Гуковский строил свою историко-литературную концепцию, которая во многом до сих пор остается востребованной, на антитезе «школы Сумарокова» (М.М. Херасков и его «ученики») и последователей Ломоносова (В.П. Петров), связывая литературные баталии с якобы существовавшим конфликтом «панинской группы» и Екатерины II². Если следовать логике Гуковского, смерть Сумарокова, главы, казалось бы, столь влиятельной школы, теми, кто к ней принадлежал, должна была бы восприниматься однозначно — ушел великий поэт, однако никто не торопился оплакивать Сумарокова. Как справедливо отметила Н.Ю. Алексеева, «значительные тогда поэты (М.М. Херасков, В.П. Петров, И.Ф. Богданович) и молодые будущие знаменитости (Г.Р. Державин, М.Н. Муравьев, И.И. Хемницер, Н.А. Львов и др.) на смерть Сумарокова не откликнулись» [Алексеева, 2011: 96].

Здесь только одна неточность: на самом деле М.Н. Муравьев откликнулся на смерть Сумарокова, посвятив этому событию несколько текстов, которые мы и намерены рассмотреть ниже.

Литературная позиция Муравьева до сих пор не реконструирована. Это произошло по двум взаимосвязанным причинам. Первая поэт практически не участвовал в современной ему литературной борьбе. Вторая — бо́льшая часть его творческого наследия не была напечатана при жизни и не собрана за те два с лишним столетия, которые прошли со дня его смерти.

В самом деле, подавляющая часть муравьевских текстов до сих пор не введена в научный оборот. Его письма и литературные произведения рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга. Следовательно, роль и значение Муравьева в истории литературы еще только предстоит проанализировать и установить. Между тем именно неопубликованные произведения Муравьева позволяют уточнить и скорректировать устоявшиеся представления. Исключительно ценными представляются письма Муравьева к отцу Никите Артамоновичу и сестре Федосье Никитичне Муравьевым, которые хранятся в ОПИ ГИМ, и тексты из рукописной «Записной книги», нахоляшейся в ОР РГБ.

² Критику этой концепции см., например: [Ransel, 1975; Живов, 2001: 7–36; ср.: Зорин, 1999: 3–12].

Несколько слов об этих источниках.

Письма родным — важнейший материал для реконструкции биографии Муравьева. Он каждую неделю писал отцу и сестре обо всех значимых для него новостях: служба, быт, литература, придворная жизнь [об этом подробнее см.: Ивинский, 2017: 173—181; Ивинский, 2018: 352—369]. Сохранились практически полные комплекты за 1776—1778 гг., значительное число писем за 1779—1787 гг.; кроме того, существуют сотни неопубликованных писем к сестре и ее мужу С.М. Лунину за 1781—1791 гг.

«Записная книга» — восемь «журналов», которые составлялись, согласно пометам автора, с 1771 по 1800 г. [Муравьев, 1771—1803]³. Вот авторские заголовки: «Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года» (только в нем около 300 стихотворений), «Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год» (более 40 произведений), «Журнал на 1776 год» (около 140 текстов), «Стихотворения с 1779 года в июле в Санктпетербурге» (40 стихотворений), «Мез études... hélas! 1780 года», «1780 года. Покушение исправиться», «Упражнения души. Тверь 1780 года в марте», "Les illusions le 1 d. aout. 1780 Tver" (все четыре журнала 1780 г. небольшие по размеру: от трех до шести листов). Кроме того, на протяжении 1780 гг. Муравьев неоднократно возвращался к этим «журналам», пересматривал и редактировал включенные в них тексты, возможно, обдумывая возможность их издания⁴.

Гуковский называл Муравьева одним из «создателей» сентиментализма в России, учеником М.М. Хераскова, а следовательно, и Сумарокова⁵. Таким образом, эволюция русской литературы второй половины XVIII в. выглядела прямолинейно: первое поколение — Сумароков, второе — Херасков и его сподвижники,

³ О «Записной книге» см.: [Алехина, 1990: 1–87].

⁴ Археографические принципы, которым мы следовали, таковы. Мы ориентировались на «Правила издания исторических документов в СССР»: «При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии» [Правила, 1990: 24]. Так, отказавшись от передачи некоторых букв (ерь, ерь, фита и др.), мы сохранили основные особенности орфографии и пунктуации XVIII в.: формы множественного числа на -ыя, -ия; устаревшие написания вроде: «есть ли», «есть ли», «сево дни», «щастье» и т.п.; приставки, оканчивающиеся на «з» в позиции перед глухим согласным и др. В угловые скобки заключены предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов».

⁵ «Если Муравьев оказался учителем поэтов 1800-х годов круга Карамзина, то он был в свое время сам учеником поэтов школы Сумарокова» [Гуковский, 1938: 253]; ср.: «Социально-политическое мировоззрение Муравьева в своих основах мало чем отличается от мировоззрения Сумарокова — Панина — Хераскова 1760—1770-х гг.» [Гуковский, 1938: 255].

третье — «ученики» Хераскова, одним из которых и был Муравьев, при этом «внуки» в той или иной степени верны принципам «отцов» и «дедов». Показательна реплика исследователя о том, что «он < Муравьев. — A.U.> остается во многом учеником именно Хераскова (кого бы он сам ни выдвигал себе в учителя)» [Бруханский, 1959: 160]: следуя идеям Гуковского, Бруханский отводил муравьевскую самоидентификацию и выдвигал на первый план признаваемую твердо установленной преемственность от Хераскова к Муравьеву, стремясь, по-видимому, в очередной раз подчеркнуть «продуктивность» «сумароковской школы», «дворянской фронды», которая противостояла неэффективной и малочисленной «екатерининской группе».

Начнем с сюжета «Муравьев и Херасков». Он гораздо сложнее, чем принято полагать. С одной стороны, молодой Муравьев относился к автору «Россияды» с огромным уважением, ловил его отзывы и оценки. Вот, например, отрывок из письма Муравьева к отцу от 28 ноября 1776 г.: «Нынешний день, обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьяго дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего Болеслава и переводных Елегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович. в стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Елегии мои ему очень нравятся и ему бы хотелось чтоб мой перевод был внесён в общество а не Рубанов, котораго он не любит» [Муравьев, 1776: 5]. Ср. более позднее письмо от 7 марта 1779 г.: «Я ничего не писал. Но восхищение, которое я испытываю быть в кабинете Михайла Матвеевича, слушать его наставления быть всегда его мнения скрадывают от глаз моих оскорбительное воображение моей безполезности. Мне кажется что уже довольно зделано для моей славы, если имею слушателем ползущих стихов моих творца Россиады. И быть им поправлену, все равно что быть похвалену. Во всем доме, все дышит любовию писмен и я приезжаю туда, чтоб говорить о стихотворстве и молчать» [Муравьев, 1778—1779: 86]. Муравьев возлагал большие надежды на Хераскова, он надеялся на помощь известного поэта: «Я уже говорил Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение и он говорит, что с охотою примут. Я выжидаю времени. покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем⁶ уже и возпользоваться силою Майкова и Хераскова» [Муравьев, 1776: 5-5 об.]. Вместе с Н.И. Новиковым отмечал его день рождения; об этом см. в письме от 30 октября 1778 г.: «Дватцать второй год год

 $^{^{6}}$ Край листа надорван: не ясно, есть ли слово в начале строки, видимо, нет.

зачал столько же весело, как дватцать первой. И мечта етого первого дня продолжается ещё и теперь. Я его провёл у Н.И. Новикова. Мы праздновали рождение Михайла Матвеевича» [Муравьев, 1778—1779: 20]. Более того, в ноябре—декабре 1776 г. Муравьев чувствует себя человеком, близким Хераскову, разделяющим схожие ценности; вот, как кажется, показательный пример из письма от 1 декабря 1776: «Я взял у Михайла Матвеевича одну новую епическую поему La Louiseide какого-то Ле Жено⁷. Да какой вздор! Хераск<ов>говорит, что он ее для смеху читает и второй песни прочесть немог. Я несколько стихов тебе из ней напишу, чтоб ты посмеялась» [Муравьев, 1776: 8].

С другой стороны, Муравьев никогда не идеализировал Хераскова. В этом контексте показательно его отношение к В.П. Петрову. По Гуковскому, симпатии к Хераскову автоматически означают антипатии к «карманному стихотворцу» Екатерины II. Муравьев же не противопоставлял, а, наоборот, соединял имена Хераскова и Петрова — для него они равновеликие фигуры, «классики», писатели, одинаково значимые для русской словесности. Так, Муравьев дорожил мнением Петрова, ему льстил положительный отзыв на «Рощу»: «В ето время успел уж я быть у Анны Андреевны, Василья Петровича, Ник. <олая > Ал. <ександровича > Львова, Ханыкова, Попова, Афонина, у Фед. < ора > Мих. < айловича > Колокольцова, с которым завтре я буду к вам писать. Третьягодня же весь вечер был я в Летнем саду, где многих видел. Петров принял меня отменнее, нежели когда нибудь, хвалил мою рошу, сказывал, что полюбилась она очень К.<нязю> Григорию Александровичу⁸, которой ее читал. Я пленен всем, что я здесь вижу: ето дурачество молодости» (письмо от 5. 6. 1778) [Муравьев, 1778–1779: 59]. О неслучайности и принципиальности этой позиции говорит неопубликованное стихотворение Муравьева, которое, возможно, написано в то же время (лето 1778 г.), потому что в нем упоминается о «снисходительной» оценке «Рощи» автором оды «На карусель», и в котором Херасков и Петров были названы «певцами наших лней»:

Ты, чтитель их, Петров, участник той же мощи, Которого они творили чудеса, Со снизхожденьем зришь моей мечтанья *рощи*; Сии убежища дающи древеса, Сии прохладны своды Где я хочу внимать учения Природы. Ах может быть мне рок той чести не судил Чтоб верх мой увенчен был листвием лавровым

⁸ Г.А. Потемкину.

 $^{^{7}}$ Речь о Claude Le Jeune (1528/30-1600), французском поэте и композиторе.

И чтобы поздней век⁹ <?> меня превозносил С Певцами наших дней, Херасковым, Петровым. Представлю жребий сей И слезы зависти катятся из очей

[Муравьев, 1771-1803: 49 об.].

Этот текст — компиляция двух других: первые шесть строк — последняя строфа будущего стихотворения «Успех бритской музы. К В.П. Петрову» [Муравьев, 1967: 172—173], последние шесть Кулакова опубликовала как отдельное произведение [Муравьев, 1967: 195]. Впрочем, не можем исключить и иной, противоположной, версии: *сначала* возник текст, опубликованный нами, а потом уже Муравьев «разделил» его между двумя другими пьесами.

Теперь приведем отрывок из письма В.В. Ханыкова к Муравьеву. Ханыков начал читать «Россиаду» М.М. Хераскова и дал ей нелестный отзыв: «Вчера я получил Россияду, прочитал я оной по сию пору только 3 песни. Сколько я мог из оного по понятию своему заключить: она писана с силою <?> и красотою стихов, что мало таковыя по русски находится. В некоторых местах упадает мастерство писать стихи, но не поведения поемы. Черты картин часто натянутыя, мрачныя, слабыя. Het genie. Повсюду явствует работа и труд. Со всем тем сочинение наполненное красотами, и которое считаю первым монументом российской поэзии, коей делает оно честь. Я нахожу его лучше нежели ждал. Осмелился я сообщить тебе сие моё мнение. может быть оно <?> только самого меня унизит» [Ханыков, 1779: 14]. Этот текст явно предвосхищает те оценки херасковской поэмы, которые станут общим местом в 1810-е годы. Но важно не только это: как кажется, перед нами след дружеского обсуждения творений Хераскова, которые не предназначались для чужих глаз и ушей. Как кажется, отношение Муравьева к Хераскову было очень сложным и совсем не «партийным». Во всяком случае, в известной нам части переписки Муравьева с Ханыковым нет ничего, что свидетельствовало бы об их разногласиях в вопросе о Хераскове.

С Сумароковым еще сложнее 10. Иногда важно не только то, что поэт сказал, но и то, о чем он умолчал. Насколько нам известно, Муравьев не публиковал при жизни текстов, посвященных Сумарокову. Более того, в муравьевском томе «Библиотеки поэта», подготовленном Кулаковой, также нет произведений о «северном Расине». При этом стихи, обращенные к Хераскову, Петрову,

⁹Данное слово прочитано предположительно, но, во всяком случае, это не «род», как в издании Л.И. Кулаковой [Муравьев, 1967: 195].

¹⁰ Об отношении Муравьева к нему см.: [Кулакова, 1939; Топоров, 2001: 265–278].

Княжнину, Богдановичу, без труда находим. Справедливости ради отметим, что Муравьев в своих дневниках, прозаических материалах, оставшихся в рукописях заметках, упоминал Сумарокова довольно часто и отмечал его заслуги в драматургии и эпической поэзии. Вот, например, отрывок из «Записной книги»: «Я бы любопытствовал узнать что есть наша Литтература в сравнении с собственными северными: Шведской, датской, Польской. Во всех сих народах давно учёные в Греческом и Латинском и в науках. Давно Университеты, Академии и столетия целыя как они учатся по Гомеру и Виргилию. Но естьли стихотворцы большаго разума и славы или равных с Ломоносовым, Сумароковым, Майковым, Херасковым. Есть ли у них Семира, Россиада, Чесмеской бой и сии Майковския <...> сладостныя сказочки...» [Муравьев, 1771–1803: 92]. Отметим, что Сумароков здесь в числе лучших русских поэтов, сразу после Ломоносова, а его «Семира» так и вовсе названа первой в ряду образцовых сочинений. Заметки эти, впрочем, довольно поздние, точно датировать их сложно, но, по-видимому, они относятся уже к 1780—1790 гг. При этом «Семира» упоминалась в ранней переписке Муравьева. В письме от 28 ноября 1776 г. он писал сестре и рассказывал об общении с Херасковым и о его критике прославленной трагедии. К сожалению, лист сильно поврежден, что тем не менее не мешает восстановить общее содержание: «Чтож я тебя новенькое напишу? Что я завтре буду читать Руссиаду; ето я писал. Мих: <аил> Матвеевич требует, чтобы я сказал своё мнение, как он мне своё, je defere, dit-il, trop, <...> jugements des jeunes gens. Я обедал у них с Елисаветой Васильевной <Xерасковой>: c'est sa femme, qui est aussi <...> et on raisonna serieusement à la table, et sur <...> donc <?> sur Semire. A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur Semire, il l'analyse, il fa<it?> voir les beautes de la Tragédie et quelques défauts. <...> Характер Оскольдов, по Волтерову не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могши спасть жизнь свою унижением <...>, лучше хочет умереть <...> а после, хочет избавление свое из темницы <...> подлости, обману и любви сестриной. Я <...> купил последнюю Волтерову Трагедию Les Loix <так!> de Minos ou Astérie¹¹. Слабехонька! Она делана в 1773» [Муравьев, 1776: 6]¹². Таким образом, отрицательный отзыв Вольтера о сумароковском переводе здесь — это и вызов определенной эстетической программе, и завуалированный выпад против вольтеровской «копии» — Сума-

понятно, что «Семира» обсуждалась с Херасковыми [Муравьев, 1980: 358].

¹¹ Скорее всего, речь идет о следующем издании: Les Loix de Minos, ou Astérie. Tragédie en cinq actes et en vers, par M. de Voltaire. Nouvelle édition. Paris, Didot, 1773.

12 Кулакова привела только несколько строк из этого письма, из которых не было

рокова, которого еще Тредиаковский называл «первенствующим нашим Волтером» [Пекарский, 1873: 257]¹³. При этом отметим, что критике подвергался и сам Вольтер, последняя пьеса которого заслужила нелестный отзыв Муравьева.

Показательно, что эту аргументацию Муравьев повторил в своем стихотворении «Порицатель», оставшемся не опубликованным и, кажется, не доработанным 14. Повод к его созданию неизвестен, а потому смысл его до конца не ясен. Насколько можно понять, Муравьев иронизирует над хулителями (или хулителем) Ломоносова и подробно высказывается (уже от своего имени) о Сумарокове:

Порицатель

Во Ломоносове стихи находим жоски, Пренебреженье языка И только зачаты картины излегка Надуты те а ети плоски: Над Сумароковым свершаем етот суд: Трагедии его без живописи доски Великой труд Узнать которыя в них действующи лицы И в чем деяния. Одно увидишь, врут Мущины и девицы, Таким наречием как пишут небылицы. Без разумения, не к стати разговор Не достиженное Природы ощущенье. Не вестно что за град и что за двор Князь влюбится в княжну, любить ей запрещенье И в спехе заговор. Потом прошенье: Вот словом всех его трагедий сокращенье В комическом пути был низкой <?> балагур Не занимался век ни нравами ни планом И издал наконец приданое обманом Во притчах низок черезчур В Еглоках <так!> одинаков Малюет мелочи сравнения кладя Для рифмы языку пощечины дая Из миртов строк свия для бога 15 хладный альков.

¹³ Ср.: «Хотя Сумарокова часто называли русским Расином, его подлинным героем был не Расин, а Вольтер. От Вольтера, в частности, воспринимает он и морализм своих трагедий, Расину не свойственный» [Живов, 2002: 614].

¹⁴ Алехина ранее опубликовала только первые восемь строк данного стихотворения, она была уверена, что это «пародия» на «порицателей», при этом, с ее точки зрения, «для самого Муравьева литературные авторитеты и Ломоносова, и Сумаркова незыблемы» [Алехина, 1990: 16].

 $^{^{15}}$ Имеется в виду Амур / Купидон, бог любви; мирт — атрибут Афродиты / Венеры.

Послушай моего рассказа толкованье: Какими средствами хочу Чтобы досталось рифмачу Любви достойнаго писателя названье.

[Муравьев, 1771-1803: 6 об. -7].

Так, круг замкнулся: переписка и поэзия оказываются в едином контексте — напряженных и сложных размышлений о современной литературе. В данном тексте Муравьев наиболее откровенен. Но это не значит, что в прочих случаях он только лгал, подчеркивая заслуги Сумарокова: позиция Муравьева была сложнее. Сумароков всегда оставался для него литературным «собеседником», а его произведения — значимым литературным источником. И вместе с тем Муравьев не рассматривал его как в полной мере образцового автора (как, видимо, и Хераскова, поэта, ему существенно более близкого).

Об этом же свидетельствуют и письма Муравьева.

1 октября 1777 г. Сумароков умер. В опубликованном Л.И. Кулаковой письме Муравьева к отцу от 30 октября 1777 г. читаем: «Не могу удержаться, чтоб не сообщить вам стишков, которые вчерась читал я Михаиле Матвеевичу на смерть Сумарокова. Он было адресовал меня к Николаю Ивановичу, чтоб их напечатать в Кадетском корпусе. Ему Тейльс друг. Он было и взялся; да читаючи их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов. Мих<айло> Матв<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой...» [Муравьев, 1980: 3091¹⁶. Здесь много интересного: и «вольность воображения», и высказывания Новикова, и внимательное отношение Хераскова к публикации молодого поэта.

Кулакова указала, что этот текст не сохранился и что Муравьев написал другие стихи в 1778 г. Это чрезвычайно странно, ведь речь вроде бы идет о произведении, написанном по горячим следам и читанном самому Хераскову. Л.И. Алехина, обратившись к «Записной книге» Муравьева, нашла «Стихи на смерть Сумарокова»; исследовательница, а вслед за ней и Топоров, были уверены, что

¹⁶ В.Н. Топоров ошибочно датировал это письмо 17-м августа [Топоров, 2001: 266].

это те самые стихи, которые упоминаются в приведенных только что отрывках из писем [Алехина, 1990: 23; Топоров, 2001: 267]. Повидимому, это не так, потому что ничего «крамольного» мы в них не находим, напротив, перед нами классическая эпитафия. Скорее всего, это просто другой текст, а «крамольный» пока не найден.

В письмах Муравьева к отцу обнаруживается еще одно стихотворение, посвященное Сумарокову. 26 июня 1778 г. поэт обращался к сестре: «Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающияся разсматриванием друг друга... Мое писмо прочтешь ты конечно за писмо к сродственной душе: ты так хотела. И если оно тебе скучило, тем хуже для тебя. Нет тем хуже для меня, что я не знал зделать любопытными сие малое число с<т>рок. В награждение посылаю к тебе надписи к изображению Сумарокова, которыя я написал сегодня по утру.

Воспитанник богинь, любви сопутниц красных Ко Музам юношей в общенье привлечен. Сей первый таинства сердец похитил страстных Любовь похитил их, их другом наречен. И млад, надежды полн, уже творец Хорева, Со Ломоносовым себя едина зрел: Но на соперника не мог воззреть без гнева Семиру начертал и с ним безстрашен сел.

Зделай милость матушка попроси батюшку, чтоб приказал переписать Розану Г.<осподина>Николева¹⁷. Мне ее здесь иметь очень хочется. Будь здорова и весела ты исполнишь оба мои желания; за тем, что я не требую уверений в твоей любви. Прости» [Муравьев, 1778—1779: 54—56 об.]. Данное стихотворение не менее комплиментарно, чем напечатанное Л.И. Алехиной; не исключено, что оба они были написаны под прямым влиянием Н.И. Новикова, т.е. уже после им раскритикованного и оставшегося нам неизвестным. Естественно предположить, что Муравьев не стал печатать свои поэтические комплименты Сумарокову, поскольку они не вполне соответствовали его убеждениям.

У нас нет оснований полагать, что приведенные нами источники исчерпывающим образом освещают отношение Муравьева к Сумарокову. Однако и их достаточно, чтобы убедиться в том, оно было сложным и в каких-то аспектах двусмысленным. Муравьев и ориентировался на Сумарокова, и переосмыслял его наследие, и даже критиковал его недостатки. Непросто обстояло дело и с Херасковым: Муравьев относился к нему с откровенной симпатией, дорожил общением с ним, однако никогда не идеализировал его и,

^{17 «}Розана и Любим» — комическая опера Н.П. Николева, поставленная в 1778 г. в Москве.

во всяком случае, не опускался до банальной «партийности»: восхищаясь Херасковым, Муравьев в полной мере сознавал значение творчества В.П. Петрова.

Список литературы

- Алексеева Н.Ю. Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века // XVIII век. СПб, 2011. Сб. 26. С. 95–117.
- Алехина Л.И. Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М., 1990. С. 1—87.
- *Бруханский А.Н.* М.Н. Муравьев и «легкое стихотворство» // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 157–171.
- *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938.
- Живов В.М. XVIII век в работах Г.А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
- Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 557—637.
- Зорин А.Л. Григорий Александрович Гуковский и его книга // Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1999.
- Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в письмах к отцу 1778—1779 гг. (По материалам ОПИ ГИМ) // Карамзин и его эпоха. М., 2017.
- Ивинский А.Д. Частная переписка XVIII в.: письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным // Екатерина II и княгиня Дашкова: взгляд из XXI века. М., 2018.
- *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Л., 1939. Вып. 4. № 33.
- Муравьев М.Н. Записная книга стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771—1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N 11161.1.
- Муравьев М.Н. Письма к отцу Н.А. Муравьеву с приписками к сестре Ф.Н. Муравьевой 1776. Ноябрь-декабрь // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Ч. 746.
- *Муравьев М.Н.* Письма к отцу Н.А. Муравьеву с приписками к сестре Ф.Н. Муравьевой. 1778—1779 // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 1—95.
- Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967.
- *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб, 1873. Т. 2.
- Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
- Стенник Ю.В. Сумароков в критике 1810-х годов (А.Ф. Мерзляков) // XVIII век. СПб, 1999. Сб. 21. С. 401—411.
- *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публика-

ции. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М., 2001.

Ханыков В.В. Письма к моему другу Мих.<аилу> Ни.<китичу> < Муравьеву> в самой молодости // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Ч. 483 б. (Бумаги М.Н. Муравьева).

Ransel D.L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. Yale, 1975.

Alexander D. Ivinsky

M. MURAVIEV AND A. SUMAROKOV IN THE MATERIALS OF THE ARCHIVES AND MANUSCRIPT COLLECTIONS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM AND THE RUSSIAN STATE LIBRARY

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article is devoted to the reconstruction of M.N. Muraviev and A.P. Sumarokov's literary relations. It turns out that Murayiev's attitude toward M.M. Kheraskov and Sumarokov was more complicated and even ambiguous than it was usually believed. Muraviev highly appreciated Sumarokov, but reinterpreted his legacy and even criticized his works at the same time. Besides that Muraviev treated Kheraskov with sympathy, but he never idealized the author of "Rossiada" and considered him one of the model authors, along with V.P. Petrov, Catherine the Great's "pocket poet". A number of texts devoted to Sumarokov, first published in this paper, are based on Muraviev's manuscripts. First, in the poet's letters to his father and sister N.A. and F.N. Muraviev (stored in OPI GIM) we reveal important traces of Muraviev, Kheraskov and N.I. Novikov's discussion about Sumarokov and his works, first of all, about Sumarokov's tragedy "Semir". We publish Muraviev's text — "inscription to Sumarokov's image" "Vospitannik bogin', liubvi soputnits krasnykh..." Secondly, as a result of the survey of Muraviev's "Notebook" (located in RSL) — it consists of eight «iournals», filled with hundreds of poems — we publish a poem "Poritsatel" — Muraviev's ironic characteristics of Sumarokov's ideas and technics.

Key words: M.N. Muraviev; A.P. Sumarokov; M.M. Kheraskov; XVIII century Russian literature.

About the author: *Alexander D. Ivinsky* — Moscow State University, philology department, junior research fellow, candidate of philology (e-mail: ivinskij@gmail.com).

References

Alekseeva N. Ju. *Reputacija Sumarokova-pojeta v nachale XIX veka. XVIII vek*, SPb, 2011, sb. 26, ss. 95–117.

- Alehina L.I. Arhivnye materialy M.N. Murav'eva v fondah Otdela rukopisej. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V.I. Lenin*, vyp. 49. M., 1990, ss. 1–87.
- Bruhanskij A.N. *M.N. Murav'ev i "legkoe stihotvorstvo". XVIII vek.* M.; L., 1959, sb. 4, ss. 157–171.
- Gukovskij G.A. Ocherki po istorii russkoj literatury i obshhestvennoj mysli XVIII veka, L., 1938.
- Zhivov V.M. XVIII vek v rabotah G.A. Gukovskogo, ne zagublennyh sovetskim hronosom. Gukovskij G.A. *Rannie raboty po istorii russkoj pojezii XVIII veka*. M., 2001.
- Zhivov V.M. Pervye russkie literaturnye biografii kak social'noe javlenie: Trediakovskij, Lomonosov, Sumarokov. Zhivov V.M. *Razyskanija v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury*. M., 2002, ss. 557–637.
- Zorin A.L. Grigorij Aleksandrovich Gukovskij i ego kniga. Gukovskij G.A. Russkaja literatura XVIII veka. M., 1999.
- Ivinsky A.D. M.N. Muravyev in letters to his father in 1778–1779 (Based on the materials of OPI GIM). *Karamzin and his epoch*. M., 2017.
- Ivinsky A.D. Private correspondence of the 18th century: M.N. Muravyev's letters to S.M. and F.N. Lunin. Catherine II and Princess Dashkova: a view from the 21st century. M., 2018.
- Kulakova L.I. M.N. Murav'ev. *Uchenye zapiski LGU. Serija filologicheskih nauk*, L., 1939, vyp. 4, № 33.
- *Murav'ev M.N.* Zapisnaja kniga stihotvorenija, pojemy, dramaticheskie proizvedenija, zametki o literature 1771–1803, OR RGB. F. 178. N. 11161.1.
- Murav'ev M.N. Pis'ma k otcu N.A. Murav'evu s pripiskami k sestre F.N. Murav'evoj 1776. Nojabr'-dekabr', *OPI GIM*, *F. 445*, Ed. hr. 49. Ch. 74b.
- Murav'ev M.N. Pis'mak otcu N.A. Murav'evu s pripiskami k sestre F.N. Murav'evoj. 1778–1779, *OPI GIM. F. 445*. Ed. 51. Ch. 74g., L. 1–95.
- Murav'ev M.N. Stihotvorenija, L., 1967.
- Pekarskij P.P. Istorija Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge. T. 2. SPb, 1873.
- Stennik Ju.V. *Sumarokov v kritike 1810-h godov* (A.F. Merzljakov). XVIII vek. SPb, 1999, sb. 21, ss. 401–411.
- Toporov V.N. Iz istorii russkoj literatury. T. 2: Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovanija, materialy, publikacii. M.N. Murav'ev: *Vvedenie v tvorcheskoe nasledie*. Kn. 1. M., 2001.
- Hanykov V.V. Pis'ma k moemu drugu Mih. <ailu>Ni. <kitichu> <Murav'evu> v samoj molodosti, *OPI GIM. F. 445*. Ed. hr. 232. Ch. 483 b. (Bumagi M.N. Murav'eva).
- Ransel D.L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. Yale, 1975.

А.В. Гладощук

МЕКСИКАНСКИЙ РЕМБО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена проблеме рецепции наследия Артюра Рембо в эссеистике и поэтических работах Октавио Паса 1930—1950-х годов. Осваивая творчество «экзотического» для Мексики поэта, Пас моделирует генеалогию своего литературного поколения и определяет вектор развития национального искусства, взяв на вооружение знаменитую формулу грядущей действенности поэзии. В то же время Пас незаметно для самого себя вступает на путь, который приведет его к сюрреализму; непосредственный контакт с сюрреалистической группой в Париже в 1945—1951 гг. усилил и дополнил воспринятое им ранее влияние Рембо, в ком сюрреалисты видели своего наставника. Этот поэтический «резонанс» выразился в книге «Орел или солнце?» (1951), которую Пас считал своим самым сюрреалистическим произведением: тексты Рембо образуют один из слоев культурного субстрата книги и задают возможную перспективу анализа. Начиная со своеобразной «Поры в аду» (раздел «Труды поэта»), достигая искомого Рембо «расстройства всех чувств», Пас приходит к «Озарениям» (стихотворения в прозе эпонимического раздела «Орел или солнце?»), формулируя в конце ряд обращенных к поэту наставлений-пророчеств в духе знаменитых писем «ясновидца» («Грядущий гимн», «По направлению к стиху (Точки отсчета)»). Таким образом, Пас проходит путь Рембо в обратном направлении, обнаруживая готовность принять этику и эстетику сюрреализма. Преодолевая одиночество поэта, возлагающего на себя Прометеевы задачи, Пас, как и Андре Бретон, утверждавший общедоступность сюрреалистического метода, стремится к «сопричастности», к тому, чтобы поэтический опыт мог быть пережит каждым.

Ключевые слова: Октавио Пас; «Орел или солнце?»; Артюр Рембо; французский сюрреализм; мексиканская поэзия; рецепция; франколатиноамериканские литературные связи

В 1941 г. Хулио Кортасар в эссе об Артюре Рембо с сожалением отмечал, что в испаноязычной литературной среде творчество поэта, чьей целью была не Книга, а Жизнь, получило слабый резонанс, в отличие от творчества «классиков» — Бодлера и Малларме. Но

Гладощук Анастасия Валерьевна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: appletart@mail.ru).

Кортасар был одним из тех, кто распознал в Рембо брата по духу и поэтому мог заявить: «Мы <...> те самые "ясновидцы", к которым он взывал» [Согта́даг, 1994: 22] (здесь и далее перевод всех цитат наш. — А.Г.). К числу этих «мы», безусловно, отнес бы себя Пабло Неруда: Рембо — единственный поэт, которого он упоминает и цитирует в своей Нобелевской речи. Миссию поэта-ясновидца готов был взять на себя в молодости и Октавио Пас: этот эпизод литературной биографии Паса имеет ключевое значение для понимания своеобразия его поэтики, формировавшейся в контексте постоянного диалога с французской культурой. Рембо становится одним из проводников Паса в лабиринте современной поэзии, помогая ему вписать себя как представителя латиноамериканской культуры в пространство европейской поэтической традиции.

Первое упоминание Рембо в текстах Паса относится к 1935 г. В начальном фрагменте прозаических «Вигилий» (Vigilias) Пас соотносит «ужасного Рембо» и святого Хуана де ла Крус на том основании, что оба поэта, по его мысли, испытали на себе «абсолютную свободу» [Раz, 1999: 147] (интересно, что Кортасар в упомянутом эссе также намечает эту параллель).

Следующая в хронологическом порядке аллюзия возникает в эссе «Пабло Неруда в сердце» (Pablo Neruda en el corazón, 1938): Энтони Стэнтон, ведущий исследователь творчества поэта, утверждает, что Пас заимствует понятия «ciencia» (знание, навык) и "paciencia" (терпение), посредством которых он определяет отношение поэзии, поэта и читателя к действительности — активное, преобразующее и пассивное, рецептивное соответственно, — из стихотворения «Вечность» (L'Éternité), которое в тексте «Поры в аду» (Une saison en enfer, 1873) Рембо использует в качестве иллюстрации к тому периоду своей жизни, когда он практиковал «алхимию слова» [Stanton, 2015: 57—58]: «Jamais l'espérance. // Pas d'orietur. // Science et patience, // Le supplice est sûr» [Rimbaud, 1977: 232—233].

В декабре этого же года Пас вместе с Рафаэлем Солана создает журнал «Тальер» (Taller, декабрь 1938—1941, 12 номеров), пришедший на смену узкопрофильному «Тальер поэтико» (Taller poético, 1936), в котором печаталась исключительно поэзия. Эстетически и идеологически «Тальер» стремился к утопическому синтезу свободного и социально ответственного искусства, к поэзии, которая бы изменила человека и общество, и в этом стремлении Рембо как нельзя лучше подходил молодым литераторам в качестве ориентира. В № 4 журнала (июль 1939 г.) по настоянию Паса публикуется первый полный перевод на испанский язык «Поры в аду», выполненный Хосе Феррелем — его же через несколько лет Пас попросит перевести «Стихотворения» Лотреамона для журнала «Блудный сын» (El hijo pródigo). Публикация была жестом самоопределения: так пасовское

поколение отводило Рембо место в своей литературной генеалогии и словно в ответ на загадочный призыв «Надо быть абсолютно современным» («Il faut être absolument moderne») [Rimbaud, 1977: 241] из последней части книги («Прощанье») утверждало, по мысли Паса, свою особую современность, отличную от современности поколения поэтов группы «Контемпоранеос» или испанского поколения 27-го года [Раz, 2006: 98]. Этот жест имеет тем большее значение, что Рембо, как замечает Пас в эссе «Трехполосное искусство» (Arte tricolor, 1943) был «экзотическим» для Мексики явлением, наряду с марксизмом, промышленностью, неевклидовой геометрией и психоанализом [Раz, 2006: 98].

С прямых отсылок к Рембо начинается эссе, посвященное испанскому поэту Леону Фелипе (El mar. Elegía y esperanza: León Felipe, 1939). В трех цитатах-формулах Пас называет некоторые ключевые положения знаменитой теории ясновидения, которую Рембо сформулировал в письме к Жоржу Изамбару от 13 мая 1871 г. и письме Полю Демени от 15 мая того же года: поэт должен быть ясновидцем, он становится «самым больным из всех, самым преступным, самым проклятым и ученым из ученых» [Rimbaud, 1977: 346], и «Поэзия не будет больше переводить действие в ритм: она будет впереди» [Rimbaud, 1977: 348]. Из слов Паса явствует, что теория Рембо представляется ему, во-первых, общеизвестной — на что указывает эпитет «знаменитый» (célebre) при слове «письмо», а во-вторых, не столь новой (хотя в соответствии с пасовской трактовкой ее можно было бы назвать оригинальной в этимологическом смысле слова): Рембо, в его понимании, «всего лишь вновь открывает в человеке глубинные поэтические и пророческие токи» [Раz, 1999: 277], но именно поэтому его концепция может служить мерой подлинности современной поэзии. Видя в Рембо фигуру архетипического поэта, наделенного чудовищной восприимчивостью к абсолюту, Пас универсализирует пережитый им весной и летом 1873 г. духовный кризис, делая акцент на значимой для себя категории памяти, как будто из текста «Поры в аду» не явствует, что для самого Рембо память была, скорее, инструментом пытки, а не познания: «спускаясь в свой ад» [Раz, 1999: 277], поэт с помощью особой, чувствительной, интуитивной памяти открывает свое первоначало и вместе с тем — силы, существовавшие задолго до человека.

Очевидно, что эстетическим исканиям пасовского поколения в наибольшей мере отвечала формула грядущей действенности поэзии: Пас повторит ее в лекции «Поэзия и мифология. Роман и миф» (1942), когда, определив единственный возможный для мексиканского искусства путь — не подражание бесформенной действительности, а изобретение, сотворение реальности, — призовет мексиканских художников быть верными завету Рембо.

Из всего этого мы можем заключить, что «Пора в аду» не была прочитана Пасом как палинодия, он не воспринял неоднозначный посыл книги — «возвращение на землю» [Rimbaud, 1977: 240], отказ от «лжи» [idid.: 241] литературы в пользу действия — буквально: слишком силен был потенциал теории ясновидения 1. Закономерным образом встает вопрос: какое преломление нашли идеи Рембо в творчестве Паса?

Осваивая наследие Рембо, Пас, на наш взгляд, незаметно для себя самого вступает на путь, который через несколько лет приведет его к сюрреализму. До приезда в Париж в 1945 г. отношение Паса к деятельности сюрреалистов было двойственным: с одной стороны, поэт разделял господствовавшее в мексиканской интеллектуальной среде мнение о том, что сюрреализм выродился в «литературу», язык общих мест, стал выхолощенной манерой, с другой стороны, его поэтические и этические принципы уже тогда в определенной степени совпадали с сюрреалистическими, о чем свидетельствует знаменитое эссе «Поэзия одиночества и поэзия сопричастности» (Poesía de soledad y poesía de comunión, 1943) [Paz, 1999: 234–245]. Поскольку творческие установки Рембо во многом предвосхищают идеи сюрреалистов, непосредственный контакт с Андре Бретоном и активное участие Паса в деятельности группы усилило и дополнило воспринятое им ранее влияние. Этот «резонанс» выразился в написанной в Париже книге «Орел или солнце?» (1951), которую Пас считал своим самым сюрреалистическим произведением: Рембо, можно сказать, присутствует в книге имманентно, его теории и тексты образуют один из слоев ее культурного субстрата и задают возможную перспективу анализа.

«Орел или солнце?» имеет трехчастную композицию: первый раздел составляет текст-рефлексия о творческом процессе в 16 «главах» — «Каторжный труд» (Trabajos forzados), второй — короткие рассказы — «Зыбучие пески» (Arenas movedizas), третий — стихотворения в прозе — «Орел или солнце?» (¿Águila o sol?). Осенью 1957 г. «Каторжный труд» был опубликован в журнале «Сюрреализм, все-таки» (Le Surréalisme, même, № 3) — единственном из ряда эфемерных послевоенных сюрреалистических изданий, руководство которым взял на себя сам Бретон.

При переиздании в составе антологии «Свобода под слово» (Libertad bajo palabra) Пас дал циклу новое заглавие — «Труды поэта» (Trabajos del poeta), сохранив, вероятно, непреднамеренно, слово «trabajos», которое может вызвать в памяти читателя ассоциацию с названием сборника, возникшего как плод коллективного творчества

¹ Заметим, что в то время споры о датировке текстов Рембо еще только начинались: в настоящий момент документально установлено, что многие из «Озарений» были написаны после «Поры в аду».

Бретона, Шара и Элюара — «Замедлить работы» (Ralentir travaux, 1930). По воспоминаниям Шара, заглавное словосочетание было найдено случайно: друзья ехали по дороге, на которой велись ремонтные работы, и их внимание привлекла надпись на дорожном знаке [Breton, 1988: 1567], т.е. «Ralentir travaux» изначально — предупреждение: «Сбавьте скорость, идет ремонт». Однако в новом контексте «travaux» может быть понято как «поэтические работы», а указание на скорость отсылает к концепции автоматического письма и процессу синхронизации мысли и ее вербального выражения. Примечательно, что слово «travaux» встречается также в эссе «Автоматическое сообщение» (1933) в следующем контексте: «Нет, Лотреамон, Рембо не видели, не обладали изначально тем, что описывали, значит, они это не описывали, а только писали, прислушиваясь к неясному голосу, раздающемуся в темных кулисах бытия, понимая не лучше, чем мы сами, когда читаем их в первый раз, процессы (travaux) — осуществленные и осуществимые. "Озарение" наступает впоследствии» [Breton, 1992: 389]. Именно такой путь проходит Пас в «Орел или солнце?»: от подневольных, механических «работ» до «озарений», от «Трудов поэта» до «По направлению к стиху (Точки отсчета)» («Hacia el poema (Puntos de partida)»).

Французский писатель Андре Пьейр де Мандьярг назвал «Каторжный труд» мексиканской «Порой в аду» [Pieyre de Mandiargues, 1958: 106] — эта характеристика приемлема как метафора, но она, на наш взгляд, не отвечает содержанию текстов, поскольку высшей точкой творческих страданий у Паса становится прорезающийся через внутренности, кости и жилы поэта Крик: «... как внезапная радость, как открыть дверь, за которой — море, как заглянуть в бездну и взобраться на вершину <...> о, биение крыльев, о, клюв, разрывающий, вскрывающий наконец-таки плод! ты, мой Крик. фонтан огненных перьев, рана, звонкая и широкая, как планета, откалывающаяся от тела звезды, о, бесконечное падение в небо отголосков, небо отражений, в которых ты повторяещься, разбиваешься, множишься, делаешься бесконечным и безымянным» [Раz, 1960: 168]. В перспективе знакомства Паса с теорией, изложенной Ж.-Ж. Руссо в трактате «Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании» (1761), в которой он увидит предвосхищение сюрреалистической концепции языка², этот образ приобретает символическую значимость: Руссо утверждал, что речь первых людей была «языком поэтов», языки порождены не естественными, материальными, а душевными потребностями, страстями, чувствами — в силу этого неартикулированные звуки, крики и жалобы следует считать древнейшей формой слов. По этой

² Подробнее об этом см. [Гладощук, 2016: 657–662].

логике в космогоническом хаосе гортани лирический герой Паса обнаруживает первоосновы языка.

Если Рембо определил свой поэтический метод как «алхимию слова», то метод Паса можно назвать «анатомированием» слова, близким жертвенному насилию над языком, о котором говорил Роже Витрак в эссе «Язык — отдельно» (Le Langage à part), опубликованном в журнале «транзисьон» (именно так, со строчной буквы писалось название этого журнала экспериментальной литературы — «transition», № 18, ноябрь 1929): «Надо разрубать слова на четыре части, на восемь, шестнадцать и т.д., тысячу частей. <...> Слова обветшали или умерли. Стали жалким средством. Прежде они были целью. Они смешивались с абсолютом. Сегодня они едва могут подвести нас к границам старых идей. Они пришли к такому упадку, что в современности легко обходятся без них, пользуясь лишь их отходами. И хотя было бы опасной иллюзией искать философский камень языков [очевидная аллюзия на Рембо. — $A.\Gamma$.], дадим хотя бы им молотки, электрические печи и шарикоподшипники» [Vitrac, 1929: 176–177]³. Однако некоторые приемы алхимии слова Пас усвоил, о чем свидетельствует стихотворение в прозе «Свобода под слово». Если Рембо «писал молчания, ночи, записывал невыразимое», «запечатлевал головокруженья», открывал («J'inventai») цвет гласных, пытался изобрести «новые цветы, новые звезды, новые тела, новые языки» [Rimbaud, 1977: 240], лирический герой Паса также «изобретает» (invento) мир во всех его проявлениях, от космически-природных до человечески-безобразных: звезды, дыхание воды, дерево, облако, море, смену дня и ночи, страх, надежду, «ожог и вой, мастурбацию в уборных, видения в мусорной яме, тюрьму, вшей и сифилис» [Раz, 1960: 9]. Пасовский поэт пытается трансформировать язык, доведя его до низшей точки уродства и загрязнения: «Годами я кормлю слово "ненависть" мусором, пока оно не лопнет прекрасным гноящимся нарывом, который отравит язык на целое столетие» [Раz, 1960: 164], — алхимический же опыт имеет «сверхприродную» (surnaturel) направленность, сводится к процессу очищения, сублимации: цель поэта-ясновидца — сделать так, чтобы поэтическое слово воспринималось всеми органами чувств.

Подробное описание того, как поэт наносит словам увечья, препарирует и скрещивает их, наблюдая за их инцестуальными совокуплениями, дается в ІХ главе, которая может быть прочитана как своего рода иллюстрация к знаменитому эссе «Слова без морщин» Бретона: «Слова, впрочем, перестали играть. Слова занимаются любовью» [Breton, 1988: 286]. Оскорбление Красоты, с которой начинается «Пора в аду»: «Однажды вечером я посадил Красоту к

 $^{^3}$ Используются фрагменты перевода Е.Д. Гальцовой [Гальцова, 2010: 511].

себе на колени. — И нашел ее горькой. — И я ей нанес оскорбленье» [Рембо, 1982: 150], — переводится в вербальный план: красота — не категория, а слово: «У красоты вылезла горбом "о" ("A la hermosura le sale una joroba en la u")» [Раz, 1960: 164].

Стилистически Пас весьма далек от Рембо: в свете этого различия XI глава может быть прочитана как метарефлексивная. Завидев гребень — начальный слог — приближающегося к нему Слова — «Сті» — лирический герой начинает перебирать возможные его продолжения, скрытые от него под водой: «¿Cristo, cristal, crimen, Crimea, crítica, Cristina, criterio?» [Paz, 1960: 165]. Энтони Стэнтон проницательно замечает, что слово «Сті» можно прочитать как французское «крик» [Stanton, 2015: 324]. В таком случае переход от отрывочного «Сті» к полнозвучному «Grito» означает смену поэтического кода, обретение «своего» языка, преодоление «французского образца» [Раz, 2003: 116—117].

Считая «инаковость» конституирующей поэтический опыт категорией, Пас, несомненно, воспринимал утверждение «Я есть другой» [Rimbaud, 1977: 344] (Je est un autre) как свое собственное. Вслед за Рембо он мог бы повторить: поэту следует говорить не «я думаю», но «мной думают». В ожидании Слова лирический герой очищает себя от «гноящейся пустоты собственного "я"» [Раг, 1960: 161] (VI глава) и воображает, как ненавистные местоимения, измельченные челюстями нового языка, слипнутся в комок: «ятыонмывыони» («уоти́élnosotrososotrosellos») (Х глава) [Раг, 1960: 165].

VIII глава иллюстрирует состояние «расстройства всех чувств» [Rimbaud, 1977: 346] (dérèglement de tous les sens): во время бессонницы тело поэта ветвится, бесконечно расширяется, выходит за пределы комнаты, так что уши и пальцы рук и ног оказываются удаленными друг от друга на километры, хруст позвоночника заглушает скрип петель, на которых держится мир, и в то же время оно сжимается до размеров черепной коробки. Поэт чувствует себя одновременно живым, мертвым и бессмертным, он лежит неподвижно, как мумия в египетской пустыне, и в то же время он — арена, на которой проходят бои быков, он — бык, и он же — тореро.

Борьба с собственным «я» и поиск нового языка продолжаются в третьей, заключительной, части книги («Орел или солнце?»), которую, развивая сравнение де Мандьярга, можно соотнести с «Озарениями»⁴. К текстам «Орел или солнце?» в полной мере применимо определение, которое дал «Озарениям» Поль Верлен в предисловии к первой публикации (1886) — «феерические пейзажи» или

⁴ Любопытно, что, хоть и на уровне эпитета, но Мексика присутствует в «Озарениях»: в самом начале стихотворения «Детство» о женщине-идоле-кукле с черными глазами и желтой гривой говорится, что она «благороднее, чем мексиканская или фламандская сказка» [Rimbaud, 1977: 255].

серия экфрасисов (слово «illuminations» — объяснял Верлен — является заимствованием из английского и переводится как «цветные гравюры») [Verlaine, 1978: 631]. Однако многие пасовские картины, в отличие от фантасмагорических видений Рембо, разворачиваются в подчеркнуто языковом измерении, примером чего могут служить фрагменты «Эралабан» (Eralabán), «Явление» (Aparición), «Старая поэма» (Viejo poema), «Осажденный» (El sitiado). Рембо, говоря словами М. Мюра, ставит язык на службу «видения» (vision), а не «говорения» (diction) [Murat, 2013: 302] — Пас же утверждает суверенитет Слова; Рембо формирует в себе поэта-ясновидца, Пас — поэта-прорицателя, поэтому в его текстах высока степень автореференциальности и доля поэтической рефлексии. Знаменательно, что в стихотворении «Долина Мехико» (Valle de México) органом поэтической дикции становятся глаза: «Солнце вырывает мне глаза. В моих пустых глазницах две звезды разглаживают свои красные перья. Сияние, спираль крыльев и свирепый клюв. А теперь мои глаза поют. Загляни в эту песню, бросься в костер» [Раz, 1960: 212]. Отличает Паса от Рембо и то, что он стремится не преодолеть, а прозреть прошлое: в поисках «частицы пророческого слова» он направляет свой взгляд в глубь «подпочвы Мексики» [Раz, 1966: 16]. По мысли Паса, только обретая древность, поэт становится «понастоящему современным» [Раз., 2010: 35]. Рембо же чувствует, что «дурная кровь» [Rimbaud, 1977: 213] прошлых жизней не укрепляет, но отравляет его, поэтому переживаемые им «озарения» остаются опытом одинокого. Пас же, осваивая пространства коллективной памяти, стремится к «сопричастности» (comunión).

В заключительных текстах книги — «Грядущий гимн» (Himno futuro) и «По направлению к стиху (Точки отсчета)» — обнаруживается ряд перекличек и совпадений с положениями и предчувствиями теории «ясновидения». На возвещаемом Рембо «всеобщем языке» (langage universel), который, «исходя из души, обратится к душе» и «вберет в себя все: запахи, звуки, цвета» [Rimbaud, 1977: 347], мог бы быть спет «свободный гимн свободного человека», который Пас пытается описать двумя симметричными сериями синестетических приложений-оксюморонов: «тополь света, колонна музыки, струя безмолвия» — в начале текста; «твердая пирамида слез, пламя, ограненное на пике бессонницы» и «сосна музыка, колонна света, тополь огня» — в конце. Перечисление завершается семантически устойчивым словосочетанием: «струя волы». Желанный язык прост и прозрачен, как вода, и в силу этого — доступен всем: «Вода, наконецто вода, слово человека для человека!» [Paz, 1960: 214-215]. Обращает на себя внимание совпадение используемых Рембо и Пасом конструкций: «de l'âme por l'âme» и «del hombre para el hombre».

В коротких выделенных курсивом абзацах «По направлению к стиху (Точки отсчета)» Пас перенимает пророческую интонацию Рембо, давая «новому поэту» [Раz, 1960: 215] ряд наставлений. «Перерезать пуповину, уверенно убить Мать: преступление, которое современный поэт совершил за всех, во имя всех» [Раz, 1960: 215] — как заявлял Рембо, на своем пути к «ясновидению» поэт станет «великим преступником» [Rimbaud, 1977; 346], «Новому поэту предстоит открыть Женщину. <...> Я предвижу: мужчина-солнце и женшина-луна. первый — освобожденный от своей власти, вторая от своего рабства» [Раz, 1960: 215-216] — Рембо говорил о судьбе женщины сходным образом: «Когда будет разбито вечное рабство женщины, когда она будет жить для себя и по себе, мужчина — до сих пор омерзительный — отпустит ее на свободу, и она будет поэтом, она — тоже!» [Рембо, 1982: 241]. «Когда История пробуждается, образ становится деянием, стихотворение происходит (acontece): поэзия начинает действовать» [Раz, 1960: 217] — так Пас парафразирует формулу «Поэзия не будет больше переводить действие в ритм». Финальное «Заслужи то, о чем грезишь» [Раz, 1960: 217] напоминает о том, что «ясновидцем» можно стать, только прилагая к тому целенаправленные усилия.

Таким образом, Пас проходит путь Рембо в обратном направлении⁵: от «Поры в аду» через «Озарения» к письмам «ясновидца». Конечную точку этого пути можно соотнести с этикой и эстетикой сюрреализма: преодолевая одиночество поэта, возлагающего на себя Прометеевы задачи, Пас, как и Бретон, утверждавший общедоступность своего метода, стремится к «сопричастности», к тому, чтобы поэтический опыт мог быть пережит каждым.

Список литературы

Гальцова Е.Д. Сюрреализм: от эстетики разрыва к «суммированию» культуры // Авангард в культуре XX века (1900–1930): Теория. История. Поэтика. Кн. 1. М., 2010. С. 471–529.

Гладощук А.В. Октавио Пас и Жан-Жак Руссо // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. СПб, 2016. С. 657–662.

Рембо А. Стихи. М., 1982.

Breton A. Œuvres complètes. T. I. Paris, 1988.

Breton A. Œuvres complètes. T. II. Paris, 1992.

Cortázar J. Obra crítica II. Madrid, 1994.

Murat M. L'art de Rimbaud. Mayenne, 2013.

⁵ Обратном не в хронологическом, а в символическом смысле. Спустя 13 лет в эссе «Вращение знаков» (Los signos en rotación, 1964) Пас объяснит: если воспринимать творчество Рембо как единое целое, «Пора в аду» следует за «Озарениями», даже если это не соответствует порядку их написания [Раz, 1965: 13].

- Paz O. Travaux forcés // Le Surréalisme, même. 1957. № 3 (automne). P. 33–36.
- Paz O. Libertad bajo palabra. Obra poética (1935–1958). México, 1960.
- Paz O. Los signos en rotación. México, 1965.
- Paz O. Obras completas. T.4. Generaciones y semblanzas: Dominio mexicano. México, 2006.
- Paz O. Obras completas. T.6. Los privilegios de la vista I: Arte moderno universal. México, 2010.
- Paz O. Obras completas. T. 13. Miscelánea I: Primeros escritos. México, 1999.
- Paz O. Obras completas. T. 15. Miscelánea III: Entrevistas. México, 2003.

Pieyre de Mandiargues A. Le Belvédère. Paris, 1958.

Poesía en movimiento: México, 1915–1966. México, 1966.

Rimbaud A. Œuvres. Paris, 1977.

Stanton A. El río reflexivo: Poesía y ensayo en Octavio Paz (1931–1958). México, 2015.

Verlaine P. Œuvres en prose complètes. Paris, 1978.

Vitrac R. Le langage à part // Transition. 1929. № 18 (novembre). P. 176–190.

Anastasiya V. Gladoshchuk

OCTAVIO PAZ AS THE MEXICAN RIMBAUD

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article focuses on Octavio Paz's reception of Arthur Rimbaud's oeuvre. reflected in his poetry and essays written in the 1930-50s. Assimilating creative impulses of a poet that was considered «exotic» in Mexico, Paz finds him a place in the genealogy of his literary generation and determines a direction that the national art should follow, guided by a famous formula of a future efficacy of poetry converted in action. Meanwhile imperceptibly for himself Paz enters on a path that will lead him to surrealism: a direct contact with the French surrealist group in 1945–1951 reinforced and completed a prior influence of one of the main precursors of the movement. This poetic resonance echoes in a tripartite prose book "Eagle or Sun?" (1951) that Paz qualified as his most surrealist writing: Rimbaud's presence is immanent to the texts, his works form one of the layers of their thick cultural substratum, indicating a possible perspective of analysis. Starting from a certain "A season in hell" ("The Poet's Work"), disordering all his senses as Rimbaud prescribed it, Paz reaches "Illuminations" (poems in prose of an eponymous "Eagle or Sun?" part), ending with a series of prophecies and directions addressed to a "new poet" in the spirit of the famous letters of "voyant" ("The Future Hymn", "Toward the Poem (Starting Points)"). Thus Paz repeats Rimbaud's itinerary in a backward direction, coming finally to accept Surrealist ethics and aesthetics. Overcoming the solitude of a poet that endows himself with a Prometheus mission, Paz, similarly to André Breton, that proclaimed the Surrealist method accessible to anyone, seeks to reach "participation", so that poetic experience could be shared and lived by all the people.

Key words: Octavio Paz; "Eagle or Sun?"; Arthur Rimbaud; French Surrealism; Mexican poetry; reception; French — Latin — American literary contacts.

About the author: *Anastasiya V. Gladoshchuk* — PhD student, M.V. Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of History of Foreign Literatures (e-mail: appletart@mail.ru).

References

Gal'tsova E.D. Siurrealizm: ot estetiki razryva k "summirovaniiu" kul'tury [Surrealism: from the aesthetics of rupture to the "summation" of culture]. *Avangard v kul'ture XX veka* (1900–1930): *Teoriia. Istoriia. Poetika* [Avant-garde in the culture of the XX century (1900–1930): Theory. History. Poetics]. Vol. I. Moscow, IMLI RAN, 2010, pp. 471–529. (In Russ.)

Gladoshchuk A.V. Oktavio Pas i Zhan-Zhak Russo [Octavio Paz and Jean-Jacques Rousseau]. *XVIII vek kak zerkalo drugikh epokh. XVIII vek v zerkale drugikh epoch* [XVIII as a mirror of other ages. XVIII in the mirror of other ages], ed. N.T. Pakhsar'ian, St. Petersburg, 2016, pp. 657–662. (In Russ.)

Rembo A. *Stikhi* [Poems], Moscow, 1982, 494 p. (In Russ.)

Breton A. Œuvres complètes. T. I. Paris, 1988, 1798 p.

Breton A. Œuvres complètes. T. II. Paris, 1992, 1857 p.

Cortázar J. Obra crítica II. Madrid, 1994, 385 p.

Murat M. L'art de Rimbaud. Paris, Éditions Corti, 2013, 486 p.

Paz O. Travaux forcés. *Le Surréalisme*, *même*, 1957, № 3 (automne), pp. 33–36.

Paz O. Libertad bajo palabra. Obra poética (1935–1958). México, 1960, 317 p.

Paz O. Los signos en rotación. Buenos Aires, 1965, 70 p.

Paz O. *Obras completas. T. 4. Generaciones y semblanzas: Dominio mexicano.* México, 2006. 429 p.

Paz O. Obras completas. T. 6. Los privilegios de la vista I: Arte moderno universal. México, 2010. 389 p.

Paz O. *Obras completas. T. 13. Miscelánea I: Primeros escritos.* México, Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 1999. 430 p.

Paz O. Obras completas. T. 15. Miscelánea III: Entrevistas. México, 2003. 759 p.

Pieyre de Mandiargues A. Le Belvédère. Paris, 1990, 224 p.

Poesía en movimiento: México, 1915–1966. México, 1966, 476 p.

Rimbaud A. Œuvres. Paris, 1977, LXX, 569 p.

Stanton A. El río reflexivo: Poesía y ensayo en Octavio Paz (1931–1958). México, 2015, 526 p.

Verlaine P. Œuvres en prose complètes, Paris, 1978, 1549 p.

Vitrac R. Le langage à part. *Transition*, 1929, № 18 (novembre), pp. 176–190.

Л.А. Разгулина

«БУКВАЛИЗАЦИЯ» АУДИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ В АВАНГАРДИСТСКОМ ТЕКСТЕ: Ч. ОЛСОН, Р. РАУШЕНБЕРГ, А. РОБ-ГРИЙЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается опыт работы со словом, звуком и образом поэта-авангардиста Чарльза Олсона, художника Роберта Раушенберга и романиста Алена Роб-Грийе, их «партитурный» эксперимент, обнаруживающий общую направленность. Исследуются варианты работы со звуком и с аудиальным воображением, передача эффектов слышания и актов слушания, вслушивания, напряжение между звуком услышанным и звуком воображенным. Поэтический эксперимент Олсона рассматривается в свете его теории проективного стиха; анализируется звуковой аспект творчества Раушенберга; в противовес устоявшейся восприятию Роб-Грийе как исключительно «визуального» писателя, его романное творчество (на основе романа «Резинки») трактуется как аудиоцентричное. Делается вывод о том, что в свете опытов Роб-Грийе со звуковыми генераторами реальности по-новому могут быть поняты эстетические эксперименты Олсона и Раушенберга. Объекты искусства, создававшиеся этими очень разными художниками, предстают как «возможные миры звука», в которые зритель/читатель-слушатель «входит», одновременно создавая их в процессе перпеппии.

Ключевые слова: Ч. Олсон; Р. Раушенберг; А. Роб-Грийе; аудиальное воображение; партитура; проективизм; слушание; ритм; звук; голос.

В 1933 г. в книге «Назначение поэзии» Т.С. Элиот пишет: «То, что я называю "слуховым воображением" (auditory imagination), — это чувство слога и ритма, проникающее гораздо глубже сознательных уровней мышления и чувства, придающее силу каждому слову; оно опускается до самого примитивного и забытого, возвращается к истокам, что-то обретая там; ищет начало в конце. Оно проявляется, конечно, через значения, или не отдельно от значений в обычном смысле, и сплавляет старое и стертое в памяти с банальным, текущим и с новым, удивительным, самое древнее мышление с самым цивили-

Pазгулина Людмила Александровна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lurazgulina@mail.ru).

зованным» [Элиот, 1996: 58]. В общем случае слуховое / аудиальное воображение включает не только поэтическое чувство слога и ритма, но и музыкальное слушание-воспроизведение партитуры, а также обыкновенное, «обывательское» вспоминание музыкального фрагмента. При этом ритмы звука неотделимы от ритмов чувствования и мысли. Аудиальное воображение характеризует как художника, работающего со звуком, так и реципиента его произведений, чуткого к этой работе.

С первых лет существования исторического авангарда звук осознавался как инструмент культурного сопротивления. Русские и итальянские футуристы, американские авангардисты середины XX в. (в том числе Чарльз Олсон и Роберт Раушенберг) и т.д., вплоть до современных мультимедиа перформеров, использовали звук как средство «прямого» воздействия на аудиторию и непосредственнотелесной (в этом смысле, альтернативной) реализации авторской субъективности. Пока несколько недооценена в этом отношении экспериментальная деятельность французских неороманистов, в частности Алена Роб-Грийе. Общую направленность их эксперимента со словом, звуком и образом, — эксперимента, имеющего радикальную и притом двойственную, эстетическую и антропологическую, природу, — мы рассмотрим в данной статье. При этом нас будут интересовать следующие вопросы: чем обусловлено напряжение между звуком услышанным и звуком воображенным, между модальностью перцепции и модальностью воображения? Чем близки и чем различны варианты работы со звуком и с аудиальным воображением поэта Чарльза Олсона, художника Роберта Раушенберга, прозаика Алена Роб-Грийе? Что дали их опыты по обеспечению непосредственной передачи эффектов слышания и актов слушания, вслушивания?

Слушание поэтического текста

В американской авангардистской поэзии 1950—1960-х годов «импульс к устности» использовался как средство противостояния традиции высокого модернизма с ее риторической изощренностью и ориентацией на печатный текст [Davidson, 1997: 196]. Если для Элиота и Паунда «голос» — риторический конструкт, то для послевоенных американских поэтов он интересен в его физиологичности: "Speech is a mouth", — говорит Роберт Крили в стихотворении «Язык» ("The Language") [Creeley, 1982: 283]. С манифеста «Проективный стих» ("Projective Verse", 1950) соратника Роберта Крили по школе Черной горы Чарльза Олсона и начинается «поворот к устности» в американской поэзии середины XX в.

Проективный стих как модус поэтического творчества и пишущая машинка как его «орудие» неочевидным, но тесным образом связаны между собой. Технические преимущества пишущей машинки, такие как возможность соблюдать точность интервалов, для поэта означают новые возможности работы с дыханием: он может точно отметить длительность промежутков дыхания, паузы, задержки слогов, соположения различных частей фраз, сообразно своим творческим задачам. Эту возможность новой работы с единицами времени и дыхания Олсон сравнивает с работой музыканта над партитурой: «У поэта есть нотный стан и тактовая черта, которые были у музыканта» [Олсон, 2010]. Поэт может в обход конвенциональных рифмы и метра записать речь как она слышится, в том числе и в процессе самого стихосложения. Тем самым поэт обозначает для читателя то, каким образом он предпочитает озвучивать собственное стихотворение, будь то устно или в молчании аудиального воображения. Опора «проективистов» на эксперименты предыдущих поколений с пишущей машинкой (Каммингс, Уильямс) при этом довольно очевидна.

Каждая из строк проективного стихотворения представляет собой продвижение смысла стиха вместе с дыханием поэта. Пишущая машинка становится моментальным записывающим аппаратом, регистрирующим не только работу ума, воображения поэта, но и физиологические потоки его энергии. Прислушиваясь к ним, поэт получает доступ в мир вещей и мир Другого, постигает «тайны, хранимые объектами» ("secrets objects share"), схватывает объективные ритмы бытия и течения времени — и открывает доступ к ним читателю. «Проективная эстетика» Олсона (внутренне взаимосвязанная с его же антропологическими идеями) предполагала исследование границ слышимого и изобразительного и естественно искала выражения не только в индивидуальном, но и в коллективном эксперименте.

Слушание живописи

Роберт Раушенберг впервые попал в колледж Блэк Маунтин в 1948 г., в то время как там преподавал Чарльз Олсон, и именно тогда познакомился с Мерсом Каннингемом и Джоном Кейджем, дружба с которыми впоследствии оказала сильнейшее влияние на его творчество. Снова посетив колледж летом 1951 г., Раушенберг принял участие в знаменитом впоследствии хэппенинге Кейджа "Theater Piece № 1" (1952). «Белая живопись» Раушенберга, представленная в хэппенинге, являла собой три белых прямоугольных полотна с нанесенной на них не кистью, а валиком, строительной белой краской, дабы избежать малейших искажений, могущих отбрасывать тень. В основе эксперимента, с точки зрения автора,

лежал вопрос: «Сколько можно убрать из изображения, чтобы оно при этом оставалось изображением» [Rose, 1987: 45-46]. Белизна полотна — принципиально не пустота, а поверхность действия, игровая площадка для света и тени, перформативное визуальное поле, находящееся в состоянии постоянного изменения (в рамках хэппенинга на белые полотна как бы проецировались, как на экран, все действия участников и аудитории). Творчество Раушенберга чутко к реакциям зрительской аудитории — в спектре куда более широком, чем визуальные впечатления. Он говорил: "It is almost as if art, in painting and music and stuff, is the leftovers of some activity. The activity is the thing that I'm most interested in. Nearly everything that I've done was to see what would happen if I did this instead of that" [Kostelanetz, 1968: 78]. Регистрируя потоки действий, происходящих в окружающей ее среде, живопись тем самым исследовала протяженность переживания самой жизни. Белизна предполагалась таким образом как прямой аналог длящейся паузы, напряженного молчания. Не случайно Джон Кейдж видел в «Белой живописи» эквивалент собственной композиции «4'33"» — композиции тишины и охотно в этом признавал первенство Раушенберга: «Белая живопись была первой, мое тихое произведение — после» [Саде, 1961: 99].

Активность партиципации зрителя «заложена» и в более поздней композиции «"Broadcast" (1959), где аудиальный компонент весом уже слишком явно и никак не меньше, чем визуальный. Стремясь расширить рамки эстетического восприятия визуального объекта искусства, «подключить» (в том числе вполне буквально!) смешанный регистр восприятия, Раушенберг исследует соотношение актов слышания и смотрения. Звук — важнейший агент смещения фокуса зрительского внимания. Он, в частности, позволяет управлять движением аудитории в выставочном пространстве. Для Раушенберга также было крайне важно, чтобы в картине присутствовало именно радио, не записанные заранее звуковые дорожки (в противном случае, считал он, это было бы «ненастоящее», коммерческое искусство). Концептуальный центр композиции "Broadcast" — непредсказуемость, спонтанность не только движения аудитории, но и радиозвучания, включая неизбежные шумовые помехи. «Я люблю звук свежий как грязь и пыль, осаждающиеся и аккумулирующиеся каждый день, — писал Раушенберг, — что вовсе не значит, что никто их не убирает, речь не об этом. Это ежедневное накопление в буквальном смысле настойчивое существование и действие произведения искусства в каждый момент времени наблюдения за ним. Это одна из вешей, помогающих отсрочить смерть произведения» [Cage, 1961: 991.

Звук радио становится таким же объектом на плоскости картины, как и объекты повседневности, которые Раушенберг помещает в свои

композиции (так называемое combines). Одновременное звучание нескольких ненастроенных каналов помещает на первый план не смысл сообщения, но сам медиум. Радио (объект повседневности) и звуковой мусор, от которого человек обычно стремится избавиться, эстетизируются, а картина активирует непривычный для живописи аудиальный режим восприятия и воображения. Медленное, пристальное разглядывание ее оказывается сродни слушанию, вслушиванию. Стремясь в живописи к максимальной непосредственности и динамике, Раушенберг идет к своей цели двумя путями. С одной стороны (в «Белой живописи»), регистрируются потоки активности в качестве света и тени, падающих на поверхность картины. С другой стороны (в композиции "Broadcast"), включенный в картину звук по-прустовски окрашивает время, делая его доступным восприятию. Слушание картины и тем самым времени становится новым модусом восприятия объекта искусства.

Слушание прозы

В одно время с реализацией «импульса к устности» в проективной поэзии Олсона и звуковыми экспериментами Кейджа и Раушенберга, Ален Роб-Грийе создает свой первый известный роман «Резинки» (1953), обозначая в нем сходное направление поиска и предвосхищая более плотное взаимодействие с американцами на страницах журнала "Tel Quel" в 1960-х годах.

Примат визуальности — общее место, «устоявшееся» в критических исследованиях школы Нового романа (отсюда второе ее название — «школа взгляда»). Этот подход обнаруживает, однако, и свою ограниченность. То, что из сферы критического анализа исключены эксперименты неороманистов по передаче звука и звучащей речи литературными средствами — пробел в теоретическом осмыслении наследия школы Нового романа [Choe, 1996].

На наш взгляд, рассмотрение звукового пространства романа «Резинки» представляется продуктивным в свете теории, развиваемой самим Роб-Грийе в сборнике эссе «За новый роман». Провозглашая отказ от традиционного гуманизма, от «идеи трагедии и от любой другой идеи, ведущей к вере в глубинную — и высшую — природу человека или вещей (и обоих вместе)», Роб-Грийе утверждает, что главное из внешних чувств для него — зрение, «взгляд, в особенности взгляд, сосредоточенный на контурах (в большей степени, чем на цветах, яркости или прозрачности)», поскольку именно «зрительное описание легче всего фиксирует дистанции: взгляд... оставляет каждый предмет на месте» [Роб-Грийе, 2005: 562]. Однако тут же он предупреждает, что сосредоточенность на зрительном аспекте

восприятия таит в себе опасность: «Останавливаясь неожиданно на какой-то подробности, взгляд изолирует, изымает ее, хочет вынести ее на передний план. <...> Или же созерцание становится настолько пристальным, что все начинает колебаться, шевелиться, расплываться — и начинается «гипноз», а там и «тошнота» [Робгрийе, 2005: 562]. В такой ситуации новый интерес приобретает то, что традиционно давалось литературе хуже всего, а именно: «не столько изображение, сколько звуковой ряд [курсив мой. — J.P.] — голоса, шумы, атмосфера, музыка; особенно же — возможность воздействовать одновременно на два органа чувств — глаз и ухо» [Роб-Грийе, 2005: 490].

И в изображении, и в звуке Роб-Грийе привлекает возможность представить как объективный феномен грёзу, воспоминание, словом, «что-то из сферы воображения». Как он признается иронично в автобиографической части «Романесок», литература для него способ избавиться от ночных демонов, фантазий и воспоминаний, навязчивых порождений сознания. Вымысел в этом контексте имеет не меньше прав, чем реальное или память о реальном — и наделяется той же мерой непосредственности, спонтанности: «... я представляю себе все так четко с такой остротой, что мне становится все менее и менее понятным, в чем могла бы состоять разница, и я близок к тому, чтобы думать, что самое реальное — это то, что создало мое воображение» [Роб-Грийе, 2005: 40]. Передать работу воображения и памяти призваны «генераторы» реальности, которые бы непосредственно производили их — без утяжеления текста описаниями. Этот метод, направленный на максимальное сокращение запаздывания между романным текстом и читательским воображением, определяет поэтику прозы Роб-Грийе, в частности, таких романов, как «Ревность» и «Резинки». Использование звуковых «генераторов» реальности, апеллирующих к звуковому воображению читателя, сообщает тексту качество «партитурности» и приближает опыт чтения к практически полноценному аудиовизуальному переживанию мира.

Разберем фрагмент романа, в котором выразительно представлены эти особенности моделирования звукового ландшафта:

Une immense voix remplit le hall. Tombée de haut-parleurs invisibles, elle vient frapper de tous les côtés contre les murs chargés d'avis et de placards publicitaires, qui l'amplifient encore, la répercutent, la multiplient, la parent de tout un cortège d'échos plus ou moins décalés et de résonances, où le message primitif se perd — transformé en un gigantesque oracle, magnifique, indéchiffrable et terrifiant.

Aussi brusquement qu'il avait commencé, le vacarme s'arrête, laissant de nouveau la place à la rumeur inorganisée de la foule.

Des gens se hâtent dans tous les sens. Ils doivent avoir deviné — ou cru deviner — la signification de l'annonce, car l'agitation a redoublé. Au milieu

des mouvements réduits, dont chacun n'affecte qu'une très petite partie de la salle — entre un indicateur et un guichet, d'un tableau d'affichage à un kiosque — ou même des espaces plus incertains, animés çà et là de cheminements courbes, hésitants, discontinus, aléatoires — au milieu de cette masse grouillante, à peine coupée par instant, jusqu'alors, de quelque trajectoire moins épisodique, se font jour maintenant des courants notables; dans un angle a pris naissance une file indienne qui traverse tout le hall en une oblique décisive; plus loin, des volontés éparses se rassemblent en un faisceau de hélements et de pas rapides dont le flot se fraye un large passage, pour venir buter contre un des portillons de sortie; une femme gifle un petit garçon, un monsieur cherche fièvreusement dans ses nombreuses poches le billet qu'il vient d'acheter; de tous les côtés on crie, on traîne des valises, on se dépêche. <...> De nouveau le grésillement précurseur se fait entendre et d'un seul coup la salle entière retentit du roulement de la voix divine. C'est une voix claire et forte ; il faut l'écouter avec attention pour s'apercevoir qu'on ne comprend pas ce qu'elle dit.

Ce dernier message est plus bref que le précédent. Il n'est suivi d'aucun changement appréciable parmi la foule. Le docteur Juard, qui s'était immobilisé, se remet en marche vers la rangée des cabines téléphoniques.

Mais ces paroles qui ne semblent pas avoir atteint leur but, lui laissent une vague sensation d'inconfort. Si l'avertissement ne s'adressait pas aux voyageurs, peut-être était-ce lui que cela concernait: "On demande le docteur Juard au téléphone." Il n'imaginait pas qu'il pût être appelé par une voix si monstrueuse. Et, à la réflexion, il est en effet peu probable que les haut-parleurs officiels de la gare se chargent, entre les départs des trains, de transmettre les conversations personnelles.

Arrivé une fois de plus devant la rangée des cabines, le petit docteur constate que celles-ci ne portent pas de numéros permettant de les distinguer et que, par conséquent, la voix n'aurait pas pu préciser à quel appareil il devait répondre. Il faudrait maintenant qu'il décroche tous les récepteurs l'un après l'autre... Cela ne présente pas de difficulté insurmontable, et si un employé venait lui demander raison de sa conduite, il expliquerait qu'on ne lui a pas dit lequel de ces téléphones l'appelait. Rien de plus naturel, en somme. Malheureusement il risque d'intercepter d'autres communications et de se voir ainsi mêlé à quelque nouveau drame, comme si la situation où il se débat n'était pas déjà assez compliquée. Il repense au jour néfaste où il a fait connaissance avec l'autre, à la suite d'une erreur du même genre : il avait composé un mauvais numéro et aussitôt les événements se sont enchaînés de façon si rapide qu'il n'a pas su se dégager; de fil en aiguille, il a fini par accepter de... [Robbe-Grillet, 1953: 127].

«Спрятанные» источники звука присутствуют здесь в самом нарративе. Мы имеем дело с «необъятным голосом», о происхождении которого только делается предположение, основанное на опыте: речь идет о «невидимых громкоговорителях», которых, принимая во внимание фантастическую силу голоса, может и не быть вовсе. Голос в этой сцене становится генератором звукового события, раз-

ворачивающегося в пространстве воображения читателя: соответствующий звук он (читатель) воссоздает, опираясь на собственную память о сообщениях по громкоговорителю в вокзальных залах ожидания. Голос, натыкаясь на увешанные разными плакатами стены и усиливаясь, трансформируясь в зависимости от удаленности стен, одновременно и открывает пространство уху (персонажа и читателя), и создает это пространство за счет реверберации различной силы. У каждого читателя романа возникает свой внутренний звуковой ландшафт («саундскейп»): его генерируют память, воображение и глагольные (глагол, в отличие от остальных частей речи, ответственен в полной мере за передачу движения, а значит и процесса генерации) конструкции текста-партитуры.

Звуки у Роб-Гриийе не метафоричны, освобождены от семиотических напластований, и именно поэтому не предстают нам как статичные, фиксированные явления, а развертываются как динамические события. Смысл «первоначального сообщения» не случайно стирается, перестает казаться важным. Речь и иконические звуковые сигналы — непродуктивные и неинтересные в этом контексте феномены культуры. Интереснее, напротив, шум, равный тишине (как невозможность и нежелание говорить) и служащий потенциальным источником новых смыслов. Напряженное вслушивание, построение теорий о происхождении звука, его возможном смысле или адресате (как это происходит с Доктором Жюаром) — единственно осмысленное действие.

Зал ожидания — полость, «орган-ревербератор», вроде специальных пространств и сосудов, которые использовались для улучшения акустики в театрах и церквях в древности. Слой «неорганизованного шума», возникающий в этом пространстве, создает эффект лакунарности, важный для Роб-Грийе. Это пространство состоит из потоков и ритмов; в нем есть и «следы» ритмов, их синкопированные обрывки. Звуки переднего плана получают большую выразительность на фоне тишины или белого шума. Работа по их творческому «взаимоналожению» осуществляется в воображении читателя.

«Загадочному» и «наводящему ужас» голосу, источник которого скрыт, присваивается статус божественного, «оракула», чья функция моментально снижается тем, что сообщение невозможно понять. Однако это не мешает голосу структурировать толпу, сообщая ее движению некоторую осмысленность. Контакт с божественным голосом буквализируется, принимая вид разговора по телефону. В «Резинках» голос по ту сторону провода неотличим от голоса писателя, который налагает структуру на нарратив и вовлекает своих персонажей во все новые и новые «драмы» и «лавины» событий: "il risque d'intercepter d'autres communications et de se voir ainsi mêlé à quelque nouveau drame".

Романный нарратив предстает скрытым «саундскейпом», который является предельно субъективным, как субъективно воображение каждого читателя, но также и предельно объективным («вещизм» Роб-Грийе, формульность диалогов и описаний звуков апеллирует к общим местам культуры, вещам и звукам повседневности). Аудиальное расширение романа происходит в поле читательского воображения. В принципе, оно доступно каждому, открывшему эту книгу, которая есть уже не слово о звуке, но сам звук, который генерируется при помощи аудиальной памяти/воображения.

В свете опытов Роб-Грийе со звуковыми генераторами реальности по-новому могут быть поняты эстетические эксперименты Олсона и Раушенберга. Партитурный текст Олсона, открывающий доступ к миру Другого и позволяющий постигнуть объективные ритмы бытия, «динамические» полотна Раушенберга, заигрывающие с пространственным восприятием аудитории, — предлагают благодатную почву для произрастания феноменологического звукового модуса интерпретации их произведений. Объекты искусства, создававшиеся этими очень разными художниками, предстают как «возможные миры звука», в которые зритель / читатель-слушатель «входит», одновременно и создавая их в процессе перцепции.

Список литературы

Олсон Ч. Проективный стих // Hoвое литературное обозрение. 2010. № 105. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/ol27.html [дата обращения: 03.03.2018].

Роб-Грийе А. Романески. М., 2005.

Элиот Т.С. Мэтью Арнольд // Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев, 1996.

Buse P. Tel Quel in Manhattan: America and the French avantgarde 1960—82. Manchester, 2005. URL: http://usir.salford.ac.uk/1511/ [Accessed: 03.03.2018].

Cage J. Silence: Lectures and Writings. Middletown, 1961.

Choe A.-Y. Le voyeur à l'écoute. Paris, 1996.

Creeley R. The Collected Poems of Robert Creeley, 1945–1975. Berkeley, CA, 1982.

Davidson M. Ghostlier Demarcations: Modern Poetry and the Material Word. Berkeley and Los Angeles, CA, 1997.

Kostelanetz R. The Theatre of Mixed Means: An Introduction to Happenings, Kinetic Environments, and Other Mixed-Means Performances. New York, 1968.

Robbe-Grillet A. Les Gommes. Paris, 1953.

Rose B. An Interview with Robert Rauschenberg // Rose B. Rauschenberg. New York, 1987.

Ludmila A. Razgulina

"LITERALIZATION" OF THE AUDITORY IMAGINATION IN THE AVANT-GARDE TEXT: CHARLES OLSON, ROBERT RAUSCHENBERG, ALAIN ROBBE-GRILLET

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

In this article the author discusses the experience of working with a word, a sound and an image of an avant-garde poet Charles Olson, Robert Rauschenberg, a painter, and Alain Robbe-Grillet, a novelist. The sonic and spatial-dynamic experiment of these artists reveals a common orientation and is interpreted with reliance on the category of the auditory imagination. In the article we are going to answer the following questions: what is the cause of the tension between the sound heard and the sound imagined, between the modality of perception and the modality of the imagination? In which way are the sonic ideas of Charles Olson, the artist Robert Rauschenberg, the novelist Alain Robbe-Grillet similar and different? What is the impact of their experience in providing direct transmission of the effects of hearing and acts of listening? The article consists of three main parts, introduction and conclusion. In the first part, the poetic experiment of Charles Olson is considered in the light of his theory of projective verse, which gives priority to the poetic text as a score for reading out. In the second part, the sonic aspect of the work of Robert Rauschenberg is analyzed. In the third part, an interpretation of the novelistic work of Alain Robbe-Grillet (based on the novel "The Erasers") is proposed as an auditory-centric one, as opposed to the established perception of Robbe-Grillet as an exclusively "visual" writer. On the basis of the main part of the article, it is concluded that in the light of Robbe-Grillet's experiments with "sonic generators" of reality, the aesthetic experiments of Olson and Rauschenberg can be understood in a new way. Olson's score, opening access to the world of the Other and allowing to comprehend the objective rhythms of being. Rauschenberg's "dynamic" paintings, flirting with the spatial perception of the audience, offer fertile ground for the sonic-phenomenological mode of interpretation of their works. The objects of art created by these very different artists appear as "sonic possible worlds" which the viewer / reader-listener "enters", simultaneously creating them in the process of perception.

Key words: Charles Olson; Robert Rauschenberg; Alain Robbe-Grillet; auditory imagination; score; projectivism; listening; rhythm; sound; voice.

About the author: *Ludmila A. Razgulina* — PhD Student, Lomonosov Moscow State University, School of Philology, Department of Foreign Literature (e-mail: lurazgulina@mail.ru).

References

Olson Ch. Projektivnyj stikh [Projective verse]. *Novoje literaturnoje obozrenije* [The New Literary Observer], 2010, № 105. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/ol27.html [Accessed: 03.03.18]. (in Russ.)

- Robbe-Grillet A. *Romaneski* [Romanesques], M., 2005, 622 p. (in Russ.)
- Eliot T.S. Metju Arnold [Matthew Arnold]. *Naznachenije poezii. Statji o literaturje* [The Use of Poetry. Articles on Literature]. Kyiv, 1996, 196 p. (In Russ.)
- Buse P. *Tel Quel in Manhattan: America and the French avantgarde 1960–82*. Manchester, 2005. URL: http://usir.salford.ac.uk/1511/ [Accessed: 03.03.18].
- Cage J. Silence: Lectures and Writings. Middletown, 1961, 289 p.
- Choe A.-Y. Le voyeur à l'écoute. Paris, 1996, 215 p.
- Creeley R. *The Collected Poems of Robert Creeley*, 1945–1975. Berkeley, 1982, 660 p.
- Davidson M. *Ghostlier Demarcations: Modern Poetry and the Material Word.* Berkeley and Los Angeles, CA, 1997, 286 p.
- Kostelanetz R. The Theatre of Mixed Means: An Introduction to Happenings, Kinetic Environments, and Other Mixed-Means Performances. New York, 1968, 340 p.
- Robbe-Grillet A. Les Gommes. Paris, 1953, 163 p.
- Rose B. An Interview with Robert Rauschenberg. Rose B. *Rauschenberg*. New York, 1987, 245 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л.Л. Чавчанилзе

Рецензия на кн.: ВЕНЕДИКТОВА Т. ЛИТЕРАТУРА КАК ОПЫТ, ИЛИ «БУРЖУАЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В рецензии рассматривается концепция недавно вышедшей книги Т. Венедиктовой о связи между социальным и эстетическим в литературном произведении. Отмечается, что ее замысел соотносится с новейшими эстетическими и социологическими теориями западной гуманитарной науки, — они часто используются автором как опора в аргументации, при безупречной исследовательской самостоятельности. Подчеркивается важность выбранного подхода к проблематике и концептуального ядра исследования: отношения между писателем и его читателем в контексте буржуазной, или «современной» (modern) буржуазной культуры, которые Т. Венедиктова определяет словом «обмен». Уподобление эстетической связи обмену торговому, доминирующему в пространстве буржуазного социума, вызывает возражение: та же взаимная заинтересованность читателя и писателя очевидна в сфере культуры, которую трудно назвать буржуазной. Бесспорно перспективна представленная в исследовании трактовка целого ряда тем в их двойственности — как социологических и одновременно литературоведческих, что предполагает не пренебрежение эстетическим, а новые возможности его измерения.

Ключевые слова: социальное; эстетическое; буржуазность; опыт; культура; писатель; читатель.

Уже по подзаголовку недавно вышедшей книги Т. Венедиктовой можно понять, что это литературоведческое исследование с социологическим уклоном. В кратком авторском предисловии сообщается, что книга задумана в плане новейших эстетических и социологических теорий, рассматривающих «эстетическое как разновидность социального, а социальное — во внутренней связи с чувственно-эстетическим» [Венедиктова, 2018: 5]. Из приводимого списка имен очевидно, что в работе использованы и теории

Чавчанидзе Джульетта Леоновна — доктор филологических наук, профессор филологического факультетата МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: juchav@mail.ru).

современных гуманитариев, большей частью зарубежных, и учения прошлого, эстетические и социологические.

Частые ссылки на авторитетные суждения не уменьшают степени самостоятельности собственных соображений Т. Венедиктовой. Выбранный ею материал не только досконально изучен, но и прочувствован, что всегда придает новый поворот даже широко известному. Хотя проблематикой западной литературы второй половины XIX в., когда в Европе окончательно утвердилась буржуазная идеология, российская наука занималась немало, предлагаемый в книге исследовательский подход может дополнить осмысление каждой из проблем, взятой в отдельности.

Отмечая, что вопрос о самом понятии «буржуазность» не исчерпан, Т. Венедиктова обращает внимание на его нынешнюю актуальность в нашей стране: «фигура "буржуа", оставленная мерзнуть на питерском перекрестке сто лет тому назад, вновь объявилась на авансцене нашей культурной истории» [там же: 11], как бы доказывая свою устойчивость посреди исторических потрясений. Удачное определение российской судьбы социального типа, утвердившегося в культуре Запада еще до достижения социального первенства и не занявшего места в русской культуре, побуждает задуматься, насколько он войлет в нее в дальнейшем.

Центральной темой исследования представляется освещение отношений между писателем и читающей публикой в развитом буржуазном обществе. Анализируя эти отношения, исследовательница прибегает к понятию об *опыте* — о корректировании индивидуального, субъективного мышления эмпирическими фактами. При этом учитываются истолкования опыта и до XIX в. У Локка опыт — проверка, производимая разумом, уточнением или развенчанием иллюзорности, органически заложенной в человеческом сознании. Гадамер усматривал в «негативности» опыта замену заблуждения знанием; в следующем столетии Бальзак убедительно показал, что в буржуазной атмосфере трудно отличить иллюзорное от не иллюзорного, заблуждение от истины.

В основе литературного произведения Т. Венедиктова видит стремление пишущего поделиться своим опытом с «другим», читающим, «другой» же реагирует на предложенное ему в свете *своего* опыта и «рядит», как говорил Бальзак, автора «в свои фантазии, наделяет собственными пороками и достоинствами…» [Венедиктова, 2018: 53]. Возникает некое «равенство» двух сторон, которое исследовательница уподобляет буржуазному торговому обмену, происходящему и в социальном масштабе: действительность, бесспорно направляющая каждую отдельную жизнь, сама держится благодаря эгоистической активности буржуазного начала. Аналогична взаимозависимость

писателя и читателя, «завершающего» произведение *в личном* понимании, — первый не существует без второго.

Таким образом, затрагивается вопрос, насколько допустимо в писательской передаче жизненного опыта воображение. Возникший в первые десятилетия XIX в. как один из дискуссионных, этот вопрос возобновлялся и на других литературных этапах и чаще всего получал ответ, что именно творческому воображению дано воздействовать на человека эстемически. В книге Т. Венедиктовой это сопровождается указанием на языковой фундамент произведения, на образность, метафоричность лексики, передающей авторскую фантазию, что читатель воспринимает опять-таки по-своему — как послание или как вызов автора. Индивидуальная реакция на «нестандартность» литературного языка в сравнении с повседневно-обиходным — один из моментов, разделяющих читателей в глазах автора на своих и чужих. Особое внимание уделяется метафоре, которая «в своем воздействии... расщепляет, индивидуализирует аудиторию, порождая число значений, равновеликое количеству адресатов» [там же: 80]. В силу ее смысловой безграничности метафора нередко перерастает в обобщение, в «прописную истину», а по функции таковой в реальной жизни приобретает «принуждающую силу идеологемы» [там же: 79]. Немаловажно сделанное здесь же замечание, что уже на рубеже XVIII—XIX вв. рожденное эстетическим воображением само по себе способствовало индивидуальному восприятию даже «прописной истины» — в отличие от религиозного и мифологического.

Т. Венедиктова не раз подчеркивает, что буржуазный читатель и писатель — представители одного и того же социального сообщества, в котором возникает настроение отдельного человека. Анализируя роман «Госпожа Бовари», исследовательница останавливается на слове «мы», предваряющем повествование от *тетеве* лица: оно должно напоминать каждому, что и он в свое время находился «на полпути между детской наивностью и трафаретностью взрослого сознания» [там же: 224]. Такое истолкование этого авторского приема напрямую совпадает с известными словами самого Флобера: «Эмма Бовари — это я» [Флобер, 1933: 372].

Приводимые Т. Венедиктовой наблюдения и выводы, как самостоятельные, так и заимствованные ею соответственно собственному замыслу, вызывают одно возражение. Создается впечатление, что социологические корни эстетического мышления, питающие и творческое воображение, и его преломление у читателя, отличают культуру буржуазного исторического времени. Между тем подобное можно найти и в культуре, не затронутой «буржуазностью», и в этом отношении границы таковой установить не просто.

Прежде всего — это тот же «обмен» между автором и читателем. Автор редко не нуждался в обмене, еще более схожем с торговым, — в

материальной компенсации. Куртуазный поэт вознаграждался непосредственно своими слушателями, в рыцарской среде, из которой происходил сам, в Новое время такой обмен стал осуществляться через посредника — книгопродавца («Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Если же называть обменом читательское «завершение» литературного сочинения, то его мог исключать только ранний романтизм. По поводу упреков немецким писателям, что они пишут для себя, а не для публики, А.В. Шлегель высказался с риторическим недоумением: «Кто же в конце концов эта публика?» [Литературная теория немецкого романтизма, 1934: 169]. Но уже Гофман, поздний романтик, тоже до конца различавший среди, так сказать, потребителей искусства «музыкантов» и «не-музыкантов», в рамочном оформлении цикла «Серапионовы братья» заявил о необходимости предоставить читателю «пуститься в свой полет» [Гофман, 1991–2000: т. 4, 370] — по-своему переосмыслить прочитанное. Он считал это высшей оценкой автору, даже если читатель «наряжает» его «в свои фантазии», оказывается «чужим», что вполне возможно. У Пушкина в «Евгении Онегине» предполагаемый автором читатель присутствует рядом с ним постоянно, только здесь частое «мы», «мой читатель» обманчиво: просто имеется в виду человек из образованного круга, к которому принадлежат и сам автор, и его герой. На самом деле для Пушкина-поэта его читатели делятся на «своих» и «чужих» весьма отчетливо: последние будут не способны понять личность героя («...посредственность одна / Нам по плечу и не странна»), а автора станут наделять своими собственными достоинствами и недостатками («Но я уже предвижу толки, / Что намарал я свой портрет...»). И тем не менее оборванностью повествования, неопределенностью дальнейшей судьбы героя читателю той и другой категории («Кто б ни был ты, о мой читатель...») одинаково предоставлено «пуститься в свой полет» — по-своему закончить рассказанную автором историю. Такая десакрализация творчества, по сути, означала и у позднего Гофмана, и у Пушкина признание того же обмена опытом между двумя действующими лицами литературной жизни, того же их равенства, только в русле культуры, вовсе не буржуазной.

В аспекте «автор — герой — читатель» исследовательница касается ряда тем, восходящих к социологии, таких, как превращение читателя в потребителя или места библиотекаря и книгопродавца (кстати, вопрос, болезненный для автора не только в буржуазной действительности, если опять-таки вспомнить цитированный выше пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом»). Некоторые темы могут рассматриваться и как историко-литературные, и как социологические, например, особое внимание женщин-читательниц к

деталям в сочинениях Бальзака или отличие романа от мифа, сказки, даже новеллы по месту, отводимому в его сюжете социальному, о передаче социального детективным элементом у Э. По и Конан-Дойла. Каждая из этих тем может иметь особую научную разработку.

При этом чисто филологическое не отступает в книге на задний план. Часть II содержит размышления о «прозаизации» поэзии, об обращении поэта к жанру стихотворения в прозе, об «опрощении» художественного языка по мере сближения поэзии с реальной жизнью (Бодлер, Уитмен). В части III получает насышенную жанровую характеристику социальный роман, где автор «создает иллюзию прямой референции к вещам, лицам, ситуациям — и в то же время создает эстетическую интригу, исключительно требовательную к читателю» [Венедиктова, 2018: 169].

Книга Т. Венедиктовой адресована и специалистам, и, по словам автора, «вольным любителям» [там же: 6]. Действительно, в ней аналитичность профессионального литературоведческого мышления передана языком по-современному научным и одновременно сдержанно-эмоциональным, который поможет и непрофессионалу освоить суть серьезного научного исследования.

Список литературы

Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М., 2018.

Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1991–2000. Литературная теория немецкого романтизма. М., 1934.

Флобер Г. Письма. М., 1933.

Julietta L. Chavchanidze

Book review: VENEDIKTOVA, T. LITERATURE AS EXPERIENCE,

OR THE "BOURGEOIS READER" AS A CULTURAL HERO.

Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

T. Venediktova's recent book and the vision it offers of the interrelationship between the social and the aesthetic are reviewed favorably, but not without polemics. Although Venediktova's central argument relies heavily on recent aesthetic and sociological theories developed in the West, it is also original and self-sustaining, focusing on "exchange" as defining the relationship between writers and readers in a bourgeois or "modern" cultural economy. This analogy between the aesthetic and the market may be questioned, insofar as writers and readers' mutual interests are hardly an exclusive feature of the bourgeois culture alone. Yet, at the same time, Venediktova's book advances a productive double perspective: the literary dimension of analysis implies social and cultural dimension, which — rather than denying — open new paths for the rediscovery of the aesthetic.

Key words: sociality; aesthetics; bourgeois; experience; culture; author; reader.

About the author: *Julietta L. Chavchanidze* — Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: juchav@mail.ru).

References

Venediktova T. Literatura kak opyt, ili "Burzhuaznyj chitatel'" kak kul'turnyj geroj. M., 2018.

Hoffmann E.T.A. Sobranie sochinenij v shesti tomah. T. 4. M., 1991–2000. Literaturnaja teorija nemeckogo romantizma. M., 1934. Flaubert G. Pis'ma. M., 1933.

Н.Н. Мазур

Рецензия на кн.: ШЕЛЯ А. «РУССКАЯ ПЕСНЯ»

В ЛИТЕРАТУРЕ 1800-1840-х гг.

Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2018. 268 с.

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего уровня «Европейский университет в Санкт-Петербурге» 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1A

Эволюция жанра «русской песни» (литературных стилизаций народных песен), описанная в книге Артема Шели, в рецензии рассмотрена с точки зрения социальной истории литературы и культурной истории идеологии.

Ключевые слова: литературные стилизации фольклора; национальная идеология; концепции универсального и органического гения; литературная репутация и литературная стратегия романтических поэтов-песенников.

В монографии Артема Шели рассматривается, возможно, самый насыщенный и интересный этап в истории микрожанра «русской песни». Изучение подражаний народной песне, созданных профессиональными литераторами, важно далеко не только с точки зрения истории жанров. Гибридный характер этого микрожанра и его отчетливые социальные коннотации позволили автору рецензируемой монографии раскрыть массу интересных сторон в истории литературы и культуры того времени.

Во введении автор кратко, но емко описал европейский контекст, в рамках которого сформировалась традиция имитации народной поэзии. Вначале возник эмоционально окрашенный интерес к историческому прошлому, требовавший непосредственного контакта с памятниками (и по возможности их собирания); отличительной чертой этого широко распространившегося в XVIII в. интереса, который с легкой руки Аральдо Момильяно получил название "antiquarianism", было то, что он захватил главным образом любителей, а не профессиональных ученых. В России XVIII в. в сферу интереса «любителей отечественных древностей» фольклорные песни попали наравне с их имитациями: первые собрания русских песен В.Ф. Трутовского (1776—1795), М.Д. Чулкова (1780) и Н.А. Львова и И.-Г. Прача (1790) наряду с оригинальными народными песнями включали песни авторского сочинения. Эта традиция сохранилась

Мазур Наталия Николаевна — канд. филол. наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (e-mail: nmazur@eu.spb.ru).

и в XIX в. и сыграла свою роль в практиках распространения «русской песни»: в первой главе книги А. Шеля убедительно показывает, что быстрое превращение авторских песен в «общее достояние» объяснялось не только и не столько корыстолюбием составителей песенников, сколько самой природой этого гибридного жанра.

Важнейшим интеллектуальным контекстом, обусловившим появление литературных стилизаций фольклора, А. Шеля справедливо называет идеи И.-Г. Гердера; этот немецкий философ первым предложил видеть в фольклоре источник национального своеобразия всякой литературы — взгляд, который стал неотъемлемой частью романтического национализма. Со своей стороны добавим, что составленные Гердером сборники «Народные песни» (Volkslieder, 1778—1779) и «Голоса народов в песнях» (Stimmen der Völker in Lidern) содержали переводы песен разных народов и оригинальные стихотворения самого Гердера, И.-Ф. Гёте и М. Клаудиуса. Включение в собрание Гердера литературных песен и в особенности произведений Гёте связывало его литературный проект с идеей универсального гения-Протея, способного проникнуть в дух разных народов и разных сословий. Эта предромантическая концепция гения в собственно романтической эстетике трансформируется в «романтический этнографизм», аналогичный «романтическому историзму». Примером поэта-песенника, успешно реализовавшего такую модель, может быть В. Мюллер: на рубеже 1810—1820-х годов он попробовал свои силы и в исторической стилизации (сборник «Цветы миннезингеров»), и в создании песен от лица различных социальных типов (сборник «Стихотворения из бумаг странствующего валторниста», включавший прославленные Ф. Шубертом циклы «Зимний путь» и «Прекрасная мельничиха»), и в филэллинистическом проекте: Мюллер перевел на немецкий песни клефтов, собранные Клодом Фориэлем. Русская романтическая поэзия проникнута этими же настроениями и изобилует примерами этнографических опытов в песенном роде — от песни Земфиры до «гишпанского романса» А.С. Пушкина, от ориентированных на немецкую традицию «Застольной песни» А.А. Дельвига и студенческих песен Н.М. Языкова до «Песни грека» Д.В. Веневитинова и «Цыганской венгерки» А.А. Григорьева, не говоря уже о многочисленных подражаниях славянским песням — малороссийским, сербским, богемским и т.д. «Любовь к отечественным древностям» и эстетика универсального гения, соединившаяся с «романтическим этнографизмом», и создавали тот контекст, в котором развивался жанр «русской песни» и формировались литературные репутации ее создателей.

Неоспоримым достоинством этой книги является разнообразие методов, примененных автором для анализа «русской песни»: от

наиболее традиционных (биографический и психологический метод) до социальной истории литературы и новейших квантитативных подходов к обработке больших массивов данных. Постоянное движение между микро- и макроуровнем позволяет рассмотреть материал с разных точек эрения. Так, в первой главе «Национальные "безделки" и солдатские "оды": "русская песня" 1800—1810-х гг.» использовано оригинальное сочетание приема case study (детальный анализ обстоятельств создания и обнародования русских песен А.Ф. Мерзлякова) с обзорным очерком роли русской песни в Отечественной войне 1812 года. Выбор исследовательской оптики кажется нам вполне обоснованным: случай Мерзлякова, писавшего свои песни в тесном сотрудничестве с композитором Д.Н. Кашиным и популярной актрисой и певицей Е.С. Сандуновой, важен для понимания особенностей распространения жанра (А. Шеля показывает, как исполнение песен на театральной сцене способствовало их мгновенной популярности), а патриотической продукции, созданной в период войны с Наполеоном, посвящено немало содержательных исследований. Наблюдения А. Шели подтверждают сложившееся в последние десятилетия представление о том, что прагматика стилизаций фольклора (как и публикация находок «любителей древностей») зачастую диктовалась правительственной или антиправительственной идеологией: «изобретенные традиции» использовались как историческое подтверждение тех или иных политических претензий. Агитационные песни 1812 г. утверждали патриархальную модель «надсословного единства» вокруг фигуры царя-отца, а «русские песни» декабристов, которые, на наш взгляд, также стоит включить в жанр «русской песни», были нацелены на то, чтобы эту модель разрушить.

Во второй главе «Истоки и формирование "русской песни" 1820-х гг.» нас особенно заинтересовали размышления автора о культурных практиках, повлиявших на укрепление статуса «русской песни» как лирического стихотворения, в частности, его гипотеза о возможной связи одновременного обращения к этому жанру в начале 1820-х годов А.А. Дельвига, Е.А. Баратынского и О.М. Сомова с их участием в кружке С.Д. Пономаревой. Отдельно упомянем важную находку: как установил А. Шеля, «русская песня» Баратынского «Страшно воет, завывает ветр осенний» — это подражание популярнейшему французскому романсу А. Шорона «Часовой» ("La Sentinelle", 1806). Полностью поддерживая вывод автора о влиянии салонной культуры и практик домашнего музицирования на рост популярности «русской песни», уточним, однако, что если увлечение музыкально одаренной хозяйкой салона могло стимулировать единичные обращения к этому жанру Баратынского и Сомова, то случай Дельвига представляется нам более сложным. Дельвиг под-

ражал не только русским, но и немецким застольным песням (сугубо «мужской» жанр), а также экспериментировал с соединением элементов «простонародной» и античной культуры (идиллия «Отставной солдат»). Эти эксперименты укладываются в рамки модели универсального гения в ее позднем изводе: в эпоху распространения романтического этнографизма и распада жанровой системы статус песни, вообще, резко вырос, в ней стали видеть уже не стилизацию, а проникновение в дух народа (не так уж важно — своего или чужого). Во всяком случае, именно так Пушкин описывал Дельвига в эпиграмме «Кто, славянин молодой, грек духом, а родом германец». Такая гипотеза позволяет уточнить в целом совершенно справедливые наблюдения А. Шели о последствиях резкой критики «русских песен» Дельвига в «Московском Телеграфе» Н.А. и К.А. Полевых: настаивая на том, что немецкий барон не может писать «русские песни», братья Полевые в начале 1830-х годов готовили почву для появления русского извода романтической концепции природного или органического гения, которая будет противопоставлена концепции универсального гения и постепенно вытеснит ее.

Анализу литературных стратегий поэтов — выходцев из народа — посвящена третья глава «Поэты-самоучки 1820-х гг. как "английский" литературный проект». А. Шеля убедительно доказывает, что, советуя поэтам-самоучкам писать «сельские поэмы» по образцу Вергилия и идиллии в духе Геснера, их литературные патроны — профессиональные литераторы и журналисты П.П. Свиньин и Б.Ф. Федоров ориентировались на английский прецедент — «сельскую поэму» поэта-самоучки Роберта Блумфилда "The Farmer's Boy" (1800), в свое время имевшую огромный успех. Добавим, что Свиньин и Федоров следовали правилам классицистической эстетики, построенной на строгой иерархии жанров, вере в единый эстетический канон и недоверии к «природным формам» и «природным талантам». В 1820-е годы гарантированным пропуском в большую литературу для поэта-самоучки могли послужить только эпические жанры, занимавшие первое место в классицистической эстетике, а не «русская песня». Стремление к преодолению сословных границ, без которого невозможно создание «республики словесности», подтолкнуло к экспериментам с «русской песней» литераторов-дворян, но эти эксперименты подверглись ожесточенным нападкам критиков, происходивших из купеческого сословия. Вторая и третья главы диссертации многое добавляют к нашему пониманию отношений внутри «поля литературы», выражаясь социологическими терминами Пьера Бурдьё, и проясняют социальные конфликты, воспрепятствовавшие формированию модели «республики словесности» в русской литературной жизни 1830-х годов.

Острый сословный конфликт внутри русского литературного поля в начале 1830-х годов, получивший название полемики вокруг литературной аристократии, сформировал запрос на появление «народного поэта-песенника», который был бы выходцем из народа. В четвертой главе «А.В. Кольцов и становление "народного поэта"» автор показывает, что позволило Кольцову занять эту нишу после выхода первого сборника его стихотворений (1835), составленного В.Г. Белинским и Н.В. Станкевичем. Как и в случае с поэтамисамоучками 1820-х годов, литературную стратегию Кольцова формировали образованные наставники, учитывавшие европейские модели: ориентиром для Белинского и Станкевича послужила романтическая модель природного гения. Из множества литературных опытов Кольцова, пробовавшего свои силы в различных жанрах и подражавшего профессиональным поэтам, составители его первого сборника последовательно отбирали те тексты, в которых использовался фольклорный язык. Автор показывает, какое влияние на окончательное утверждение Кольцова в роли подлинного народного поэта оказала статья Белинского 1846 г., написанная после ранней смерти Кольцова. Критик удачно совместил биографические модели поэта-самородка и непонятого гения, умершего молодым, с романтической верой в единство жизни и творчества природного гения. Умелая работа с различными элементами романтической эстетики и игра с эмоциями читателя подводили к выводу о том, что «русские песни» Кольцова превосходят не только эксперименты в этом роде литераторов-дворян, но и собственно народные песни.

Пятая глава «Корпус "русской песни": количественные данные, лексические частоты и трансформации языка» представляет собой образцовый пример применения количественных методов к истории жанра. Трансформации фольклорного стиля в русской поэзии исследованы здесь с точки зрения метрики и лексики. Автор описал механизмы канонизации силлабо-тонических размеров для имитации народной песни в литературе и обнаружил как непосредственные источники некоторых размеров, так и их возможную связь с музыкальными образцами (так называемыми «голосами») «русских песен». Затем при помощи стилометрического анализа он выявил лексические сигналы «литературы» и «фольклора» в «русских песнях» и на этом основании реконструировал механизмы трансформации фольклорного языка в литературной лирике. Выяснилось, что основными инструментами стилизации послужили отказ от слоговых предлогов и союзов, уменьшение числа диминутивов, повышение частоты фольклорных («свет», «красный», «девица» и проч.) и квазифольклорных лексем («злодейка», «лютый», «ненаглядный», «солнышко», «пташка», «подруженька» и др.). Впечатляющая основательность выводов пятой главы объясняется тем, что количественному анализу был подвергнут собранный автором обширный корпус «русской песни» (более 600 примеров). Указатель к этому корпусу, опубликованный в качестве приложения к монографии, является ценнейшим источником для истории русской литературы.

Исследование А. Шели выходит за рамки традиционной истории жанров и собственно истории литературы. Оно многое добавляет к нашему пониманию разных сторон русской культуры первой половины XIX в. — пониманию того, как относились к народной культуре в кругах профессиональных литераторов и создателей национальной идеологии (два отчасти пересекающихся сообщества), какое место занимал фольклор и его стилизации в культурных практиках русского дворянства, как близость к народной культуре эксплуатировалась в идеологии надсословного единства, с одной стороны, и в борьбе с культурной гегемонией дворянства — с другой. Междисциплинарная открытость и методологическая гибкость всегда были отличительными особенностями лотмановской школы, достойным продолжателем которой и является Артем Шеля: он только что защитил эту монографию в качестве диссертации на степень доктора философии по русской литературе в Тартуском университете.

Nataliya N. Mazur

Book review: SHELYA, A. "THE RUSSIAN SONG" IN THE 1800–1840s LITERATURE. Tartu: Tartu University Press, 2018

Independent non-profit educational organization of higher education European University at St. Petersburg 6/1A, Gagarinskaya str., St. Petersburg, 191187

Evolution of the so-called "Russian song" genre or the imitations of folk songs by professional poets reconstructed by Artem Shelya in this review is considered in the context of social history of literature and cultural history of ideology.

Key words: literary imitations of folk-songs; theories of "universal" and "organic" literary genius; reputation and strategy of romantic bards.

About the author: *Nataliya N. Mazur* — PhD in Philology, Professor of the European University at St. Petersburg (e-mail: nmazur@eu.spb.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.К. Онипенко

ХРОНИКА XLIX ВИНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

В статье излагается содержание научных докладов, прозвучавших на очередных Виноградовских чтениях, которые организует филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. На чтениях выступили представители разных научных школ и разных поколений лингвистов. Обсуждались дискуссионные проблемы современной лингвистической науки. Основное внимание докладчики уделили грамматике: классификации частей речи; функциональному описанию падежей; взаимодействию грамматики и орфографии.

Ключевые слова: лингвистика; филология; история науки; грамматические категории; типология грамматик; неканонические подлежащие; объектный родительный.

17 января на филологическом факультете прошли XLIX Виноградовские чтения, на которых обсуждалась тема "Разногласия в лингвистической науке: история и современность (Уроки Виноградова)". Сформулированная таким образом тема чтений отсылает нас к первому параграфу книги В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», в котором идет речь о причинах «разногласий и блужданий» грамматической науки того времени. Эти причины В.В. Виноградов делил на два типа: те, которые связаны с объектом исследования (недостаточный объем исследуемого материала и отсутствие строгих принципов отбора материала), и те, которые относятся к теоретической базе исследования (незнание «лингвистического наследства» и отсутствие точных определений основных грамматических понятий). В.В. Виноградов считал обязательными для лингвиста следующие требованиями: (1) отбирать материал так, чтобы он не был «случайным, бедным и однообразным»; (2) учитывать «светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием»; (3) раскрывать «содержание тех грамматических понятий, которые лингвист кладет в

Онипенко Надежда Константиновна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Институт русского языка РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

основу своего построения». Невыполнение этих требований может привести к тому, что «грамматика превратится в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке».

Программу чтений открыла О.В. Кукушкина (МГУ), выступившая с докладом «В.В. Виноградов и спорные вопросы классификации частей речи», в котором высоко оценила принципы классификации частей речи, сформулированные и реализованные В.В. Виноградовым в книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)». Опора на идеи В.В. Виноградова помогает современной лингвистике решать дискуссионные проблемы русской морфологии. В основе виноградовской классификации частей речи не аналитическое разделение формы и значения, а синтез категориальной семантики лексем, их морфологических признаков и синтаксических свойств. Словообразование, не противопоставленное словоизменению и синтаксису, семантика, не противопоставленная грамматике, — вот тот фундамент, на котором построено описание частей речи в книге В.В. Виноградова. Развивая идеи своего учителя Л.В. Щербы, В.В. Виноградов разграничивает части речи, «частицы речи» и «категории слов». Докладчик, воспользовавшись знаменитой экспериментальной фразой о глокой куздре, предложила продолжить эксперимент Л.В. Шербы: изменяя позицию слова штеко в предложении, сконструированном Щербой, помещая это слово в другие синтаксические конструкции и предлагая замену реальными словами, О.В. Кукушкина доказала, что для частеречной интерпретации отадъективных дериватов на -о лингвист должен учитывать соотношение синтаксических функций слова в составе предложения и за его пределами с его (этого слова) лексической семантикой, а также степень синтаксической самостоятельности лексемы (словоформы) и возможность синонимических трансформаций. Такой подход актуален не только для системного грамматического описания, но и для компьютерной лингвистики.

А.Б. Летучий (ИРЯ РАН, ВШЭ) в докладе «Дискуссия о неканонических подлежащих и вопрос о сентенциальном подлежащем в русском языке» обратился к дискуссионным проблемам синтаксической науки и рассмотрел вопрос о факторах, влияющих на квалификацию компонента предложения как подлежащего. Докладчик говорил о двух подходах к решению проблемы русского подлежащего. Согласно первому подходу, основанному на приоритете морфологических признаков, подлежащее определяется по именительному падежу и контролю согласования (согласование сказуемого с подлежащим). При таком подходе у лингвистов возникает необходимость введения понятия «смыслового подлежащего», соотношение которого с грамматическим подлежащим не всегда очевидно. Термин «смысло-

вое подлежащее» (а также близкий к нему термин «семантический субъект») обозначает актант, обладающий набором семантических параметров, характерных для подлежащего, но не обладающий достаточным набором морфосинтаксических подлежащных свойств. Термин «смысловое подлежащее» (или «семантический субъект») применяется для случаев, когда определить подлежащее затруднительно; например, в конструкциях с предикативами (Мне неприятно там бывать) смысловым подлежащим считается дативный аргумент; как и в конструкциях с глаголами, имеющими объект-Экспериенцер: Мне нравится, что Вы больны не мной; Мне нравятся груши. Согласно второму подходу (возникшему в рамках типологической лингвистики), при определении подлежащего, кроме двух указанных признаков, учитываются еще четыре: контроль рефлексивных местоимений, контроль депиктивов (твор. п. в конструкции типа ходит голодным), выражение нулем в инфинитивных конструкциях, контроль деепричастий. Этот (многофакторный) подход и применялся докладчиком для доказательства подлежащного статуса сентенциальных актантов в сложноподчиненных предложениях типа Меня удивило, что Вася не приехал.

М.Ю. Сидорова (МГУ) продолжила тему «неканонических подлежащих». Ее доклад «Конструкции с локативным субъектом / распространителем в формальном, коммуникативно-функциональном и «соревновательном» синтаксисе» содержал развитие идей теории коммуникативной грамматики, которая, в свою очередь, является продолжением виноградовской лингвистической традиции, соединяющей системно-языковое описание и анализ текста. В докладе обсуждалась проблема определения синтаксического статуса локативных синтаксем: речь шла о возможности «локативных подлежащих» (термин, используемый в концепции коммуникативной грамматики). М.Ю. Сидорова на материале описательных текстов показала частотность предложений с локативным субъектом и необходимость определения функционального статуса локативных синтаксем в зависимости от различий в структуре моделей предложения. Используя принципы «соревновательной (кооперативной) модели» Б. Мак-Винни и Э. Бейтс, которая представляет восприятие высказывания как конкуренцию «ключей», маркирующих грамматические функции, М.Ю. Сидорова проанализировали предложения с локативными синтаксемами (В зале шум; шумели, В зале шумели зрители, В зале зрители, В зале оказались зрители). Если для синтаксиса английского предложения актуален один набор «ключей» (1. pre: предглагольная позиция; 2. agr: морфологические согласовательные категории глагола (контроль согласования); 3. init: позиция начала предложения; 4. nom: именительный падеж местоимения;

5. the: использование определенного артикля; 6. by: использование предлога "by" с именем агенса в пассивной конструкции; 7. раз: пассивная форма глагола), то для русского предложения с локативным компонентом этот набор «ключей» другой: 1) init-loc (локатив в препозиции); 2) non- agr-verb (нет глагола, согласующегося с существительным в роде/лице и числе); 3) non-pers (нет личного имени — существительного или местоимения); 4) praed (есть признаковое имя); 5) auth (есть авторизационный (фазисный) глагол); 6) stat (есть предикатив на -o); 7) perc (есть предикат «наблюдаемого проявления»). Ответ на вопрос, является ли локативная синтаксема подлежащим, решается по количеству и приоритету синтаксических характеристик. Использование модели «7 ключей» позволяет прийти к выводу, что проблему подлежащего надо решать применительно к конкретной конструкции с ее структурой и типовым значением, что статус локативных синтаксем в разных моделях разный и локативная синтаксема может быть квалифицирована как подлежащее в определенных типах русского предложения.

В докладе А.В. Малышевой (ИРЯ РАН) «Дискуссии вокруг объектного родительного» рассматривались причины разногласий при описании русского приглагольного объектного генитива как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Докладчица показала, что основные трудности у лингвистов возникают при описании соотношения (вариантности) двух падежей, маркирующих прямой объект при глаголе, — аккузатива и генитива. Если в современном русском литературном языке объектный винительный вытесняет объектный родительный, то в диалектах и в историческом синтаксисе картина иная. На более ранних этапах развития языка объектный родительный в неотрицательных конструкциях в русском и других славянских языках употреблялся гораздо свободнее. В работах по историческому синтаксису объектный генитив в случаях типа съмотряху гласа того, взяти града, побъдивъ же инъхъ странъ, аже кто оурветь бороды смолнянину соединяется с категорией количества: для его обозначения используются термины «родительный неполного объективирования», «родительный делимого целого» (В.И. Борковский, Т.П. Ломтев, В.Б. Крысько); при этом для многих контекстов не удается установить разницу в значении двух падежей (генитива и аккузатива) и приходится признавать их семантическими дублетами. В докладе была рассмотрена и другая точка зрения, согласно которой варьирование генитива и аккузатива в таких конструкциях обусловлено не субтантивно-падежной семантикой, а связано с «временным пересечением функционально-семантических полей» (С.А. Лутин, школа Г.П. Мельникова). Аккузатив и генитив, по мнению С.А. Лутина, обозначают объект глагольного воздействия, воспринимаемый с разных ракурсов: аккузатив маркирует объектный актант как потенциальное место фиксации результата события, а генитив — как субстанцию, лежащую вне сферы глагольного действия до его начала (т.е. показывает статус объекта до начала глагольного воздействия). Принимая во внимание обе точки зрения, А.В. Малышева сформулировала гипотезу о том, что выбор аккузатива или генитива в памятниках письменности является «актантным маркированием аспектуальных противопоставлений» (В.А. Плунгян), которое характерно, например, для финского и эстонского языков. Примеры подобного маркирования обнаруживаются также в современных севернорусских говорах. По мнению докладчицы, на этапах, предшествовавших оформлению современной категории вида, прямообъектные падежи могли маркировать разные фрагменты ситуации: аккузатив, «падеж полного охвата» (Дельбрюк) маркировал результирующую стадию, результативные и перфективные значения, а генитив, «падеж неполного охвата» — подготовительную стадию, значения, связанные с отсутствием результата (имперфективные, дуративные, хабитуальные). При том речь может идти лишь о тенденции, поскольку как в древне- и среднерусском языке, так и в современных говорах, объектный генитив является редкой, периферийной формой, основным падежом прямого объекта остается аккузатив, т.е. это маркирование в настоящее время не имеет характера строгой грамматической закономерности, как, например, в прибалтийско-финских языках.

История функционально-стилистического описания русского языка рассматривалась в докладе Л.Г. Чапаевой (МГГУ) «Соотношение субкодов русского языка в филологических исследованиях 1-й половины XIX в.». Субкоды, или коммуникативные разновидности (подсистемы) языка, в работах филологов первой половины XIX в. не обсуждались, поскольку еще не оформились границы между социальными субкодами. Соответственно, не были сформулированы критерии членения общенационального языка, не была сформирована терминология, в результате чего под одним и тем же понятием (например, просторечие) могло иметься в виду различное содержание. Иерархия субкодов в пределах общенационального русского языка стала проясняться к 1840-м годам, что и нашло отражение в филологических исследованиях того периода. Кроме Грамматики Н.И. Греча, субкоды русского языка в их иерархии описывались в «Предмете, методе и цели филологического изучения языка» Н.Т. Костыря (1848), ранних трудах Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского. И Срезневский, и Буслаев в иерархии субкодов родного языка на первое место ставят народный язык, который определяет формирование книжного языка и его изменения, а со-

отношение письменного и разговорного языков характеризуют как «период их возвратного сближения». В работах И.И. Срезневского русская языковая ситуация предстает как параллельная история двух языковых стихий — языка народного, живого и языка книжного, литературного. В их описании исторического развития ученый исходит из противопоставленности законов развития того и другого языка и описывает это развитие как их динамическое взаимодействие на разных исторических этапах. В заметке о составе Словаря церковнославянского и русского языка, впервые опубликованной в 1848 г., И.И. Срезневский выделил следующие языковые разновидности: «старый русский язык» (древнерусский); «язык церковных книг» (церковнославянский); «слова областные и вообще простонародные», «язык литературный». Срезневским был предложен и критерий разграничения «простонародного» языка и языка книжного — статично/динамичность системы: живой народный язык находится в постоянном изменении, а книжный стремится закрепить собственные нормы и правила употребления «в неподвижности».

В докладе Е.В. Бешенковой, О.Е. Ивановой (ИРЯ РАН) «Причины разногласий в современной русской орфографии» обсуждались трудности русской орфографической науки, возникающие применительно к тем грамматическим объектам, которые становятся предметом лингвистических дискуссий. Кроме того, орфография оказывается между грамматикой научной и наивной школьной лингвистикой, существующей в сознании носителей русского языка. Так, при принятии решения о грамматическом статусе той или иной единицы, например, как приставки или части сложного слова грамматисты могут использовать понятие суффиксоида для описания пограничных случаев. Лексикографы же и орфографисты вынуждены оперировать терминами, известными большинству носителей языка. Дискуссии в грамматике имеют непосредственное отношение к орфографии. Например, введение в русскую грамматику понятия неизменяемого прилагательного до сих пор является предметом лингвистической дискуссии, что находит отражение в словарях: разные словари расходятся в характеристике одного и того же слова, в одном словаре однотипным словам могут даваться разные пометы, многим словам приписывается двойная характеристика; например, нескл. и неизм. В некоторых случаях орфографисты не могут опереться на грамматические понятия и предлагают собственные грамматические обоснования правил. В качестве примера рассматривалось правило слитного/раздельного написания частицы не. В.В. Виноградов. участвуя в обсуждении проблем орфографии в 1964 г., писал об этом правиле так: «... различия в написаниях не радостный и нерадостный <...> полны тонких смысловых оттенков, которые далеко не всеми могут осознаваться и воспроизводиться». Для решения этой проблемы русисты последней трети XX в. (М.В. Панов) использовали понятие нейтрализации. Авторы доклада на основе проведенного исследования письменной речи выделили следующие синтаксические позиции, в которых происходит нейтрализация частицы не и приставки не-: в позициях фокуса ремы, в позиции темы, при предикатах с подчиненной предикацией. Позицией наибольшего различения остается — предикативная позиция, первичная для отрицания как особого речевого действия. Подводя итог, авторы доклада высказали мысль об «обратной связи» грамматики и орфографии, о том, что в настоящее время необходимо вернуться к рассмотрению письма как одной из форм реализации языка и учитывать факты письма в грамматических описаниях.

С.А. Крылов (ИВ РАН) завершил программу чтений докладом «Интегральная модель грамматики как средство снятия теоретических разногласий в грамматической науке о русском языке». Докладчик представил многообразие научных школ и концепций в русской грамматической науке и обосновал металингвистический подход как способ снятия противоречий в русской грамматической науке. Отличие металингвистического подхода от «традиционных» походов к лингвистическому описанию (грамматике и словарю) состоит в том, что предметом описания становится не сам данный язык как таковой, а его «описание» (= «модель»), т.е. «вторичный» лингвистический объект, созданный в результате сознательной рефлектирующей научной деятельности профессионального лингвиста (грамматиста или лексикографа). За триста лет существования русской грамматической традиции само количество русских грамматик значительно выросло. Чтобы лингвист мог мысленно охватить существующее ныне разнообразие русских грамматик, необходимо каждую из этих Русских грамматик (G_i) сделать предметом особого металингвистического описания. Иначе говоря, для каждой «первичной» грамматики G; должна быть создана особая «вторичная» метаграмматика $M(G_i)$, описывающая эту G_i . Метаграмматика $M(G_i)$ должна служить путеводителем по G_i . В эпоху «бумажных» грамматик роль $M(G_i)$ выполняли: комментарии к грамматическим трудам предшественников; предметные указатели разных типов; библиографические справочники по русской грамматике. Так, в книгах и статьях В.В. Виноградова обращают на себя внимание экскурсы в «историю вопроса», которые нужны читателю для того, чтобы он «посмотрел» на русский язык и увидел его не только «глазами» самого автора, но и «глазами» всей предшествующей традиции. Без теоретических экскурсов изложение материала стало бы гораздо беднее информативно. В двух последних академических грамматиках есть указатели аффиксов; в книге А.В. Исаченко есть полный указатель описываемых лексем; а в работах А.А. Зализняка «словарный» компонент грамматики становится не только равноправной, но и в каком-то смысле доминирующей частью по отношению к собственно «грамматическому» разделу. В компьютерную эпоху роль $M(G_i)$ выполняют металингвистические базы данных, на основе которых может быть построена так называемая гиперграмматика, играющая роль не только путеводителя по одной русской грамматике, но своеобразного справочника по нескольким русским грамматикам. Гиперграмматика позволит представить полную картину грамматической науки и увидеть сферы реального сближения научных концепций, понять причины разногласий и снять многие противоречия.

XLIX Виноградовские чтения в МГУ соединили представителей разных научных школ и поколений, проблематику разных научных дисциплин, синхронное описание языка и диахронное, грамматику и орфографию, продемонстрировали актуальность научного творчества академика Виноградова для лингвистической науки XXI в.

Nadia K. Onipenko

THE CHRONICLES OF THE XLIX VINOGRADOV READINGS

Federal State Budgetary Scientific Institution V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS 18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019

The article presents the content of scientific reports made at regular Vinogradov readings organized by the faculty of Philology of Moscow state University. M.V. Lomonosov. The readings were made by representatives of different scientific schools and different generations of linguists. Discussion problems of modern linguistic science were discussed. Speakers focused on grammar: classification of parts of speech, functional description of cases, interaction of grammar and spelling.

Key words: linguistics; Philology; history of science; grammatical categories; typology grammars; non-canonical subjects; object genitive.

About the author: *Nadia K. Onipenko* — PhD in Philology, Leading Researcher IRA RAS (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

А.А. Семина

ГОРЬКИЙ СЕГОДНЯ (круглый стол к 150-летию со дня рождения)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье приводится обзор круглого стола «Горький сегодня», который был проведен кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 21 марта 2018 г. 28 марта М. Горький (1868–1936) отметил 150-летие. Оценка его наследия на протяжении этих полутора столетий была весьма неоднозначной и прошла сложный путь от официальной популяризации в качестве творчества «государственного писателя» до читательского неприятия как реакции на данную популяризацию после распада СССР. Как представляется, сегодня, со 150-летней дистанции, наконец появилась возможность взглянуть на комплекс произведений автора непредвзято и попытаться объективно оценить вклад М. Горького в русскую культуру. Доклады участников круглого стола продемонстрировали, что именно Горький способствовал масштабному и глубокому осмыслению тех событий и обстоятельств, которые сформировали портрет русской эпохи рубежа XIX-XX вв., а в конечном итоге привели к революции 1917 г. И сегодня М. Горький по-прежнему остается значимым и актуальным не только для русского, но и для зарубежного читателя. Именно он является лицом «большой литературы» русского XX в. Последнее обстоятельство выступает гарантом того, что в будущем его наследие по-прежнему будет востребовано широкой читательской аудиторией, что оно будет в состоянии ответить на ее вопросы и вызовы современности.

Ключевые слова: М. Горький; 150-летие; круглый стол; обзор; XX век.

21 марта 2018 г. кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса был организован круглый стол «Горький сегодня», приуроченный к юбилею писателя. Прозвучавшие доклады позволили взглянуть на судьбу и творческий путь автора с разных ракурсов и затронули научное изучение наследия М. Горького, осмысление феномена его личности, рецепцию творчества писателя за рубежом и на родине, особенности постановок его драматических произведений.

Семина Анна Андреевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: seminaaa@yandex.ru).

Организаторами и ведущими мероприятия были проф. Л.А. Колобаева и проф. М.М. Голубков, который во вступительном слове поприветствовал участников конференции, обозначив ее магистральную проблему как попытку понять, кем является М. Горький для современного читателя. Круглый стол открыло размышление «Горький сегодня» канд. филол. наук П.В. Басинского (Лит. ин-т им. А.М. Горького). Исследователь отметил, что наиболее значимым для него является вопрос о многогранности Горького как писателя и как человека, и выделил несколько периодов осмысления горьковского наследия: период искушения невероятной славой; период, когда Горький был «государственным» писателем; затем, в 1990-е, период отторжения — реакции на фетишизацию Горького в СССР. В этот период Горький приобрел репутацию «надуманного» писателя, и тогда стало казаться, что скоро его забудут. Но его не забыли. Докладчик попытался установить причину, почему личность Горького оказалась востребованной современными медиаресурсами (крупный литературный портал носит его имя). В ходе размышления над данным вопросом был сделан акцент на глубокой интеллектуальности уже самых ранних произведений М. Горького, а также на его способности максимально широко осмыслить и отразить неразрешимые противоречия своей эпохи. Не случайно создатель проекта «Горький» Б. Куприянов отмечал, что «Горький» — самое точное имя для большой литературы. В заключение докладчик предрек Горькому огромную популярность у будущего читателя в силу многогранности и интеллектуальной насыщенности его творчества.

Профессор *С.И. Кормилов* в докладе «Мифопоэтика М. Горького ("Старуха Изергиль")» упрекнул теоретиков литературы в недостаточном внимании к XX в., в частности непомерно расширенном понимании «романтизма». Метод «Старухи Изергиль» — принципиально новый, синтетический, основой которого является реалистическое, почти научное, хотя и базирующееся на интуиции воспроизведение глубоко архаичного, мифологического сознания, доличностного и потому противоположного романтическому: романтизм — это «апофеоз личности». Неоромантические черты присущи только образу Данко, и то его столкновение с неблагодарным народом не подобно романтическому конфликту героя и толпы, поскольку не является обоюдным, а сам герой выступает и как мифологический культурный герой, подобный библейскому Моисею. Ларра тоже воплощает черты культурного героя (начиная с чудесного происхождения), но с обратным знаком. В частности, у этих персонажей гордость противоположных типов. Отверженный бессмертный Ларра напоминает апокрифических Каина и Агас-

фера (Вечного Жида). Оба героя сохраняют реликты бессмертия в материальном мире (живая тень, не погасающие искры горящего сердца, которое выступает реализацией метафоры), как в мифологии многих народов. Изергиль не случайно верит в свои «сказки». Сознание этой современницы рассказчика тоже весьма близко к мифологическому. Поэтика всех трех частей произведения едина, несмотря на отсутствие фантастики в повествовании старухи о своей жизни. Мышление Изергиль внеэтично (ее разврат совершенно не отрефлектирован) и отнюдь не эстетично, несмотря на абсолютное преобладание сравнений и метафор, взятых из мира природы: в нем не дифференцировано абстрактное и конкретное, материальное и идеальное, человеческое и всё окружающее человека. Старейшины хотели бы видеть мучения Ларры во время казни — и бывшая любовница с эпическим спокойствием рассказывает о казни двух своих первых мужчин, так же равнодушно сообщает о смерти мужа. Ее портрет — фактически портрет смерти. В ее речи смерть может улыбаться, а этимологически «улыбаться», «лыбиться» значит «скалиться подобно черепу» (лъбъ — череп). По словам Изергиль, у Ларры не было «ни племени, ни матери, ни скота, ни жены» (однородный ряд), и сама она первому мужчине дала «вина и вареной свинины... А через четыре дня дала уже и всю себя...» Множество других признаков мифологического сознания в «Старухе Изергиль» находит соответствие в современных научных трудах по мифологии. Горький их не знал, но знал Библию, фольклор, знал и людей, в чьем мироошущении были живы мифологические реликты.

В докладе проф. Л.А. Колобаевой «И. Анненский о М. Горьком» была проанализирована статья критика «Драма на дне» (1905). Как отмечает исследователь, в статье Анненского подчеркивается внутреннее несоответствие персонажей драмы их положению, что позволяет сопоставить его творческий метод с «фантастическим реализмом» Ф. Достоевского. Многие вопросы, поставленные Достоевским, были близки Горькому. Его отношение к Достоевскому — своеобразная «связь-отталкивание», которая не порывалась до конца жизни, в итоге воплотившись в приемах романа «Жизнь Клима Самгина» (система персонажей-двойников, структура диалога и др.). Но если в системе координат Достоевского в центре мироздания находится Бог, то Горький вслед за Ницше ставит во главу угла человека. По мысли ученого, за подобной сменой ориентиров стояла сама смена исторических эпох. В пьесе «На дне» Горький задается вопросом, почему человеческая жизнь становится жизнью «бывшего человека». В рассказе «В сочельник» (1899) его герой бежит от благополучия и порядочной жизни, намереваясь сделаться «бывшим человеком», чтобы «стать живее». К размышлению о явлениях такого рода была устремлена почти вся философия XX в., а творческие идеи Горького уже в начале века развивались в этом направлении. В пьесе «На дне» И. Анненский выделяет три главные темы: это сила судьбы, душа «бывшего человека» и человек иного порядка (Лука). Появление последнего вызывает болезненное для «бывших людей» столкновение двух первых стихий. По мысли профессора, Анненский не считает добро главной движущей силой поступков Луки: он скептик и созерцатель. Такого же мнения критик придерживался и в отношении самого М. Горького, сочетавшего чувство красоты с глубоким скептицизмом, наиболее ярко воплотившимся в «Жизни Клима Самгина».

Доклад проф. *М.В. Михайловой* «Горький — символист? (Пьеса «Фальшивая монета)» указал на особое качество типизации, характерное для некоторых обобщенно-символических образов Горького. Его ранние рассказы поставили в тупик критиков 1890-х годов: К. Михайловский считал его босяков фантастичными персонажами. Уже в рассказе «Мой спутник» герой задуман не как типический характер: его «грузинскость» — случайное качество, не определяющее национальную принадлежность. «Мой спутник» — образ концентрированного зла, дьявольского начала, которое порабощает душу человека. Тогда же обозначилась одна из главных проблем творчества Горького: фальшь, заражающая людей, распространяющаяся на все вокруг, — и та тонкая грань, которая отделяет ее от правды. В плане символистского прочтения Горького ученый опирается на авторитет И. Анненского, который подчеркивал, что в драме «На дне» Горького менее всего интересовало реальное изображение нищеты. Пьесу «Фальшивая монета» в 1926 г. А. Луначарский принял за только что написанную и раскритиковал, хотя Горький начал работать над ней в 1913 г. По мнению профессора, в своей разносной статье Луначарский ближе всего подошел к осмыслению философского замысла Горького. Главным действующим лицом пьесы он назвал ложь, олицетворенную в виде черта, который фабрикует фальшивую монету. Наличие правды и лжи — это условность; договор, заключенный между людьми. Сохранить правду не удается никому: даже правдолюбец может возгордиться и впасть в ложный пафос. В письме немецкому переводчику 1926 г. Горький признается по поводу пьесы: «Она мне кажется ясной и уже не очень символической». При этом характеристики, данные им персонажам, упрощенны: агента полиции Стогова писатель называет порядочным человеком с темным прошлым, утратившим смысл жизни, а Лузгина — «душевнобольным». По мнению ученого, в этих героях бесовское начало проявляется особенно сильно. Стогов и Лузгин из породы «фальшивых чертенят»: они подручные у кого-то, кто управляет всем. Таким образом, M.В. Михайлова отмечает мистический ракурс, с которого Горький рассматривает поставленную в пьесе проблему.

Доклад проф. Г.В. Зыковой «М. Горький на мировой сцене» поднял проблему рецепции творчества М. Горького в современном англоязычном театре, а также театральной критике, публицистике и читательских комментариях. По мнению ученого, западноевропейский и американский читатели не испытывают к Горькому того отторжения, которое в своей массе ощущает русский читатель, травмированный советским опытом. Свою роль в восприятии наследия Горького за рубежом сыграла традиционная симпатия англичан к «левым» движениям. Напечатанный в газете "The Guardian" панегирик к 145-летию писателя был встречен сотнями доброжелательных комментариев читательской аудитории, а в числе любимых были названы произведения, созданные после 1917 г., преимущественно очерки (прежде всего очерк о Л. Толстом) и автобиографическая трилогия. Как отмечает исследователь, интерес к очерку «Лев Толстой» вызван прежде всего качеством текста, которое сохраняется при переводе. В одной из передач американский музыкальный критик О'Лири обратился к данному очерку как к произведению, хорошо известному интеллигентной аудитории. В английском театре Горький также остается довольно востребованным. По мнению англо-американских критиков, драма «На дне» сильно воздействует на зрителя благодаря уникальному сочетанию сострадания и жестокости. Вдохновляет на новые прочтения пьесы фильм Акиры Куросавы (1957). По наблюдениям Г.В. Зыковой, на английской сцене чаще других ставится пьеса «Мещане», которая у зрителя ассоциируется с «Королем Лиром», и подобное сближение превратилось в критический штамп. Так, современный театральный критик отметил, что после пьес Шекспира Королевскому шекспировскому театру лучше всего удаются пьесы Горького. Симптомом интереса англоязычного зрителя к наследию Горького профессор считает регулярные адаптации его пьес («Мещане», «Дети солнца», «Лачники»), иногда затрагивающие и сюжет. Современной англоязычной аудиторией Горький часто воспринимается как писатель левых, антибуржуазных убеждений и используется для анархистской пропаганды. В заключение исследователь отметил, что для каждой постановки Горького английские режиссеры требуют нового перевода, что является доказательством живой жизни М. Горького на современной английской сцене. В год столетия русской революции (2017) количество британских постановок Горького превысило число его постановок в России.

Докторант *Е.А. Коршунова* в докладе «С.Н. Дурылин о М. Горьком» рассказала о творческих связях писателей М. Горького и С. Ду-

рылина. Исследователь поставила вопрос, как «советский писатель» Горький стал интересен Дурылину, сосланному за антисоветские выступления. До недавнего времени освещение указанной проблемы сводилось к биографическому упоминанию о том, что в 1934 г. Дурылин стал членом Союза писателей — его билет № 492 был подписан М. Горьким. В 1930-е годы, по возвращении в Москву из ссылок Дурылин написал и издал около сорока литературно-критических работ о Горьком-драматурге. Условно их можно разделить на отечественные («Дебют Горького-драматурга» (1937), «Горький на сцене» (1902—1937)) и зарубежные («Горький-драматург», "Litterature Internationale" (1944), «М. Горький и театр» (1943), Лондон). В настоящий момент еще одним не до конца изданным источником, описывающим историю их творческих взаимоотношений, остается мемуарная книга Дурылина «В своем углу» (1924—1939). Рассмотрев эти три группы источников, докладчик отметила, что в них данные Горькому одобрительные и восхищенные оценки тесно переплетаются с резко негативными, где Горький изображен «политическим писателем», глухим к религиозному началу и творческой свободе. Подобное противоречие часто не обусловлено хронологией или какими-либо внешними событиями. Говоря о личности писателя, Дурылин выделяет в ней два антагонистических начала: «буревестника», революционера и «бывшего человека» Пешкова, любящего полотна М. Нестерова и сочувствующего В. Розанову. В советских и зарубежных публикациях, которые были проанализированы в докладе, Дурылин изобразил Горького односторонне — советским писателем.

В докладе ст. преподавателя ВГИК Н.И. Стеркиной «Драма "Васса Железнова" на сцене и на экране» был представлен обзор разных постановок и экранизаций пьесы М. Горького, а также сравнительный анализ текстов 1910 и 1935 гг. По мнению докладчика, это две разные самостоятельные пьесы, а не две редакции одного произведения. Создав первый вариант пьесы в 1910 г., в начале 1930-х годов Горький вновь обратился к нему с желанием внести коррективы, но по просьбе режиссера И. Васильева написал новую пьесу с тем же названием. В тексте 1910 г. в центре внимания Горького оказывается «мысль семейная». Особый символический смысл имеют такие детали, как ширма с приколотыми на булавки шевелящимися бумагами и коты, поедающие голубей, которые вводят тему умертвления. В постановке Л. Эренбурга функцию подобной детали выполняют крысы. которых подбирают из мышеловок. Впервые на экране пьеса появилась в 1953 г. К пьесе 1910 г. долго не обращались, пока в 1978 г. ее не поставил А. Васильев, показавший в психологическом спектакле «опыт греха и грешников». Отражая проблему сложной диалектики дела и греха, Васильев опустил социальные аллюзии. В современной постановке С. Виноградова докладчик счел неоправданным и противоречащим авторскому замыслу соединение двух пьес 1910 и 1935 гг. В финале ученый привел обзор критики постановок и сделал вывод, что пьеса востребована и будет ставиться на мировой сцене и в дальнейшем.

Завершил круглый стол отчет о результатах мониторинга восприятия творчества М. Горького. Идея и вопросы анкетирования принадлежат проф. Л.А. Колобаевой. В опросе приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты (всего 23 человека). На вопрос «Входит ли Горький в круг писателей, которых Вы перечитываете?» были даны ответы: «нет» (12); «да, для занятий» (4); «да» (4). Среди наиболее значимых названы произведения: «На дне» (далее — «НД») (10); «Жизнь Клима Самгина» (далее — «ЖКС») (5); «Старуха Изергиль» (далее — «СИ») (4); «По Руси» (4), «Дело Артамоновых» (далее — «ДА») (4); автобиографическая трилогия (далее — AT) (4); «Челкаш» (2), «Двадцать шесть и одна» (2), «Васса Железнова» (далее — «ВЖ») (2); «Мещане» (2); «Дачники» (1); «Яков Богомолов» (1); «Легенда о Марко» (1); «Карамора» (1); «Коновалов» (1); «Мальва» (1); «Рассказ о безответной любви» (1); «Мать» (1); «Песня о Соколе» (1); «Н.А. Бугров» (1); «Лев Толстой» (1). Большинство респондентов считает наиболее актуальной драматургию (7), в частности пьесу «НД» (4). На вопрос «Есть ли в наследии Горького произведения, которым принадлежит будущее?» были даны ответы: «да» (12); «нет» (3); «затрудняюсь ответить» (8). Будущее принадлежит «НД», «ВЖ», АТ, «ЖКС», «ДА», «Караморе», «СИ», очерку «Лев Толстой». Участники мониторинга смотрели постановки и экранизации пьес «НД», «ВЖ», «Мещане», «Варвары», «Последние». На вопрос «Можно ли выделить в творчестве Горького некоторые его произведения *как интеллектуальную прозу?*» 14 участников затруднились ответить; пять опрошенных в этой связи назвали «ЖКС». От ответа на вопрос «Внес ли Горький нечто существенно новое в поэтику романа?» также воздержалось 14 человек. Новаторскими были признаны «ДА», АТ. «ЖКС». В горьковской дилемме «истина» (5) или «сострадание» (8) победило последнее. Один респондент назвал сострадание частью истины. На вопрос о присутствии в творчестве Горького религиозного начала 16 человек ответили утвердительно, выделив образы бабушки и деда из повести «Детство» (2), обратив внимание на природу коммунизма (2) и тоталитарного государства (1). На вопрос «Что Вы не принимаете в наследии и в творческой личности Горького?» были даны ответы: «ненависть к крестьянству» (4): «очерк "Соловки" 1929 г.» (4); «лояльность к большевизму» (3); «многое из публицистики» (1); «поздний период творчества» (1); «ставил гуманность выше лит. мастерства» (1); «сложность языка» (1); «рассказ "Макар Чудра" из-за большого количества романтических штампов» (1); «принимаю все» (1). На вопрос «Если бы М. Горький прожил на 20 лет дольше, по какому пути развивалось бы его творчество?» ответили так: «по соцреалистическому пути» (3); «стал бы жертвой репрессий» (3); «дописал "ЖКС"» (2); «покаялся и объяснил свои поступки» (2); «разочаровался и покончил с собой» (2); «по печальному пути» (1); «сделал одной из тем творчества войну» (1); «по пути взаимодействия соцреалистического и модернистского векторов» (1).

Столь разнообразные ответы в очередной раз подтверждают мысль о многогранности М. Горького и позволяют надеяться, что в будущем его наследие найдет отклик у новых поколений читателей — как сам писатель находил общий язык с представителями самых разных социальных слоев своего многоликого и противоречивого времени.

Anna A. Semina

MAXIM GORKY TODAY (a round table on M. Gorky's 150th anniversary)

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article is dedicated to the round table in memory of M. Gorky (1868–1936), which was organized by the Department of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. This year is the year of the writer's 150th anniversary. His heritage has been evaluated ambivalently during this period of time. In the Soviet Union M. Gorky was a national, state writer, whose works were publicized by the official culture. In the post-Soviet period this official promotion gave way to rejection. Today, 150 years later, there is a chance to estimate his writings objectively. This round table's reports showed that M. Gorky's contribution to the Russian culture is immeasurable. It was he who conceptualized amplitudinously his own time and its circumstances, which generated the Russian Revolution. M. Gorky's name is one of the names in the Russian big literature in the XX century.

Key words: M. Gorky; 150th Anniversary; Round table; Review; XX Century.

About the author: *Anna A. Semina* — PG student, M.V. Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty (e-mail: seminaaa@yandex.ru).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 9. ФИЛОЛОГИЯ»

- 1. Рукописи следует представлять в формате .doc (Word 1997—2003) или .docx
- 2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи для кандидатов и докторов наук до $25\,000$ знаков с пробелами, для аспирантов и соискателей до $20\,000$ знаков с пробелами с учетом двух списков литературы (см. пункты 7-8).
- 3. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный. Название статьи: 16 пунктов полужирным по центру страницы. Без автоматической расстановки переносов.
- 4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: 1) блок русского текста; 2) блок английского текста.

БЛОК РУССКОГО ТЕКСТА (по порядку):

- фамилия и инициалы автора (либо авторов через запятую) сначала указаны инициалы (без пробела между инициалами), затем фамилия;
- название статьи;
- место работы/учебы автора (полное официальное название организации, город, страна)
- текст аннотации/резюме (объемом не менее 200 слов); аннотация должна отражать основное содержание статьи, ее структуру и выводы
- ключевые слова (до 20 слов, с поясняющих слов «Ключевые слова:...» через точку с запятой);
- основной текст статьи (с подрубриками, правила оформления текста см. ниже);
- список литературы (правила см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовком «Сведения об авторах.»/«Сведения об авторе.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, электронный адрес. Мобильный телефон автора или одного из соавторов исключительно для выпускающего редактора.)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА

• Внутритекстовые ссылки — в квадратных скобках фамилия автора/ авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

В результате данного эксперимента [Pennebaker, 2011: 143—144] ученые установили, что придумывать истории так же полезно, как и описывать свой собственный травматический опыт, — это положительно сказывается на здоровье.

 Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, и помещаться в печатное поле страницы.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Список упорядочивается по алфавиту, вначале книги на русском языке, потом — на иностранных языках в порядке английского алфавита. Если в списке литературы оказывается несколько работ одного автора, изданных в один год, то к датам их издания добавляется буквенный индекс (2001а, 2001b, etc.); аналогично с внутритекстовыми ссылками.

Для статьи в журнале или сборнике:

ФИО автора / авторов (не более пяти ФИО; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти — убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et. al.»)). Название статьи // Название сборника/журнала. Год издания. Номер. Страницы.

Например:

Гуревич Д.Л. Лексические бразилизмы и их типы // Древняя и новая романия. № 1 (17), 2016. С. 45-56.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1994. С. 63-71.

Для книги:

 ΦMO авторов (так же, как для статьи). Название книги. Место издания, год издания. Например:

Rossari C. Les opérations de reformulation. Berne, 1991.

Для коллективной монографии и других научных изданий с большим количеством авторов:

Название издания / Под ред. И.О. Фамилия. Место издания, год издания. Например;

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.

Для эл. ресурсов:

ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернетресурс и дата обращения к нему. Например:

Пример:

Dabla-Norris E., *Minoiu C.*, *Zanna L.-F.* Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence. [Washington, D. C.], International Monetary Fund, 2010. URL: http://site.ebrary.com/id/10437418 (accessed: 20.06.2014).

БЛОК АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА (по порядку):

• автор/авторы (транслитерированные инициалы и фамилии через запятую, без пробела между инициалами в порядке: А.А. Ivanov) [правила транслитерации те же, что для списка литературы (см. ниже), за исключением тех случаев, когда автор настаивает на транслитерации своей фамилии не по ГОСТ в связи с тем, что его фамилия уже присутствует в базах данных в его варианте транслитерации];

- название статьи в переводе на английский (транслитерировать не нужно);
- аннотация на английском [По сути, это краткое изложение статьи, которое должно быть представлять собой самостоятельный текст на правильном английском языке, а не быть калькой русского варианта. Аннотация должна включать цель и задачи; материал и методы, результаты, выводы. Текст аннотации дается без приведения статистических данных (цифровых), без библиографических ссылок, по возможности без специальных аббревиатур (если есть, то единожды расшифровать). Объем аннотации не менее 200 и не более 300 слов.);
- ключевые слова на английском (с поясняющих слов «Key words:...» через точку с запятой, каждое слово/фраза — со строчной буквы), которые должны отражать содержание статьи, включать общепринятые в дисциплине термины и другие важные коррелирующие с содержанием работы понятия.
- список литературы (References), который является транслитерированным оригиналом списка литературы из статьи (транслитерируются все русские слова в «романский» алфавит, см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовка «About the authors.»/ «About the author.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, контактная информация).

Транслитерированный список литературы (References) включает все ссылки из «русского» списка в порядке оригинала (структура списка сохраняется — она равна той, что в списке литературы для русской печатной версии), но все русские буквы транслитерируются (см. ниже). Список включает также все ссылки на иностранные источники.

Библиографические ссылки в списке для английского блока оформлять по схеме:

- автор/авторы (не более пяти фамилий; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et al.»),
- название статьи, если оно русское, давать в транслитерированном виде и далее в квадратных скобках без разделения знаками препинания название статьи в переводе на английский язык,
- далее через точку (не через две косые!) курсивом с прописной буквы название журнала (транслитерированное и за ним в квадратных скобках с прописной буквы переводное, как его определяет издатель журнала),
- далее через запятую год, выпуск (том), номер (если есть и то, и другое, а номер/выпуск равен тому и дается в скобках, то перед скобками пробел), диапазон страниц с уточнением «pp.»,
- в конце записи, если описано русскоязычное издание, после точки пояснить в скобках: «(In Russ.).»,
- если есть doi, то после точки указать doi:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.). doi: 0000.

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E., Avtor Zh. Z., Avtor I.K. et al. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск (том), номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Если не статья, а монография/книга, то:

Автор, затем курсивом — транслитерированное название книги и в квадратных скобках без курсива — переводное название книги. Далее после точки — город, издательство (как его заявляет издатель), а если транслитерированное название в себе не несет указания, что это название издательства, например «Недра», то добавить «Publ.»), год. Далее после точки — количество страниц с уточнением «р.»:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie monografii ili knigi [Перевод названия монографии или книги]. Название города на английском, *Nazvanie izdatelstva Publ*, год. 00 р.

Если другой тип издания, см.: Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus. Ч. 1. М., 2013. С. 58–62. URL: http://elsevierscience.ru/files/kirillova_editorial.pdf

Статьи и книги, выпущенные на английском языке, в смысле пунктуации оформляются так же (где нужно, точки и запятые между частями библиографического описания, курсивом обозначается название журнала/сборника, а если непериодическое издание, то курсивом — название книги/монографии).

Ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернетресурс и дата обращения к нему.

Пример:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. 2010. *Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence*. [Washington, D. C.], International Monetary Fund. URL: http://site.ebrary.com/id/10437418 (accessed: 20.06.2014).

Frot E. 2009. Aid and the financial crisis: Shall we expect development aid to fall? Stockholm Institute of Transition Economics, Stockholm School of Economics. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1402788 (accessed: 28.05.2013).